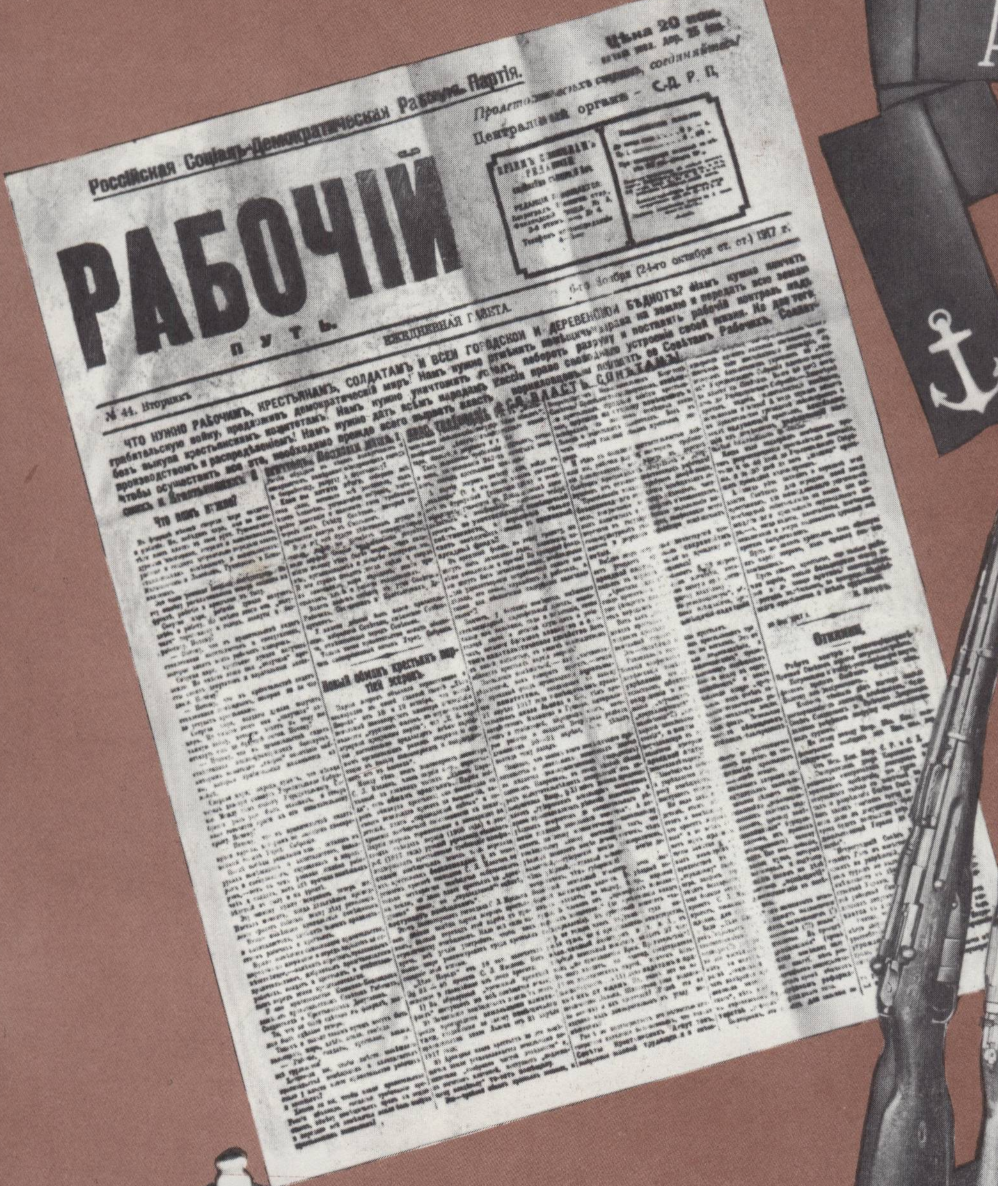

ПИОНЕР

НОЯБРЬ 11

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1969 г.

Российская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

Цѣна 20 коп.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Центральный органъ — С.-Д. Р. П.

РАБОЧІЙ ПУТЬ

Ежедневная газета.

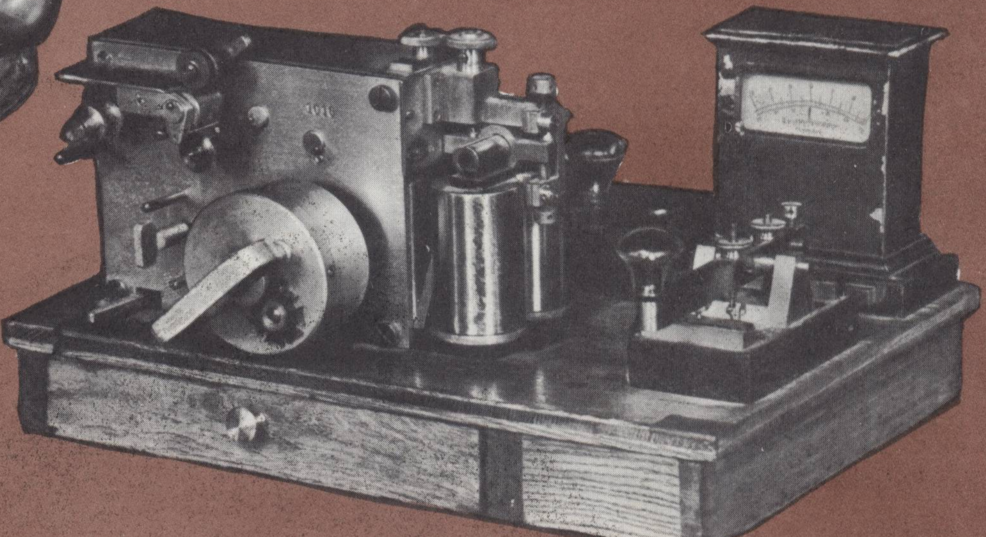
№ 44. Вторникъ

6-го Ноября (24-го октября ст. ст.) 1917 г.

ЧТО НУЖНО РАБОЧИМЪ, КРЕСТЬЯНАМЪ, СОЛДАТАМЪ И ВСЕМ ГОРОДСКОЙ И ДЕРЕВЕНСКОЙ БѢДНОТѢ?

1917 год... Ноябрь... Шестое...
В руках у рабочих
вот эти винтовки
и этот номер газеты,
в Смольном —
этот телефонный аппарат,
и эта ленточка
развевается
на матросской бескозырке,
а по вечерам на «Авроре»
матросы пили чай
из этого медного чайника...

● По улицам темного ночного города шли двое. Парик и щека, подвязанные платком,—будто зуб болит,—совершенно изменили внешность Владимира Ильича. Рядом шагал связной ЦК финн Эйно Рахья. Когда два конных юнкера крикнули: «Стой!»,—Рахья приготовил револьвер. Однако обошлось без выстрелов.

...В ночь на седьмое ноября Владимир Ильич Ленин шел в Смольный, чтобы оттуда руководить восстанием.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

НОЯБРЬ 11

Издательство «Правда»

1969 г.

Об октябрьском штурме, как о великолепно разработанной военной операции, о Владимире Ильиче, как о замечательном полководце, ты прочтешь в нашем
ТРЕТЬЕМ РАССКАЗЕ О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ.

● Они могут поссориться из-за цветного стеклышка и развеселиться, если дождь и солнце сойдутся вместе, могут ни с того, ни с сего спорить: «А бывает у лягушки насморк?» Они не любят, чтобы всегда было одно и то же, они смешливы и любопытны, проказливы и нетерпеливы, и они разные.

Но они хотят дружить и делать все вместе, и быть смелыми, честными, сильными. И они знают, их назвали октябрятами в честь победы Октября. О том, какие они и каким должен быть вожак октябрят, ты узнаешь из разговора «ЧТО ЗА НАРОД — ОКТЯБРЯТА?».

● Напрасно кое-кто думал, что Серебряников собрался бежать из дома и поэтому оказался на вокзале, где изучал расписание поездов. Он не собирался. Может быть, он хотел представить себе, как отец (его отец!) прятался на вокзале, боялся встретить знакомых? Он стыдился отца? Презирал его? Нет, тут все сложнее...

Прочитай повесть ленинградского писателя Бориса Никольского, и тебе откроется тайный смысл этих слов —
«ЭКЗАМЕН, КОТОРОМУ НЕТ КОНЦА».

● Что за странное сооружение ждет тебя на сороковой странице? Стог сена на двух ногах. Да это скоморох с куклами! А с ним ряженые. И Петрушка. Простимся с бродячими актерами, они уходят со страниц журнала.

Кончаются рассказы И. Уваровой о театре.

● Плавали ли древние египтяне к берегам Америки? Сколько лет школе — не твоей школе, в которой ты сейчас учишься, а школе вообще? Как случилось, что читатель нашего журнала Коля Семченко оказался вдруг в старинном замке, где разговаривал с девочкой, и неожиданно выяснил, что девочка была принцессой?

Обо всем этом ты узнаешь, познакомившись с новым номером «Пионера».

Борис НИКОЛЬСКИЙ

Экзамен, которому нет конца

ПОВЕСТЬ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Мы возвращались с отцом из школы. Сначала вместе с нами шел Мишка Матвейчик, потому что Мишку хлебом не корми — дай только пройтись рядом с военным, никогда он не упустит такую возможность.

Но потом Мишка свернул к своему дому, и мы остались с отцом вдвоем.

Даже назойливая Элька Лисицына деликатно приотстала. Впрочем, всем своим видом она показывала, что все прекрасно понимает, что не хочет нам мешать. Ну и пусть!

Мы не стали садиться в автобус, мы миновали автобусную остановку и пошли дальше пешком.

Цок-цок, цок-цок — цокали отцовские сапоги металлическими подковками по тротуару.

Тук-тук, тук-тук — постукивали каблуки моих ботинок.

Так мы шагали рядом, и я чувствовал, что теперь уже могу свободно рассказать ему обо всех своих переживаниях, обо всем, что случилось со мной начиная с того самого дня, когда мы с мамой проводили его в Москву, или нет, позже — когда мы получили первое письмо из Москвы... или нет, даже еще позже — с того дня, когда я посмотрел в окно и увидел старшеклассников, играющих в волейбол...

Я посмотрел в окно на площадку, где старшеклассники играли в волейбол, и вдруг первый раз отчетливо понял, первый раз подумал всерьез о том, что очень скоро расстанусь со своим шестым «Б», со своей партой у окна, на крышке которой кто-то еще до меня вырезал таинственное слово «чапа» — даже сквозь свежую краску проглядывали эти буквы. И с Мишкой Матвейчиком, моим соседом по парте, тоже расстанусь.

«Наверно, уже принесли телеграмму»,— подумал я.

Еще утром мама сказала: «Сегодня обязательно должна быть телеграмма от папы. Обязательно».

Хоть бы поскорее кончились уроки! А то сидишь тут и ничего не знаешь...

— Серебряников, ты о чем задумался? Надо смотреть не в окно, а на доску. На окне ничего не написано. Серебряников, кому я говорю?

Мишка Матвейчик толкнул меня в бок. Я вскочил.

— Повтори, что я сейчас объясняла.

Анна Сергеевна, математичка, стояла возле самой нашей парты, так что рассчитывать на подсказку было нечего. Мишка уткнулся носом в тетрадь и не смотрел ни на меня, ни на учительницу. Он всегда так — за других переживает больше, чем за себя, для него нет хуже мучения, чем видеть, как гибнет на его глазах человек, а он даже не может помочь.

— Я жду, Серебряников.

Я молчал.

— Ну что же, Серебряников,— сказала Анна Сергеевна,— я ставлю против твоей фамилии точку...

«Сейчас она скажет: а точка — это зародыш двойки»,— подумал я.

— А точка, Серебряников, это зародыш двойки,— сказала Анна Сергеевна.— И вообще мне не нравится, как ты ведешь себя последнее время. Если так будет продолжаться, боюсь, нам придется поссориться в конце четверти...

Я никогда не учился слишком плохо, никогда не был позором класса, но и отличником, украшением и гордостью класса, тоже не был, случались в моем дневнике и тройки, и двойки, и замечания за поведение тоже попадались. Так что не впервые приходилось мне стоять перед учительницей и выслушивать всякие неприятные слова.

Сколько раз, стоя вот так, я беззвучно уговаривал, умолял, гипнотизировал учительницу, чтобы она не ставила мне в дневник двойку или не записывала замечания! И сколько раз я весь сжимался от молчаливого негодования, когда мне казалось, что поставленная двойка несправедлива!

Моя мама часто говорила, что мой отец — гордый человек, и я, конечно, рос в него — тоже гордым, мне вовсе не улыбалось быть хуже всех. Даже не двойка сама по себе меня всегда огорчала и расстраивала — подумаешь, двойка! — я знал, что рано или поздно ее исправлю. Гораздо больше мне не нравилось все то, что неизменно двойку сопровождало. Двойка как бы давала право каждому, кто только хотел, у кого только появлялось желание ругать меня, отчитывать и стыдить,— вот что было противней всего!

Но сегодня я смотрел на Анну Сергеевну совершенно спокойно, даже с чувством некоторого превосходства, словно это я вдруг превратился в учителя, а она стала моей ученицей.

Я знал кое-что, чего не знала она.

Мне было весело и даже немного неловко слушать ее: как будто я невольно обманывал ее, пользовался ее неведением, и я наконец смилостивился и сказал небрежно.

— Анна Сергеевна, нам не придется с вами ссориться. Я, пожалуй, и не доучусь до конца четверти.

— Это почему же?

— А они в Москву уезжают! У него папаша в академию поступает! — сообщила Элька Лисицына, дочь командира второго батальона, главная выскочка в классе.

Почему-то считается, что выскочками бывают обычно отличники, на то они и отличники, но вот Лисицына была самой захудалой троечницей, а все равно всегда и везде лезла вперед всех.

Ребята сразу повернули головы и смотрели на меня с завистью и интересом.

— Ну и что же, что уезжают? — спокойно сказала Анна Сергеевна.— Учиться-то все равно нужно. Не в одной школе, так в другой. И тем более, Серебряников, пока ты сидишь еще за партой в нашей школе, будь добр, веди себя как полагается.

Она ровным голосом проговорила все, что должна была проговорить, но сделала это как-то уж слишком спокойно, даже вяло, наверно, и сама понимала: какой теперь спрос с меня — с вольного человека?

— Ладно, садись, Серебряников, и больше не отвлекайся,— сказала наконец Анна Сергеевна.

И я сел. А Мишка Матвейчик сразу ожил, повеселел и зашептал мне в ухо:

— Когда ты уедешь, мы письма будем писать друг другу, правда?

— Правда,— сказал я обрадованно. Раньше я никогда никому не писал писем.

— А давай сейчас попробуем! — сказал Матвейчик.

— Что попробуем?

— Ну, письма писать, поупражняемся. Как будто ты уже уехал!..

У Мишки был нетерпеливый характер, и если ему приходила в голову какая-нибудь идея, ему надо было немедленно осуществить ее. Не дожидаясь моего согласия, он уже вырвал лист из тетради и приготовился писать.

— Давай, начали! А потом ты пошлешь мне, а я тебе. И мы будем читать.

Я подумал, что так, пожалуй, быстрей пройдет время до конца урока, и тоже вырвал тетрадный листок.

«Миша, привет! — написал я, подумав.— Какая у вас погода? У нас погода хорошая...»

Я смилостивился и сказал как можно небрежнее: — Анна Сергеевна, нам не придется с вами ссориться. Я, пожалуй, и не доучусь до конца четверти.

Дальше я не знал, что писать, и мне сразу расхотелось играть в письма: было что-то девчоночье в этой игре.

Я заглянул в Мишкин листок.

«Здравствуй, Жека! С горячим к тебе приветом твой бывший одноклассник Миша Матвейчик,— старательно выводил Мишка.— Какая у вас погода? У нас погода хорошая...»

Я засмеялся. Наверно, я громко засмеялся, потому что Анна Сергеевна обернулась от доски и стала пристально смотреть на меня. Но тут прозвенел звонок.

После уроков я сразу отправился домой.

Я прошел через спортплощадку, мимо сваленных в кучу портфелей, мимо пацанов, спорящих, кому в какой команде играть.

— Жека, ты куда? — закричали они, перестав спорить.

Я неопределенно махнул портфелем.

Они ничего не поняли. Они не знали, что сегодня я уже простился со школой, и с этими тоненькими деревьями, которые мы сажали два года назад, и со спортплощадкой, где мы всегда гоняли в футбол, несмотря на строгий запрет нашего физкультурника, и с ними — своими одноклассниками — тоже простился. Пусть даже мне придется еще не раз являться сюда, все равно я уже простился. Все, что еще даже вчера было для меня важно и значительно, теперь как бы отступило и не казалось уже ни важным, ни значительным, потому что уже другие мысли — как будет на новом месте, что ждет меня там — занимали меня. И теперь я торопил, подгонял время, как подгоняешь его, когда ждешь свой день рождения...

На автобусной остановке, уже возле военного городка, я столкнулся с лейтенантом Загорулько.

Этот лейтенант Загорулько — веселый человек. И шумный. И в самодеятельности он выступает так, что живот надорвешь от смеха,— может изобразить кого угодно: хоть Аркадия Райкина, хоть Сергея Филиппова. Но я, когда вижу его, всегда стараюсь обойти стороной, стараюсь не попадаться ему на глаза. Никогда он не поговорит нормально, а все с какими-то усмешечками и насмешечками, придумывает мне какие-то дурацкие прозвища вроде «Джека-потрошителя» и вообще обращается со мной, как с младенцем. Еще он всегда делает вид, будто ужасно рад, что встретил меня, хотя что ему особенно радоваться? Любит дразнить, а у самого фамилия — Загорулько. Будь у меня такая фамилия, я бы и рта не раскрывал, помалкивал бы...

Вот и сейчас, увидев меня, лейтенант сразу закричал:

— Ну что, брат, без отца, наверно, полный портфель двоек нахапал? Ни с кем не поделился? Пороть-то некому! А?

Голос у лейтенанта был громкий, и все на остановке сразу посмотрели на меня, на мой набитый портфель и засмеялись. Хотя, конечно, Загорулько прекрасно знал, что отец меня никогда и не думает пороть, даже пальцем не трогает.

— Ну, а папаня твой еще не провалился с треском на экзаменах? Не прислал еще депешу: «Сижу на пустом месте — высылай двести»?

И что мой отец никогда нигде не проваливался с треском, что он всегда был лучшим командиром роты, и лучшим стрелком, и лучшим спортсменом, лейтенант Загорулько тоже прекрасно знал. А все-таки болтал всякие глупости. Только испортил мне настроение.

Я бы, наверно, так и явился домой с испорченным настроением, если бы не встретил, уже идя через военный городок, сержанта Колю Быкова. Вот это человек, совсем другое дело, не то что лейтенант Загорулько.

Коля Быков возвращался из танкового парка, был он в черном рабочем комбинезоне, пахнущем бензином, и руки у него были черные-черные, перемазанные маслом и гудроном. Я всегда завидовал таким рукам.

И, конечно, он тоже спросил меня об отце. Я уже привык, что последние дни меня все обязательно спрашивали об отце.

— Сегодня телеграмма должна быть,— сказал я.

— А... Жаль будет расставаться с твоим батькой...

Он немного еще помолчал, постояв рядом со мной, и потом пошел к казарме. А я пошел домой.

Телеграмму от отца еще не приносили. Мама нервничала, сердилась.

— Вечно он так, как святой,— говорила она.— Занят делами. А мы для него ничего не значим. Ну что, трудно ему дойти до почты, отбить телеграмму?

Я молчал.

Мне, конечно, тоже очень хотелось поскорее получить известие от папы, но я был уверен, что у него могут найтись заботы поважнее, чем рассылать телеграммы. И вообще я давно уже убедился: в подобных случаях мне лучше помалкивать. Когда мама начинает ругать отца, в конце концов обязательно достанется и мне. Потому что я «весь в отца». Тем более что отец сейчас далеко, а я здесь, рядом.

Я боялся, что мама поинтересуется моими школьными делами, и тогда уж мне влетит под горячую руку, но сегодня ей было не до этого. Она даже не спросила меня, как обычно, вечером, выучил ли я уроки. И я окончательно почувствовал себя свободным человеком.

С этим прекрасным ощущением я и уснул.

Сколько я проспал, не знаю, по-моему, очень недолго.

Я вдруг проснулся, проснулся так неожиданно, что даже никак не мог понять сначала, что проснулся, мне казалось, что я все еще сплю и мне снится, будто я проснулся.

Я увидел, как из соседней комнаты под дверью пробивается узкая полоска света, и услышал голос отца.

Я быстро сел на кровати и прислушался.

Яркая полоска по-прежнему светилась под дверью, но теперь, там, во второй комнате, было тихо.

Приснилось... Значит, все-таки приснилось...

Но тут же вдруг я снова услышал голоса — совсем тихий, мамин, и чуть погромче — отца.

Я отшвырнул одеяло и босиком, в трусиках ринулся в соседнюю комнату. Я бросился отцу на шею, я барабанил его кулаками по широкой спине и твердил:

— Почему меня не разбудили? Почему не разбудили? Жалко было, да?

— Женя, иди в постель,— сказала мама.— Холодно, простудишься. Завтра папа все расскажет.

— Почему завтра? Тебе сегодня, а мне завтра? Хитренькая!

— Женя, папа устал...

Я посмотрел на маму, потом перевел взгляд на отца, потом снова на маму и вдруг сразу понял: что-то произошло, что-то случилось! У них у обоих был такой вид, какой бывал только тогда, когда они ссорились. Оба они сидели с какими-то напряженными, смущенными лицами.

— Иди, Женя, иди...— повторила мама.

Но я не ушел. Я только торопливо натянул тренировочный костюм, сунул ноги в тапочки и остался сидеть. Почему я должен был уходить? Почему я должен был ждать до завтра?

— Ладно,— сказал отец.— Завтра, сегодня—какая разница. В общем, брат, плохим твой отец оказался сдавальщиком экзаменов. Никуда не годным...— Отец сделал неловкое движение головой и вдруг улыбнулся.— Вот какое дело...

Я поглядел на маму. Я подумал, что он шутит.

— Да, Женя,— голосом без всякого выражения сказала мама.— Папу не приняли в академию. Он не прошел по конкурсу.

Мама говорила серьезно, она не улыбалась, как отец, и все-таки у меня еще оставалась надежда, что они оба сговорились и теперь разыгрывают меня, как маленького. А потом оба расхохочутся, когда увидят, что я поверил.

— Ну да! — сказал я нерешительно.— Все вы сочиняете.

И тут мама вдруг рассердилась.

— Довольно, Женя,— сказала она.— Живо в кровать! Только тебя здесь не хватало! Дай мне поговорить с папой!

Отец еще улыбался, глядя на меня, но лучше бы он не улыбался такой улыбкой!

Я понял, что никто не собирался меня разыгрывать и все, что я услышал сейчас, правда. Я встал и поплелся к себе в комнату.

Они могли заставить меня уйти, но никто не мог заставить меня уснуть, и никто не мог заставить меня зажать уши. Я лежал в темноте, и обрывки разговора доносились до меня из-за закрытой двери. Я слышал голос отца — мама либо молчала, либо говорила так тихо, что я ничего не мог разобрать. А отца я слышал...

— Понимаешь,— говорил он,— это здесь меня убедили, уверили, уговорили — мол, ты лучший командир роты, лучший, лучший. Я и успокоился. Вроде лучше меня никого и нет. А там таких, как я, десятки. Это здесь мой портрет в аллее почета всем в глаза бросается. А там у меня в личном деле обычная фотокарточка, как у всех. Портрет-то здесь остался. Там тот лучший, кто экзамены на пятерки сдает...— Он замолчал и молчал довольно долго, а потом сказал неожиданно, с горечью, почти с отчаянием: — Как я завтра пойду на работу, не знаю! Не могу! Не могу представить! Ведь знаешь, я сегодня пять часов торчал на вокзале, темноты дожидался: стыдно было идти днем через городок...

Так вот почему он появился ночью, в неурочное время!

Я представил себе, как отец, мой отец прячется на вокзале, как боится встретить кого-нибудь из знакомых, и мне стало не по себе. Я чуть не заплакал.

Я лежал тихо-тихо, не шевелясь,— если бы даже отец вошел сейчас сюда и увидел, что я не сплю, я бы ни за что не признался, что слышал его последние слова... Скорей бы умер, чем признался.

И все-таки я заснул.

Я сам не заметил, как заснул, и проспал до самого утра, ни разу больше не проснувшись. И даже сны в эту ночь мне не снились.

Утром я открыл глаза и увидел отца.

Отец ходил по комнате и брился бритвой «Спутник», которую мы с мамой подарили ему 23 февраля.

— Подъем! Женька, подъем! — скомандовал он, как обычно, как командовал всегда по утрам.

Но сейчас он сказал это машинально, скорее просто по привычке, я был уверен: он бы даже не заметил, если бы я не встал.

Обычно я любил подольше поваляться в постели, пока отец не устраивал мне «государственный переворот» — он переворачивал меня вместе с матрасом, так что я сразу оказывался на холодной металличе-

Когда я увидел отца и маму, я понял вдруг: что-то случилось...

ской сетке, и мне ничего не оставалось, как только подниматься. Но сегодня я вскочил сразу — я понимал, что отцу не до меня, хотя и он и мама старательно делали вид, будто ничего особенного не случилось, будто все идет, как надо. Кого они хотели уверить в этом? Меня, что ли? Или, может быть, самих себя?

Я-то видел, что отец сегодня молчаливее, чем обычно, и на часы поглядывает чаще, точно школьник, когда истекает время контрольной, и вот-вот прозвенит звонок, и надо сдавать работу... А мама суетилась больше, чем всегда, и все задавала отцу какие-то пустячные вопросы, все переспрашивала, не забыл ли он ручку, не надо ли планшет, приготовил ли плащ... Будто он первый раз собирался на службу.

А я сегодня вел себя тихо, незаметно, словно бы меня и не было вовсе.

В окно я видел, как прошли мимо нашего дома майор Городецкий, папин комбат, и лейтенант Загорулько. Обычно отец секунда в секунду точно в этот момент выходил из дома и присоединялся к ним, и они уже втроем шагали к штабу.

А тут отец нарочно приостановился у двери — ждал, когда они пройдут. Офицеры взглянули на наши окна и пошли дальше — они ведь еще не знали, что он вернулся. А отец все стоял в передней, не двигаясь, точно прислушивался.

— Ладно,— сказала мама негромко и положила руки ему на плечи.— Не мучай себя. Что же теперь делать!

И тогда отец решительно толкнул дверь и пошел, не оглядываясь. Я видел, как шел он по улице — широкоплечий, подтянутый,— я глядел ему вслед до тех пор, пока он не скрылся за поворотом.

И только тут я вдруг вспомнил о школе и подумал: «А я? А как же теперь я?».

*

— Ты знаешь, куда пойди первым делом?— сказал мне Миша Матвейчик.— Первым делом жми в бассейн. Я читал в журнале, в Москве есть такой бассейн, законный, прямо под открытым небом. На улице мороз тридцать градусов, а люди купаются себе преспокойно. Правда, здорово?

— Правда,— сказал я.— Правда.

Я никак не мог набраться решимости и сказать Мишке, что ни в какой бассейн я не попаду, ни в какую Москву я не поеду. Несколько раз собирался и не мог. Это как прыгнуть в воду с вышки: если не прыгнул сразу, то потом, сколько бы ни подходил к самому краю, все уже зря— с каждым разом все труднее сделать последний шаг. А кроме того, стыдно признаться, но в глубине души я по-прежнему надеялся, что все еще может измениться каким-то чудесным образом.

Сегодня еще никто в школе не знал о моем позоре, даже Элька Лисицына еще ничего не пронюхала, а она-то все всегда узнавала первая. Сегодня она молчит, потому что ничего еще не знает, а завтра, завтра-то ей все будет известно, завтра она растрезвонит всем о бесславном возвращении моего отца, в этом можно не сомневаться. Да и без Эльки ребята все равно узнают.

Всю жизнь, сколько я себя помню, я всегда гордился своим отцом, а теперь...

— Серебряников! — сказала Анна Сергеевна.— Я вижу, что хоть ты еще и не уехал, но на моих уроках уже отсутствуешь...

Значит, и она помнит. А у меня еще теплилась слабая надежда, что, может быть, все в классе забудут, как я распространялся вчера о своем отъезде.

Теперь завтра Анна Сергеевна скажет: «Что ж удивительного, выходит, ты берешь пример с отца...» — или что-нибудь в этом роде. Конечно, я знал, что ничего подобного она никогда не скажет, но ведь может сказать, если захочет. Одна эта мысль была для меня невыносима.

На другой день я не пошел в школу.

Сначала я болтался в скучном, осеннем лесу, что начинается сразу за военным городком, потом вышел к речке.

Летом, когда жарко, здесь собирается много народу, здесь бывает весело и шумно, а сейчас было пустынно.

По речке, выскочив из-за поворота, пронеслась байдарка. Одинокая, она летела легко и стремительно, и мне сразу захотелось уехать куда-нибудь далеко-далеко. Вот бы сесть в танк и помчаться — пусть попробует кто-нибудь остановить!

Такие чепуховые мысли приходили мне в голову. Мне совсем не хотелось болтаться вот так, одному. И скучно, и холодно, и тоскливо, ничего интересного в этом не было. Но что мне теперь было делать?

Я пропустил и второй день и третий...

Ни мама, ни отец ничего не подозревали. Отцу было, конечно, не до меня, и без моей персоны у него сейчас хватало забот, с утра до вечера он пропадал в своей роте, а маме и в голову не приходило, что ее сын пропускает уроки. Я же отправлялся утром из дома с портфелем, как всегда.

На что я надеялся? На что рассчитывал? Не знаю.

Я не представляю, чем бы все это кончилось и сколько бы я еще прогуливал уроки, но на четвертый день утром, когда я уже взял в руки портфель и собирался выйти из дому, на пороге нашей квартиры возникла Элька Лисицына.

— Здравствуйте, Маргарита Николаевна, доброе утро,— очень вежливо сказала она моей маме, но я, конечно, сразу догадался, что пришла она вовсе не для того, чтобы только поздороваться с моей мамой.

— Серебряников,—сказала Элька,—мне Анна Сергеевна поручила узнать, почему ты не ходишь в школу.

Я быстро взглянул на маму. Я увидел, как удивленно расширились у нее глаза. Вся она как-то резко выпрямилась, и я ждал, что сейчас она закричит, сейчас начнет ругать меня при Эльке, и тогда уж мне останется лишь пойти и утопиться.

Но мама не закричала, она только выразительно поглядела на меня и сказала:

— Но сегодня ты ведь идешь в школу?

— Да, конечно,— торопливо сказал я.— Идем, Элька, а то опоздаем...

И мы пошли — я и мой конвоир Элька Лисицына.

Однажды — это было еще в третьем классе — я болел скарлатиной и долго лежал в больнице. И когда потом я вернулся в школу, я был еще слабым и тихим и чувствовал себя робко и неуверенно, совсем как новичок. И вот теперь у меня было опять такое же состояние, словно я возвращаюсь в класс после долгой тяжелой болезни. Так что я был не очень далек от истины, когда сказал Анне Сергеевне, что болел эти три дня, и даже пообещал принести завтра записку от матери. Хотя я не очень хорошо представлял себе, как смогу добыть эту записку, потому что догадывался, что ждет меня сегодня дома.

И я не ошибся.

Вечером у нас состоялся семейный суд.

Отец был как бы главным судьей. Мама — и обвинителем и свидетелем одновременно. Только защитников у меня не было.

Правда, разговор со мной отец начал вполне мирно и даже шутливо, и если бы я сразу покаялся, все бы, наверное, кон-

чилось быстро и благополучно, но на меня вдруг накатило упрямство, просто какое-то упрямое безразличие, и я молчал.

— Ну-с,— сказал отец,— какие еще фортели ты намерен выкидывать? Посвяти, пожалуйста, нас с мамой в свои секреты.

Вообще-то, я думаю, ему было не до шуток и мне тоже — зачем же он разговаривал со мной таким тоном, словно лейтенант Загорулько?

Я ничего не ответил. Что я мог ответить?

— Ну что ж, помолчи. Я подожду,— сказал отец.

— Ему просто нечего говорить. Разве ты не видишь? — сказала мама.— Прогулял три дня и еще улыбается. Как святой.

Это была неправда. Я не улыбался. Я просто молчал.

— Дай-ка дневник,— сказал отец.

Я принес дневник. В дневнике у меня все было в полном порядке — одна четверка по английскому и ничего больше.

— Та-ак...— сказал отец.

— Я теперь не знаю, чему верить,— сказала мама.— Может быть, он уже и отметки подделывает?

— Ну уж! — сказал я. Зря я не удержался.

— А что «ну уж»? Что «ну уж»? — сразу закричала мама.— Вчера ты обманывал меня и не ходил в школу. Завтра будешь подделывать отметки в дневнике — что тут удивительного?

Я опять замолчал. Мне нечего было возразить.

— Ну вот что, братец,— сказал отец.— Я хочу, чтобы ты членораздельно объяснил: почему ты не ходил в школу? Были же у тебя какие-то причины?

— Какие у него причины! — сказала мама.— Связался, наверно, с плохой компанией!

— Так в чем же дело? — повторил отец.

Неужели он сам не понимал, в чем дело? Неужели так трудно было догадаться? Не мог же я рассказать ему, что сегодня на переменах я даже не выходил из класса — боялся, что меня начнут расспрашивать об отце! Не мог же я рассказать ему, как на уроке литературы, когда учительница произнесла вдруг слово «академия», у меня ухнуло и полетело вниз сердце, потому что мне показалось, что в тот момент все разом посмотрели на меня и подумали о моем отце, и я долго еще не решался поднять глаз, хотя, конечно, то, о чем говорила учительница, не имело никакого отношения ни ко мне, ни к моему отцу... Мог ли я теперь рассказать ему об этом?

— Значит, будем молчать? — спросил отец.— Не думал я, что ты такой упрямый.

— Утром я промолчала, пощадила его при Эле,—сказала мама,—хотя у меня было такое состояние, будто меня ошпарили. Но я промолчала. Думала, что он оценит. А он не понимает, оказывается, когда с ним обращаются по-человечески...

Не надо было ей сейчас говорить об этом, не надо. Я все понял, я все оценил, тогда утром я готов был расцеловать мою маму, но зачем теперь она сама напоминала об этом?

— Язык ты, что ли, проглотил? — уже раздражаясь, сказал отец.— Долго мы еще будем играть в молчанку?

— У папы и так неприятности на работе,— сказала мама,— а ты...

И тут я не выдержал.

— А что, я виноват в этом, что ли? — сказал я.

— Как ты смеешь так говорить с отцом! — закричала мама.— Замолчи сейчас же!

— Пожалуйста,— буркнул я.— То говори, то молчи...

— Не смей хамить матери,—сказал отец.

Я и сам понимал, что грублю, и грублю напрасно, зря, но уже не мог остановиться. И правда, разве я был виноват в отцовских неприятностях? Разве я ездил в Москву? Разве я не попал в академию? Разве я сдавал экзамены? Почему, когда я приношу двойку, никто мне не говорит: «Не трогайте его, не беспокойте, у него и так неприятности в школе...»?

— Могу и совсем не разговаривать! — сказал я.

— Убирайся к себе в комнату! — крикнула мама.— И подумай как следует о своем поведении!

Вообще мама нередко кричит на меня и говорит всякие ругательные слова, не церемонится со мной, но и отходит, успокаивается потом быстро, а вот отец если рассердится, это хуже, это надолго.

Я посмотрел на отца — не скажет ли он еще что-нибудь. Но он молчал.

Тогда я пожал плечами и пошел к себе в комнату.

*

Не успел я выскочить на большой перемене из класса, как столкнулся с нашей пионервожатой Людой.

— Серебряников,— сказала Люда,— ты не забыл?

— Что? — спросил я.

— Как что? Пригласить своего отца! Мы же договорились!

Только этого мне сейчас и не хватало!

Я, и верно, совсем забыл. Времени-то прошло дай бог сколько! Это еще в прошлом году мы придумали — приглашать на наши сборы по очереди своих родителей. И пусть каждый расскажет самую интересную историю из своей жизни.

— Он не может,— сказал я Люде.

— Почему это?

— Потому что не может,— повторил я.

— Но мы же договаривались!

— Мало ли что договаривались! А теперь у него есть дела поважнее, понятно?

— Понятно, Серебряников. Это несерьезный разговор,— тоном учительницы сказала Люда.— Я сама поговорю с твоим отцом.

— Пожалуйста! — Я пожал плечами.— Никто не запрещает.

Вот как все получалось теперь — шиворот-навыворот. События, которых я раньше ждал бы с нетерпением и радостью, теперь приносили мне одни огорчения, стыд и неприятности...

❇

В воскресенье с утра ко мне в гости явился Миша Матвейчик. Миша всегда немного завидует мне. Миша уверен, что, если бы он жил, как я, в военном городке, если бы отец у него был капитаном, командиром роты, он бы целые дни проводил возле танков. Наверно, Мишке казалось, что танкисты только и делают, что все время палят на стрельбище из пушек, строчат из пулеметов или водят танки через всякие препятствия.

Я-то хорошо знаю, что это не так. Я-то хорошо знаю, что чаще всего с утра до вечера танкисты возятся в парке, в танковых боксах, где стоят их машины, стучат тяжелыми кувалдами, орудуют гаечными ключами, кистями и тряпками, дышат запахом бензина и краски и морщатся от едкого сизого дыма, который даже у самых привычных солдат вышибает слезы... И все это потому, что каждый танк должен быть в полной боевой готовности. Должен быть как новенький.

Уж я-то насмотрелся на работу танкистов! Меня танками не удивишь! Мама даже рассказывает всем нашим знакомым, будто первое слово, которое я произнес в своей жизни, было слово «танк». Не знаю, правда это или нет, но сколько я себя помню, столько помню и танки.

И все-таки, если говорить честно, танки я люблю не меньше, чем Мишка Матвейчик, смешно даже сравнивать. Уж если я приду в парк, так могу хоть десять часов подряд смотреть, как натягивают солдаты гусеницу, или прогревают мотор, или проверяют радиоаппаратуру. А солдаты разрешают мне забраться в кабину и посидеть за рычагами, посмотреть в прицел, подержаться за рукоятку пулемета. Даже командира полка я не боюсь, хотя его все побаиваются,— когда он видит меня среди солдат, он всегда посмеивается и говорит: «А, будущий танкист! Правильно, правильно, привыкай! Нам нужны хорошие солдаты». И никогда не прогоняет меня.

В то воскресенье, когда явился ко мне Мишка, отца дома не было — он ушел проводить дополнительные занятия с солдатами. Как-никак, а пока он был в Москве, пока сдавал свои экзамены, рота оставалась без настоящего командира, и теперь отцу приходилось наверстывать упущенное. А кроме того, надвигались какие-то учения или проверка, кажется, даже комиссия какая-то очень важная должна была приехать — так я слышал от Эльки Лисицыной,— и теперь все готовились к этому событию.

Я знал, что Мишка, раз уж он пришел ко мне, рано или поздно обязательно потянет меня к танкам, и поэтому я сразу повел его в парк.

Но дежурный по парку, старшина-сверхсрочник, не пустил нас туда — сказал, что все опечатано и закрыто и делать там совершенно нечего.

Тогда мы направились к учебным классам — разыскивать моего отца. Уж он-то нас, конечно, не прогонит. Вообще мои родители любят, когда ко мне приходит Матвейчик, потому что он тихий и вежливый. Если бы я вдруг сделался похожим на него, они были бы только довольны.

Ладно, пусть старшина стережет свой парк, в учебных классах есть штучки еще поинтереснее! Там есть, например, тренажер, на котором солдаты учатся водить танк. Рычаги, педали — все, как в настоящей машине. Ты сидишь за рычагами, а перед тобой макет танкодрома: и крошечный противотанковый ров и всякие другие препятствия — точно как на настоящем танкодроме. И по этому игрушечному танкодрому бегает игрушечный танк. Тронешь левый рычаг — и маленький танк послушно побежит влево, тронешь правый— вправо, скинешь обороты — и он замедлит ход, прибавишь — и он увеличит скорость. Жаль только, что нас, пацанов, и близко не подпускают к этому тренажеру. Боятся, что сломаем. Я только один раз и сидел за рычагами, и отец наблюдал за мной. А есть еще тренажер...

— Мишка! — сказал я.— Пошли посмотрим, как солдат в танке затопляют!

— Как затопляют? — удивился Мишка.

— Очень просто. Водичкой. Затопят в танке и смотрят: кто сумеет выбраться — тому пятерка, а кто не сумеет — тому каюк.

— Ну да! — поразился Мишка. Он был доверчивым парнем, и я этим частенько пользовался.

— А зачем их затопляют?

— Надо. Вот, например, идет танк по дну реки, и вдруг — бах-ба-бах! — мотор заглох, или снаряд в гусеницу угодил, или еще что. Что тогда делать? Ну, скажи: ты бы что стал делать?

— Выбрался бы из танка...— неуверенно предположил Мишка.

Нам повезло...

— Ха-ха! Ловкий какой! Умненький! Выбрался бы! А люк ты откроешь, да? На него вода, знаешь, как давит! Ни за что не откроешь. Затопить надо танк сначала — вот что! Давление сравняется — и тогда, пожалуйста, открывай люк, понял?

— Понял,— сказал Мишка.

По его лицу я видел, что ему уже не терпится поскорее посмотреть все своими глазами.

Я уверенно толкнул дверь приземистого здания, хотя в душе опасался, как бы нас не турнули и отсюда. По опыту я уже знал, что, когда взрослые готовятся к приезду каких-нибудь комиссий, они становятся очень серьезными и сердитыми...

Но мне повезло. Именно здесь, оказывается, занимался сейчас мой отец со своими солдатами. Он взглянул на нас и улыбнулся Мишке.

— Ну что, братцы, обмакнуть вас? У нас это живо, в один момент!

Он шутливо потянулся к Матвейчику, и тот сразу, хихикая, попятился, хотя в общем-то Мишка, по-моему, был вовсе не против того, чтобы его обмакнули: по крайней мере потом было бы чем похвастаться перед ребятами. Но отец тут же переключился, вернулся к своему делу и больше уже не обращал на нас внимания.

А Мишка завертел головой, с любопытством осматриваясь по сторонам.

Большую часть помещения занимал маленький бассейн в форме буквы «П» — узкий помост почти разрезал его на две равные части. В этом бассейне солдаты учились работать в противогазах под водой. Слева, в углу, возвышалось сооружение, похожее на танк с усеченной кормовой частью. Это и был тот самый тренажер, про который я рассказывал Мишке.

Возле тренажера толпились солдаты.

Солдаты были в трусах и в спасательных жилетах — как в панцирях. Широкие противогазные коробки были подвязаны у них высоко на груди, почти у самых ключиц, и вообще солдаты сейчас больше смахивали на аквалангистов или на исследователей иных миров, чем на танкистов. Я даже не сразу узнал среди них моего знакомого сержанта Колю Быкова. Он первый подмигнул мне, и я тоже подмигнул ему в ответ.

Мишку сразу заинтересовало устройство противогаза — таких противогазов он еще никогда раньше не видел, но я его потащил к маленькому окошечку в броне тренажера.

Мы оба прижались носами к этому окошечку и сквозь толстое, похожее на слюду, тусклое стекло различили там, внутри башни, словно в огромном аквариуме, фигуры солдат — все в тех же спасательных жилетах и противогазных масках. Они шевелились, что-то показывая друг другу жестами, а внизу подле них, постепенно поднимаясь, плескалась вода.

— Затопляют! — прошептал Мишка.

Отец ударил по броне металлическим стержнем, и оттуда, изнутри, донесся приглушенный ответный звук. И от этого перестукивания мне вдруг сделалось жутковато. Совсем недавно я читал рассказ о затонувшей подводной лодке. Там точно так же водолазы перестукивались с уже умирающими, задыхающимися подводниками, наглухо замурованными в отсеках...

— Смотри! Смотри! — прошептал Мишка.

Вода медленно поднималась — вот она уже окутала солдат по пояс, вот скрыла противогазные коробки, вот коснулась подбородка самого низкорослого из солдат и поползла дальше, обволакивая лица в резиновых масках. Еще минута — и вода лизнула снизу крышку люка. Струйки воды потекли сверху по броне.

В следующий момент крышка люка откинулась, и солдаты по одному, помогая

...Здесь занимался сейчас мой отец со своими солдатами.

друг другу, начали выбираться из люка. Они спрыгивали с брони и отряхивались, точно после купания где-нибудь на берегу речки. Маски они снимали быстро, но все же не настолько, чтобы кто-то мог подумать, будто им уже совсем невмоготу.

И в эту минуту я вдруг услышал позади, за спиной, раздраженный, срывающийся голос:

— Да задыхаюсь я в нем! Не могу, задыхаюсь!

Мы с Мишкой разом обернулись и у бассейна, возле самой лесенки, ведущей в воду, увидели высокого худого солдата. Солдат, вероятно, только что вылез из бассейна — снятая мокрая маска противогаза болталась у него на груди, с обвисших трусов стекала вода.

— Не могу я дышать! Не дышится! — повторял он с озлобленной настойчивостью.— Я же, товарищ капитан, сразу почувствовал, что противогаз неисправен, и старшине сказал. А он: «Ничего,— говорит,— надевайте...» Что же, теперь задыхаться я в нем должен?..

Солдат говорил торопливо и взволнованно и, кажется, не собирался останавливаться.

— Погодите, Морковин,— перебил его отец.— Вы в самодеятельности никогда не участвовали?

— Что? — удивился солдат.

— В самодеятельности, говорю, не участвовали? В инсценировках по басням великого баснописца Ивана Андреевича Крылова не играли?

Морковин озадаченно молчал.

— Не играли? Тогда что же вы на меня смотрите, как ягненок на волка? А, Морковин?

Я-то не раз уже замечал за отцом эту манеру — спросить вдруг что-нибудь неожиданное, вроде бы совершенно не относящееся к делу — удивить, озадачить своего собеседника так, что тот сразу останавливался на полуслове. Вообще-то это был неплохой способ, я так думаю. Я даже однажды вообразил себе такую картину: ты начинаешь оправдываться перед Анной Сергеевной, ты уже заранее приготовил длиннющую речь, и чем ее разжалобить, заранее продумал, а она вдруг обрывает тебя неожиданно и спрашивает, к примеру: «Серебряников, вы сегодня на завтрак что ели?». И все. Ты разинул рот от удивления, ты замолк, вся твоя речь безнадежно забыта, класс, конечно, хохочет,— одним словом, полный провал.

— Ну вот что, Морковин,— сказал отец, когда солдат пришел в себя и немного успокоился.— Вы мне сказки не рассказывайте, противогаз ваш вполне исправен. И из головы вы эту чепуху выкиньте. Надевайте противогаз — и марш в воду! Ну-ка быстро!

Морковин набрал в грудь воздуха, натянул маску и обреченно полез в бассейн.

— Ну, дает Морковка! — сказал сержант Коля Быков и засмеялся.

И я засмеялся вслед за ним. А вслед за мной Мишка.

Морковин погрузился в воду, но одной рукой он продолжал цепляться за ступеньку лесенки, никак не решался от нее оторваться.

Он скрылся под водой и тут же вынырнул снова.

— Ну как, Морковин? — наклоняясь к нему, спросил отец.

Солдат неопределенно пожал плечами.

— Да вы дышите ровно. Главное, ровно. Вспомните, как вас учили. Ясно?

Морковин кивнул и опять нырнул в бассейн. Теперь только бледно-зеленая макушка противогазной маски тускло просвечивала сквозь мутноватую воду. Крупные серебристые пузыри один за другим вырывались на поверхность.

— Ну что он вытворяет! Что вытворяет! — сердито приговаривал отец, хотя я никак не мог догадаться, чем он недоволен.

— Ну вот, ясное дело! — сказал отец, когда голова Морковина снова высунулась из воды.

Непослушными пальцами Морковин сдирал маску, а она точно липла к лицу, не хотела сниматься.

Глаза у него были ошалелые, испуганные. Один раз я уже видел такие глаза у мальчишки, который тонул в речке.

Ртом Морковин торопливо хватал, заглатывал воздух.

— Не, не могу я. Говорю, противогаз не работает. Что я, нарочно? Вон меня уже колотун трясет!

Его и правда била нервная дрожь, худые руки и ноги покрылись сизыми пупырышками.

Мишка перестал смеяться и испуганно смотрел на него. А Морковин оглядел солдат, словно ища у них поддержки и сочувствия, взгляд его скользнул и по нашим лицам.

— Понимаете, Морковин, вы просто боитесь,— убеждал его отец.— Вам надо преодолеть страх. Переломить самого себя. Ничего с вами не случится.

— Да не боюсь я! — отвечал Морковин.— Противогаз у меня негодный! Я старшине сразу говорил: негодный противогаз! Так и задохнуться недолго. А он говорит...

— Давайте сюда ваш противогаз,— резко сказал отец.— И жилет тоже снимайте. Быстро!

Я не успел опомниться, не успел еще сообразить, что он задумал, как отец уже разделся и уже натягивал на себя спасательный жилет, застегивал его с дотошной аккуратностью на все крючки, привязывал противогазную коробку.

Я всегда очень любил смотреть, как делает мой отец зарядку, как вертится на турнике, как легко, одним махом, перебрасывает свое тело через брусья — честное слово, в такие моменты он был ничуть не хуже, чем те гимнасты, которых показывают по телевизору. А сейчас рядом с тощим Морковиным он выглядел особенно здорово — плечистый, загорелый, мускулистый — настоящий спортсмен!

— Ну смотри,— сказал он Морковину, переходя вдруг на «ты».— Только попробуй мне потом пожаловаться на противогаз!

Отец уже спускался по лесенке в воду, и солдаты столпились на помосте и следили за ним, точно он и правда начинал сейчас рискованный опыт, точно подвергался опасности, как будто они сами только что не отработали положенное время под водой. И я вдруг испугался за отца: а что, если вдруг противогаз на самом деле неисправный? Отец ведь скорее задохнется, чем вылезет из воды раньше срока. Я-то изучил его характер!

Но боялся я, конечно, напрасно. Отец знал, что делал. Через десять минут он уже опять стоял возле Морковина и протягивал ему обратно противогаз.

— Убедился? Теперь понял, что все дело в тебе самом, а не в противогазе? Попробуй теперь у меня выскочить раньше времени!

— А может, у меня организм такой...— неуверенно проговорил Морковин.

Солдаты засмеялись, и мы с Мишкой тоже.

— Организм! — повторял я сквозь смех.— Ха-ха-ха! Мишка, ты слышал?

И тут вдруг отец точно в первый раз увидел нас с Мишкой.

— Вам что здесь, цирк? — спросил он строго.— А ну-ка, уважаемые зрители, освободите помещение! Живо, живо! Посмотрели — и хватит!

Мне надо было перестать смеяться, но если уж смех нападет на меня, то я ничего не могу с собой поделать.

Так мы с Мишкой оказались за дверью.

— Здорово! — сказал Мишка.

— Это еще что! — сказал я.— А вот скоро они танки под водой водить будут! Это да!

— Нет, я про твоего батю говорю,— сказал Мишка.— Здорово он показал этому, Морковину! Твой батя своего добьется...

Он произнес эти слова, и у меня сразу улетучилось все мое хорошее настроение.

Пока мы были возле тренажера, пока наблюдали за солдатами, я совсем забыл все свои переживания, все свои беды и неприятности, но вот сейчас Мишка заговорил о моем отце, и они разом снова нахлынули на меня. Утешать он меня решил, что ли? «Миша очень чуткий мальчик»,—говорила про него моя мама.

Нужна мне больно его чуткость!

Я молча повернулся и быстро пошел прочь, и чуткий Миша Матвейчик покорно зашагал за мной...

*

Теперь я старался поменьше бывать дома.

Не ладилось у нас дома с тех пор, как отец вернулся из Москвы. Я это чувствовал. Слишком предупредительна была мама по отношению к отцу, чересчур предупредительна и внимательна, и слишком вежливо разговаривала она со мной — я знал, что это неважный признак. Раньше, например, она говорила мне: «Женя, тащи-ка тарелки из кухни». А теперь эта же просьба звучала так: «Женя, если ты не занят, принеси, пожалуйста, тарелки из кухни». От одной такой фразы мне становилось не по себе. Я уже знал по опыту, что, когда мама говорит так вежливо, это значит, все внутри у нее кипит, просто она сдерживает себя из последних сил.

Конечно, я понимал ее: она ведь тоже надеялась очутиться в Москве, а вместо этого получились одни неприятности. Тут поневоле разозлишься.

Так что никакого настроения сидеть дома у меня не было. И в школе я тоже чувствовал себя не особенно уютно. Никто не сказал мне ни слова о неудаче моего отца, никто не вспомнил о моем обещании покинуть класс еще до конца четверти, и все-таки...

Я потерял уверенность — вот что случилось со мной...

Раньше я легко ввязывался в споры, никогда не упускал случая подразнить когонибудь и не прочь был похвастаться: «А мой отец говорит...» «А мой отец...» Теперь же я стал больше помалкивать. Я знал, что меня могут осадить в любой момент, и боялся этого, и оттого чувствовал себя неуверенно.

Раньше я всегда был вместе с ребятами, а теперь стал оставаться один. И когда оставался один, придумывал себе разные развлечения, о которых никто не подозревал, кроме меня. Например, мне нравилось незаметно идти по улице вслед за патрулем, наблюдать за всеми действиями патрульных и воображать, будто у меня на поясе тоже висит револьвер в кожаной кобуре, и это мне отдают честь встречные солдаты, это на меня уважительно посматривают прохожие, это я готов в любую минуту вступить в схватку с бандитами или хулиганами...

Однажды я так увлекся, что не заметил, как забрел далеко от школы.

Я шел и шел за патрульными и вдруг обнаружил, что оказался на вокзальной площади.

Я очень люблю вокзал, я мог бы часами толкаться на этой площади, но сейчас я сразу вспомнил ночной разговор, вспомнил, как отец дожидался здесь темноты, и у меня опять стало тяжело на сердце. Я представил себе, как сошел он в тот день на перрон, и его никто не встречал — ни я, ни мама даже не знали, что он уже здесь, в нашем городе. Всех встречали, а его нет; я представил, как сидел он в зале ожидания на деревянной лавке наедине со своими невеселыми мыслями...

Я остановился около вокзальных тяжелых дверей и, задрав голову, принялся изучать расписание поездов. Почему-то мне вдруг захотелось, мне стало вдруг важно узнать, на каком поезде приехал тогда отец.

Я рассматривал расписание и неожиданно услышал у себя за спиной чей-то громкий голос:

— Далеко ли собрался, Серебряников?

Я вздрогнул, обернулся и увидел подполковника Евстигнеева, замполита части.

Подполковник Евстигнеев был, пожалуй, единственным человеком в военном городке, кого я побаивался.

Я даже могу точно сказать, с каких пор я стал его побаиваться.

Это было еще в прошлом году, весной, в субботний день. Я играл с ребятами возле нашего дома в ножички. Земля была влажная, податливая — очень хорошо было в тот день играть в ножички. Тут же неподалеку работали солдаты — убирали территорию вокруг домов. Кто подметал дорожки, кто выкладывал вдоль дорожек белые камни, кто таскал на носилках мусор. Мы

— Так куда, говори, ехать собрался? — спросил Евстигнеев.
— Никуда,— сказал я. Мне было неприятно, что он застал меня на вокзале.

им не мешали, и они тоже не мешали — все были заняты своим делом. И вдруг появился подполковник Евстигнеев. Посмотрел, посмотрел на солдат и спросил:

— Кто у вас тут за старшего?

— Я, товарищ подполковник. Ефрейтор Кискин.

— А кто вас сюда прислал?

— Старшина роты, товарищ подполковник.

— Вот что, товарищ ефрейтор. Собирайте своих гвардейцев — и шагом марш в казарму. Скажете старшине, что я отменил его приказание. Это что еще за мода: офицерские дети насорят, накидают тут мусора, а солдаты за ними убирай?..

Ефрейтор Кискин начал поспешно созывать своих солдат, а мы сбились в кучку и ждали, что будет дальше.

Подполковник стоял перед нами, широко расставив ноги, заложив руки за спину, и смотрел на нас в точности, как Гулливер на лилипутов.

— А вы,— сказал он, помедлив, строгим голосом,— извольте-ка потрудиться. И чтобы к вечеру был полный порядок. Ясно?

Он пошел было к штабу, но вдруг обернулся и погрозил нам пальцем:

— Ишь, барчуки!

С тех пор я старался не попадаться на глаза подполковнику Евстигнееву — у меня так и осталось ощущение, будто он уличил нас в чем-то постыдном.

— Так куда, говори, ехать собрался?

— Никуда,— сказал я. Мне было неприятно, что он застал меня на вокзале. Еще расскажет отцу или матери. Как я им объясню, с чего я попал сюда?

— А я думал, ты уже в Сибирь податься решил. Маршрут выбираешь. Был у меня такой случай. На севере я тогда служил. Так к одному майору сын вдруг при-

катил. Такой же, как ты. Тысячи две километров отмахал, сбежал из дома от матери и явился. «Надоело,—говорит,— папа, без тебя жить. Соскучился».

Евстигнеев рассмеялся и положил руку мне на плечо.

— Ну что, домой? Могу подвезти.

Только тут я увидел командирский «газик».

Я кивнул. Кто же откажется прокатиться на «газике»? К тому же сейчас это было очень кстати: мама, наверно, уже нервничает, не знает, куда я делся.

Мы забрались в «газик», подполковник, как и полагается,— на переднее сиденье, я — на заднее, и «газик» тронулся.

Не успели мы отъехать, как Евстигнеев обернулся ко мне и вдруг спросил:

— Ну как батька твой, все переживает?

«Начинается!»—неприязненно подумал я. Я пожал плечами.

— И ты тоже переживаешь?

Я опять дернул плечами.

— Что ты все плечиками разговариваешь — как барышня? Переживаешь — так и скажи, что переживаешь. И должен переживать — как же иначе?

«Чего он пристал? — тоскливо подумал я.— Лучше бы уж не садился я в этот «газик», лучше бы топал пешком...»

Евстигнеев помолчал.

— Я тебе одну только вещь хочу сказать. Ты меня все-таки послушай, уши не зажимай. Я хочу, чтобы ты вот что понял и запомнил. У каждого человека, брат, бывают в жизни неудачи. Бывают даже целые полосы неудач! Неудачи — они друг за дружкой ходят, как волчий выводок. Они человека как бы на прочность испытывают. Против одной устоял, а тут вторая.

Я сразу представил себе полосу неудач почему-то в виде железнодорожного полотна без рельсов, но со шпалами, и по этим шпалам с трудом шагает усталый человек.

— Ты меня слушаешь? — спросил Евстигнеев.

— Да,— сказал я.

Я и правда теперь слушал его. Он говорил со мной вполне серьезно, и мне это нравилось. Я заметил, что и солдат-шофер тоже с интересом прислушивается к нашему разговору.

— Я тебе точно скажу: не тот настоящий человек, у кого в жизни не было никогда неудач, а тот, кто сумел справиться с ними. Кто сумел преодолеть их. Вот какая штука! Понял, к чему я клоню?

— Понял,— сказал я.

— А батьку своего не огорчай,— добавил Евстигнеев. «Откуда он знает? — подумал я.— Кто ему рассказал?»

Опять у меня было такое же чувство, как тогда, год назад, когда он назвал нас барчуками.

— Помогай батьке. Слышишь?

Что он хотел этим сказать? Как-то не думал я никогда, что отец может нуждаться в моей помощи. Нет, конечно, я помогал ему — когда он, например, ремонтировал приемник, или собирался ехать на рыбалку, или когда в доме начиналась генеральная уборка... Но ведь сейчас подполковник Евстигнеев говорил об иной помощи! О помощи в совсем другом смысле!

Машина подкатила к штабу и остановилась. Евстигнеев протянул мне руку.

— И на расписание поездов пока особенно не заглядывайся! — сказал он.

Неужели он всерьез подумал, что я хотел сбежать? От этой мысли мне стало весело. Жаль только, что никто не видел, как подкатили мы с подполковником на «газике» и как прощался он со мной за руку.

Я совсем осмелел, я был даже не прочь еще побеседовать с подполковником Евстигнеевым, но тут вдруг заметил, что он уже не смотрит на меня — он весь как-то подтянулся, лицо его приняло озабоченное выражение, и глядел он теперь в сторону учебных классов. Я тоже посмотрел в ту сторону, и первое, что мне сразу бросилось в глаза, были красные генеральские лампасы.

К штабу медленно шел генерал.

Рядом с ним, что-то объясняя ему, шагал командир полка, а чуть позади шли еще несколько подполковников и майоров.

И я сразу сообразил, что это значит. Это значит, что к нам наконец приехала та самая важная комиссия, которую уже давно ждали в полку...

*

Конечно, и раньше не раз бывали в полку и инспекторские проверки, и зачетные стрельбы, и тактические учения, но никогда прежде меня особенно не волновали эти события. То есть волновали, но совсем по-другому. Я всегда рвался посмотреть стрельбы, упрашивал отца взять меня с собой, но вот переживать особенно не переживал.

Да и что мне было переживать?

Я привык к удачливости своего отца, я привык, что его рота всегда оказывалась лучшей или по крайней мере одной из лучших. Я привык к этому, как привык к тому, что Мишка Матвейчик всегда получает пятерки,— так и должно быть, чему тут удивляться?

А теперь... Теперь-то я понимал, как много значит для отца эта проверка! И я волновался, я переживал и, словно какая-нибудь Элька Лисицына, прислушивался к разговорам взрослых, ловил каждое слово, если оно хоть чуть-чуть касалось этой проверки...

— Ну, товарищ капитан, судьба все-таки за нас,— сказал однажды лейтенант Загорулько моему отцу.— Даже удивительно, как нам повезло, что Морковина именно сейчас взяли в госпиталь на исследования. Прямо как гора у меня с плеч свалилась. Остальные-то нас не подведут!

— Да,— задумчиво сказал отец,— много я на него времени ухлопал...

«И что он с ним возился! — подумал я.— Достаточно было только разок увидеть, как пятился он, этот Морковин, тогда от бассейна, как сдирал с лица резиновую маску, чтобы понять, никуда такой солдат не годится, ничего, кроме позора, роте не принесет...»

И потому я, конечно, тоже обрадовался, когда услышал, что Морковина не будет на проверке. Разве справедливо из-за какого-то Морковина срамиться моему отцу?

Я уже знал, что роте отца предстояло сдавать зачет по подводному вождению танков. Я никогда раньше не видел, как водят танки под водой,—обычно эти занятия проходили летом, когда я уезжал в пионерский лагерь. Но вот всяких рассказов о том, какое это нелегкое и даже рискованное дело, сколько умения и выдержки требует оно от танкистов,— таких рассказов наслушался я немало.

И в этот раз я не знал, удастся ли мне попасть на озеро,— вот что было самое обидное! Что меня возьмут, я, конечно, не сомневался — уж что-что, а упрашивать я умел. Если надо, я у самого командира полка не побоялся бы попроситься! Об одном только не мог я сейчас даже заикнуться перед отцом — чтобы он разрешил мне пропустить уроки. Так что очень может быть, пока я буду торчать в школе, здесь все уже и начнется и кончится.

Будь моя воля, я бы всех ребят из военного городка в этот день распустил по домам. Но моей воли не было, и утром мне пришлось отправиться в школу.

Обычно я ходил пешком, но тут я опаздывал и потому сел в автобус. Я забрался на свое любимое место — самое высокое, над задним колесом.

Автобус развернулся, быстро покатил по асфальту, теперь военный городок остался уже позади, а впереди, на обочине шоссе, я вдруг увидел высокую худую фигуру.

Рядовой Морковин, собственной персоной, шагал по дороге. Он похлестывал прутиком по голенищам сапог, и вид у него был довольный, как у человека, которого по всем статьям признали абсолютно здоровым.

И сразу сначала смутное беспокойство, а потом самая настоящая тревога за отца охватила меня.

Возвращение Морковина не предвещало ничего хорошего.

*

И все-таки я успел!

Нет, не в школу, в школу я как раз опоздал. А успел я на озеро.

Да еще на мотоцикле прокатился. Мне повезло: знакомый лейтенант прихватил меня с собой.

Занятия на озере были в самом разгаре.

Первым делом я увидел над поверхностью озера узкую трубу, она торчала прямо из воды, точно перископ подводной лодки. Труба эта двигалась к берегу. Потом я увидел, как воду вспорол ствол пушки, затем показалась башня танка, приглушенное рокотанье вдруг превратилось в оглушительный грохот — и вот уже весь танк медленно выполз на берег.

На берегу я увидел еще два танка. Воздухопитающие трубы неуклюже возвышались над их башнями.

Теперь я искал глазами моего отца, но его нигде не было.

Я увидел катер с тонконогими водолазами, затянутыми в резиновые костюмы, увидел среди кустов санитарную машину с красным крестом и палатку, растянутую среди деревьев, и самих танкистов в черных комбинезонах и шлемофонах — наверно, они ожидали своей очереди отправиться под воду. Я увидел лейтенанта Загорулько и своего знакомого сержанта Колю Быкова. И Морковин тоже был здесь. Только моего отца нигде не было.

Я подошел к танкистам.

— Коля, привет! — сказал я.— Ну, как дела?

— Порядок! — сказал он.— Я уже отводился. Все в ажуре.

— А где папа?

— Да вон же! Ты что, своего отца не узнаешь? Быть ему комбатом — не иначе!

И правда — как я не увидел сразу!

Не командир полка, и не его заместитель, и не командир батальона, а мой отец руководил сейчас занятиями!

Он стоял с микрофоном в руке возле командирского раскладного столика, тут же около него расположились радисты со своими рациями и еще какие-то люди с красными повязками на рукавах, и сюда же к нему прибывали танкисты, чтобы доложить о выполнении задания.

Но самое главное было даже не в этом!

Самое главное было в том, что приезжий генерал, и приезжие офицеры, и наши собственные, здешние офицеры — все они, стоя чуть поодаль, наблюдали за действиями моего отца!

Не очень-то приятно, когда на тебя смотрят, когда следят за каждым твоим словом, за каждым движением сразу столько людей. Я бы, например, и минуты не смог выдержать и звука бы не смог произнести, если бы на меня уставились все эти на-

чальники. Однажды к нам на урок пришел инспектор из роно, так я и то еле-еле выполз на троечку — и не потому, что не знал урока, а потому, что волновался.

И мой отец сейчас нервничал — я это сразу заметил.

Голос у него был хрипловатый, низкий — чужой голос.

— Третий, доложите о готовности!.. Третий, вас понял. Вперед, третий! Третий, вперед!

Танк на берегу вздрогнул, выбросил облако сизого дыма и пополз к воде. У самой воды он еще раз дернулся — сначала в одну сторону, потом — в другую, он точно упирался, точно отказывался подчиняться водителю, но в следующий момент гусеницы его уже погрузились в воду, затем вода сомкнулась над башней, и сразу стало тихо, словно кто-то вдруг плотно прикрыл дверь в комнату, из которой только что доносился грохот. Теперь только по торчащей из воды трубе можно было определить, где идет танк.

— Так... так... так... Немного левее... Так... так...—размеренно повторял отец в микрофон.

Один раз отец неожиданно сбился, спутался: когда танк пошел резко влево, он тоже вдруг скомандовал: «Левее!» Танк еще резче забрал влево, в глубину, труба чуть накренилась над водой, и отец сразу поправился, крикнул в микрофон: «Правее! Правее!» — и покраснел, залился румянцем, совсем как новобранец, который вдруг повернулся на строевых занятиях не в ту сторону.

И тогда я подумал, что, пожалуй, зря я явился сегодня на озеро, не надо было мне сюда являться...

Уж если отца, его роту сегодня постигнет неудача, если отец опозорится на глазах у этого приезжего генерала, то пусть это случится лучше без меня...

Правда, пока все шло хорошо, гладко, если не считать этой маленькой осечки, но ведь впереди оставался еще экипаж, где механиком-водителем был Морковин.

Танки исчезали под водой, потом выбирались на противоположный берег, разворачивались там, повинуясь флажкам регулировщиков, скрежеща гусеницами, снова уходили под воду и возвращались на свой берег, отдуваясь и отфыркиваясь, поблескивая мокрыми боками, точно они были исполинскими живыми существами. И всеми этими огромными машинами и людьми, которые вели эти машины, командовал мой отец!

Нет, все-таки здорово быть танкистом!

Я засмотрелся на танки, и вся моя тревога за отца исчезла так же быстро, как и возникла, и забеспокоился я снова тогда, когда приблизилась очередь Морковина.

Я опять подошел поближе к танкистам. Лейтенант Загорулько о чем-то негромко говорил с сержантом Быковым, и лица у обоих были озабоченные и возбужденные.

Морковин стоял чуть в стороне. Сейчас в комбинезоне и танковом шлеме он выглядел гораздо мужественнее, чем тогда, в бассейне. По крайней мере не казался таким беспомощным — только руки его все же выдавали волнение: они все время были в движении.

Я с неприязнью смотрел на эти беспрестанно шевелящиеся руки.

Не мог он задержаться в своем госпитале, что ли?

— Морковин! Держи хвост морковкой! — крикнул кто-то из солдат.— Больше одного раза не утонешь!

Морковин улыбнулся, хотел что-то ответить, но тут к нему подошел лейтенант Загорулько. Морковин слушал его и понятливо кивал.

— Товарищ лейтенант! Пора!

Пора! Через минуту полный экипаж — четыре танкиста, уже затянутые в спасательные жилеты, выстроились возле танка.

А Морковин?

Морковина среди них не было.

На месте Морковина стоял сержант Быков.

— По машинам! — скомандовал лейтенант Загорулько.

Солдаты бросились к танку. Один за другим они легко взбирались на броню и скрывались в люке.

И по-прежнему Морковина среди них не было!

Так вон оно что! Вот, значит, какую штуку придумал лейтенант Загорулько!

Это было совсем несложно. Он просто заменил Морковина. Он потихоньку заменил Морковина сержантом Быковым. Он не хотел рисковать понапрасну. Он не хотел подводить моего отца. Он не хотел, чтобы из-за Морковина страдала вся рота.

Я обрадовался. Надо немедленно сообщить, дать знать об этом отцу, чтобы он не волновался зря. Ему-то со своего командного пункта не разглядеть, кто из солдат забирался в танк. И, ясное дело, он больше всего боялся за Морковина. А бояться-то теперь нечего!

Я просто изнывал от желания сообщить отцу о своем открытии. Но я даже подойти поближе к нему не мог решиться.

Лязгая гусеницами и грохоча, танк выполз на исходную позицию к самой кромке воды и замер.

Теперь экипажу предстояло сориентировать машину. Если бы за рычагами сейчас сидел Морковин, командиру экипажа наверняка пришлось бы немало помучиться с ним, но сержант Быков был опытным механиком-водителем. Танк только чуть тронулся в одну сторону, чуть в другую и снова застыл. Готово.

— Восьмой, доложите о готовности! Восьмой! — говорил отец в микрофон.

«Все в порядке! — хотелось мне крикнуть ему.— Все в порядке! Не волнуйся!»

— Восьмой, доложите о готовности! Восьмой!

Отец замолчал, вслушиваясь. Сейчас ему доложат о готовности, сейчас он даст команду «Вперед!», сейчас...

Ну что же он так долго? Чего он ждет?

— Восьмой, повторите! — сказал отец. Он словно нарочно тянул время.

И вдруг я понял. Я понял, что произошло. Он догадался. Он узнал по голосу, что отвечает ему не Морковин.

И теперь он колебался, он решал, что делать.

«Скорей же, скорей!» — мысленно торопил я.

Генерал еще не догадывался, чем вызвана заминка, но каждую минуту он мог заподозрить что-то неладное.

Скорей же!

— Восьмой, отставить! — скомандовал отец.— К машине!

Что он задумал? На глазах у генерала! У всей комиссии!

Крышка люка откинулась, танкисты уже выбирались из танка.

— Лейтенант Загорулько! Ко мне! — крикнул отец.

Но лейтенант и так уже бежал к нему.

— Товарищ лейтенант,— голос отца звучал совсем спокойно, даже тихо,— разберитесь, что там за путаница в экипаже...

— Товарищ капитан...— Лейтенант Загорулько старался не столько словами, сколько движением лица что-то объяснить отцу.

— Выполняйте,— четко выговорил отец, и тут уж я увидел, что он еле сдерживает себя, чтобы не закричать.

...Через минуту сержант Быков уже передавал свой спасательный жилет Морковину. Морковин долго застегивал его — никак не мог справиться с крючками.

Потом отец приказал экипажу подойти к нему. Он переводил взгляд с одного лица на другое и наконец остановился на Морковине.

— Ну как настроение? — спросил он.

— Ничего настроение,— неуверенно улыбнулся Морковин.

— Не волнуйтесь,— сказал отец.— Все будет хорошо. Вот увидите. Не волнуйтесь.

Все это происшествие заняло лишь несколько минут. Крышка люка опять захлопнулась — теперь уже за Морковиным.

Я украдкой поглядывал на генерала, на окружающих его офицеров. Догадались ли они, что произошло? Или нет? Я ничего не мог определить по их лицам.

Танк вошел в воду, вода приглушила грохот мотора, и на берегу тоже разом стихли все разговоры. Даже солдаты, старавшиеся до сих пор держаться незаметно, подальше от начальства, теперь высыпали к самой воде. Даже лейтенант Загорулько, который сначала лишь раздосадованно махнул рукой: ему, мол, наплевать, пусть хоть затонет этот танк вместе с Морковиным,— и тот не выдержал и стоял сейчас рядом с солдатами.

Я тоже не отрывал глаз от вскипающих водоворотов, по которым угадывался путь танка.

Я ахнул, когда танк вдруг двинулся вправо, я обрадовался, когда он опять вернулся на прямую и пошел ровно, словно по ниточке.

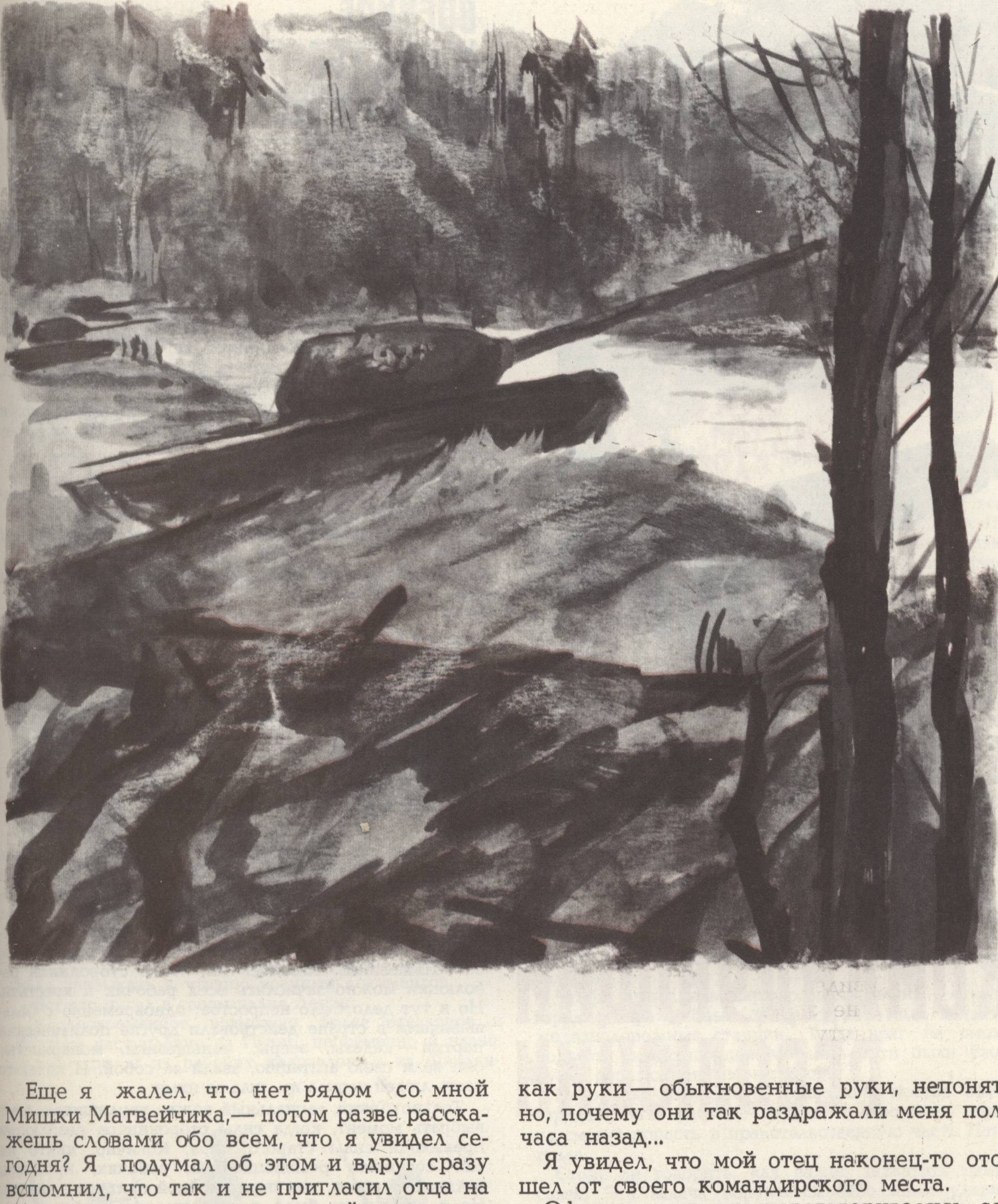
Я переживал за Морковина, но все-таки мысли мои были заняты другим.

Я думал о своем отце. О его поступке.

Ведь в глубине души я с самого начала надеялся, что он поступит именно так. Теперь-то я мог себе в этом признаться...

— Восьмой, доложите о готовности! Восьмой!— говорил отец в микрофон.

Еще я жалел, что нет рядом со мной Мишки Матвейчика,— потом разве расскажешь словами обо всем, что я увидел сегодня? Я подумал об этом и вдруг сразу вспомнил, что так и не пригласил отца на сбор, все скрывал от него свой разговор с пионервожатой, все чего-то боялся... И мне стало стыдно. Я ощутил этот стыд так резко и сильно, как ощущаешь только зубную боль. Я даже головой замотал.

Но тут башня танка показалась из воды, и грохот двигателя разом заглушил все мои мысли...

...«Все хорошо, что хорошо кончается»,— любит повторять моя мама. И эти учения кончились хорошо, даже лучше, чем хорошо, потому что Морковин провел танк на «отлично».

Морковин улыбался, сиял, вытирал рукавом пот со лба, радостно объяснял что-то солдатам. И руки у него сейчас были как руки — обыкновенные руки, непонятно, почему они так раздражали меня полчаса назад...

Я увидел, что мой отец наконец-то отошел от своего командирского места.

Офицеры о чем-то переговаривались, совещались между собой, а он был один, и я не выдержал, бросился к нему, хотя знал, что он может рассердиться, может даже прогнать меня. Отец был весь еще напряжен и взбудоражен, он взглянул на меня, усмехнулся и сказал так, словно отвечал на собственные мысли, словно продолжал прерванный разговор:

— Видал? Помочь надумали! Пожалеть решили! Запомни, заруби себе на носу или намотай на ус, как хочешь: никогда не разрешай себя жалеть. Это — последнее дело, если тебя начинают жалеть, ты понял?

И он вдруг крепко обнял меня за плечи.

А. МИТЯЕВ

ГЛАВНО-КОМАНДУЮЩИЙ РЕВОЛЮЦИИ

ТРЕТИЙ РАССКАЗ О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ

Мой дорогой друг! Мы говорили о многих военачальниках. Они прошли перед нами большой чередой — в пурпурных плащах, в сверкающих шлемах, в крепких латах, в мундирах, украшенных орденами. А теперь наш разговор будет о военачальнике, который никогда не носил военной формы, и звание его было — почетный красноармеец. Наш разговор теперь о Владимире Ильиче Ленине.

Ленин был не только гениальным стратегом, но и блестящим командиром, умеющим спланировать военную операцию и осуществить ее на поле боя.

Мы с тобой не станем брать всей военной деятельности Ленина — слишком велика она. Возьмем лишь частицу ее, посмотрим, как Владимир Ильич руководил вооруженным восстанием в Петрограде.

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО И ИСКУССТВО ВОССТАНИЯ

Чтобы быть точным, надо сразу сказать, что искусство вооруженного восстания отличается от военного искусства — оно сложнее. Если на войне отступления возможны, восставшие отступать не могут, им просто некуда отступать. Если на войне наступление чередуется с передышками, то восставшие обязаны одерживать один успех за другим. В этом случае к ним присоединятся те, кто еще раздумывает, на чью сторону встать. А это и группы людей, и целые полки, и дивизии.

Но, в общем, правила войны и восстания схожи. Вспомним, чего требует военное искусство от военачальника для победы:

знать силы врага;

наметить место главного удара и создать там перевес в силах;

выбрать для начала действий самый благоприятный момент;

быстро принять правильное решение, если обстановка изменится.

СИЛЫ СТОРОН И НАПРАВЛЕНИЯ ГЛАВНЫХ УДАРОВ

Подсчет сил противников революции (и даже своих собственных) в октябрьские дни 1917 года был невероятно сложен. Посуди сам: всю русскую армию, подчинявшуюся Временному правительству, вроде бы надо было считать неприятельской, но огромное число солдат и матросов было за революцию, за большевиков. Казалось бы, что в сторонники революции можно зачислить всех рабочих и крестьян. Но и тут дело было непростое: одновременно с большевиками в стране действовали другие политические партии — кадеты, эсеры, меньшевики, монархисты; они вели свою агитацию, звали за собой. И какая-то часть людей верила им, шла за ними.

Только Ленин, гениальный вождь трудящихся, смог выбрать момент, когда силы сторонников революции превзошли силы старого мира. Конечно, никто не мог сосчитать революционных рабочих, крестьян, солдат, матросов, как перед войной считают дивизии. Но в этом и не было необходимости. Главное — их было уже больше, и во главе — триста пятьдесят тысяч коммунистов.

Ленин, Центральный Комитет партии большевиков наметили для восстания два центра: Петроград и Москву.

Петроград — столица страны. Здесь находилось Временное правительство и государственные учреждения. Свержение правительства и захват этих учреждений сразу поставили бы в тяжелое положение врагов по всей стране.

Петроградские рабочие были за революцию, а их военные отряды — Красная гвардия — вполне боеспособными. В Петрограде только коммунистов было пятьдесят тысяч.

Неподалеку находился революционный Балтийский флот. В Финляндии, которая в то время входила в состав России, и в Ревеле (Таллине) войска поддерживали большевиков.

Были тут и свои минусы.

В городе размещалось много офицерских школ, верных буржуазному Временному правительству.

Недалеко проходила линия фронта — шла первая мировая война,— правительство могло снять верные ему части с позиций, бросить их против восставших.

В революцию могли вмешаться немцы. Они воевали против России, но капиталисты-противники помирились бы, чтобы не допустить победы трудового народа.

КОГДА НАЧАТЬ ОПЕРАЦИЮ

Осенью к балтийским берегам России подошел германский флот. В тыл ему вышли английские подводные лодки. Казалось бы, англичане, воюющие с немцами, в выгодных для себя условиях должны атаковать неприятеля и потопить его флот. Но этого не произошло. Почему? Временное правительство решило переехать в Москву, а Петроград сдать немцам, чтобы их войска расправились с революционным городом. Такой план одобряли и английские капиталисты. Вот их лодки и бездействовали.

Медлить с восстанием было нельзя. 10 октября (23-го по новому стилю) Центральный Комитет большевиков принял предложение Владимира Ильича о вооруженном восстании.

Для осуществления операции был создан Военно-революционный комитет.

ПЛАН-ПРИКАЗ ЛЕНИНА

Ты сейчас прочтешь план восстания, разработанный Лениным. Читай его не торопясь. Каждое слово надо осмыслить. Конечно, можно было бы пересказать этот план. Но тогда ты не услышал бы самого Владимира Ильича. К тому же люди военные любят точность, любят факт. Тебе, будущему командиру, надо привыкать к чтению военных документов.

Вот что писал в своем плане Ленин:

«...одновременное, возможно, более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление *всего* флота, скопление *гигантского перевеса* сил над 15—20 тысячами (а может и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнкеров), наших «вандейских войск» (часть казаков) и т. д.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Комбинировать наши три главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой *каких угодно потерь* были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову.

Выделить самые решительные элементы (наших «ударников» и *рабочую молодежь*, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и *для участия* их везде, во всех важных операциях, например:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска,— такова задача, требующая *искусства и тройной смелости*.

...Успех... революции зависит от двух-трех дней борьбы».

Как видишь, план Ленина прост и точен. Город отрезается от всей страны, и внутри него проходит стремительный двух-трехдневный бой. В результате власть над страной переходит к народному правительству.

Чтобы выполнить первую часть плана — отрезать город от враждебных сил в стране, надо захватить железнодорожные станции. Тогда враг не сможет подвезти подкрепления. Морские пути были уже в руках революционных матросов.

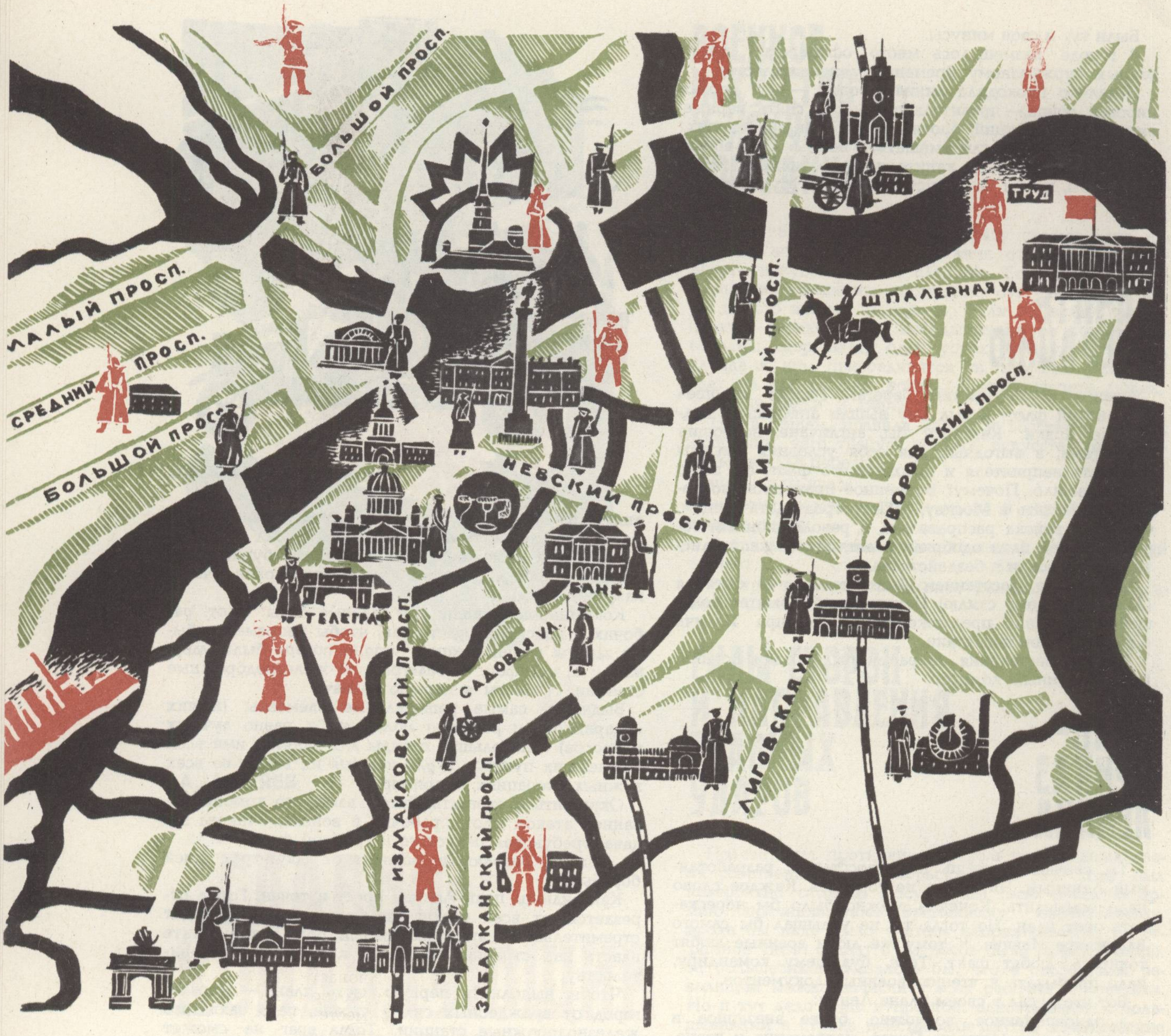
Надо захватить десять разводных мостов внутри города: иначе рабочие отряды с заводских окраин не смогут попасть в правительственную часть Петрограда.

Стоит ли говорить, как важно захватить центры связи! Эта задача поручается небольшим ударным отрядам красногвардейской молодежи и матросов.

МОМЕНТ ВНЕЗАПНОСТИ УТЕРЯН

Подготовка к восстанию еще не была закончена, как случилось предательство. Члены ЦК Каменев и Зиновьев, не веря в успех дела, напечатали статью и раскрыли в меньшевистской газете тайный план восстания большевиков. Они рассчитывали, что после этого Центральному Комитету придется отменить восстание.

Временное правительство сразу же приняло свои меры. Оно решило вывести из города революционные

1917 год, ноябрь, 6, вторник.

части и ввести верные ему войска с фронта. Зимний дворец — резиденция правительства — и все важные учреждения были окружены караулами юнкеров и казаков. Мосты были разведены и взяты под охрану. Телефонная станция отключила телефоны Смольного, где находились Военно-революционный комитет и члены Центрального Комитета партии. Было приказано захватить Смольный, арестовать Ленина, членов ЦК и Военно-революционного комитета. Вот как нежданно-негаданно осложнилась обстановка. Внезапного удара по врагу не получилось.

Посмотри план Петрограда. На нем ты увидишь, как размещались в то время в городе силы революции и силы врага.

ВСЕ РЕШАЕТ БЫСТРОТА

Но и теперь план Ленина оставался единственно правильным. Надо было только потерю внезапности возместить быстрыми и решительными действиями.

Владимир Ильич в те дни по решению ЦК скрывался от шпионов Временного правительства на квартире революционерки Фофановой. Оттуда он послал письмо членам ЦК: «Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно... История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все».

РИСК ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Письмо было отправлено вечером. А ночью Владимир Ильич, нарушив запрет ЦК, пошел в Смольный. Главнокомандующий революции в такое время должен был находиться в своем штабе, чтобы следить за ходом операции.

Риск был очень большой. В городе Ленина постоянно искали сотни глаз. Временное правительство, его контрразведка прекрасно понимали, что значит оставить большевиков, революцию, весь трудовой народ без вождя.

С Лениным был связной ЦК рабочий финн Эйно Рахья. Они шли по улицам темного, безмолвного города. Парик и щека, подвязанная платком,— будто зуб болит — изменили внешность Владимира Ильича. Но пропуска ни у него, ни у провожатого не было. И когда два конных юнкера крикнули «Стой!», Рахья приготовил револьвер. Однако обошлось без выстрелов. Пока Рахья, прикинувшись пьяным, спорил с юнкерами, Владимир Ильич ушел. Конные решили не связываться с полуночным гулякой и ускакали.

Чем ближе подходил Ленин к Смольному, тем оживленнее становилось на улице. Грелись у костров караулы солдат и красногвардейцев, шли отряды рабочих, матросов, подходили автомобили, броневики — одни направлялись в Смольный, другие, получив приказ, держали путь в разные части города. Верные революции войска не подчинились приказу Временного правительства, они отказались уйти из Петрограда. На действия Временного правительства большевики ответили энергичными действиями. Восстание началось.

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

Юнкера захватили типографию газеты «Рабочий путь» (под таким названием тогда выходила «Правда»). Но революционные солдаты прогнали их.

Петропавловская крепость, главная опора правительства, пала без единого выстрела. Весь гарнизон перешел на сторону революции, сопротивлялся только комендант, которого посадили под арест в той же самой крепости.

Это было важной победой. Крепость держала под огнем орудий мост и Зимний дворец. Рядом находился арсенал, в котором хранилось сто тысяч винтовок,— он тоже попал в руки восставших.

На сторону восставших перешел и Кексгольмский полк, охранявший телеграф.

Отряды Красной гвардии из десяти мостов захватили девять, свели их и открыли рабочим отрядам путь к Зимнему.

У врага оставался только Николаевский мост (ныне лейтенанта Шмидта). Его охрана бежала, когда стал приближаться крейсер «Аврора». Моряки свели мост и поставили на нем свой караул.

Около полуночи 24 октября (6 ноября) Военно-Революционный комитет послал в Гельсингфорс (Хельсинки) шифрованную телеграмму руководителю революционных моряков матросу П. Е. Дыбенко: «Высылай устав». И на рассвете 25-го в Петроград вошел отряд миноносцев с пятью тысячами моряков.

Эшелон моряков двинулся на помощь революции и по железной дороге.

Большой радостью для всех был приход Ленина в Смольный. Вера в скорую победу окрепла, хотя красные флажки на карте Петрограда — ими отмечались захваченные пункты — стояли еще не так густо, как было намечено. И, главное, город еще не был изолирован от враждебных внешних сил. Владимир Ильич эту ночь провел перед картой.

25 октября (7 ноября) началось новыми успехами восставших. Еще ночью был занят главный почтамт. Городская электростанция тоже оказалась в руках рабочих: в Зимнем отключили свет. К концу дня солдаты Кексгольмского полка вместе с красногвардейцами захватили телефонную станцию, и Зимний лишился связи.

ГОРОД ОТРЕЗАН

Главное же — революционные отряды заняли вокзалы и сами управляли движением поездов. Войска неприятеля теперь не могли попасть в город. К тому же большинство частей, на которые рассчитывало правительство, осталось на месте. Одни выжидали, другие присоединились к революции — подтвердилось правило восстания: колеблющиеся переходят на сторону тех, кто одерживает победу.

Были части, верные Временному правительству, но их просто не пустили в Петроград революционные войска. Так была задержана 5-я Кубанская кавалерийская дивизия, две петергофские школы прапорщиков, артиллерия в Павловске, 1-й, 4-й и 14-й полки донских казаков.

Вечером Временному правительству, непрерывно заседавшему в Зимнем дворце, стало ясно, что помощь извне не успеет. И Керенский — глава правительства — в автомобиле американского посольства тайно уехал в Гатчину — встречать эшелоны с подкреплениями.

ПЕРЕВЕС В СИЛАХ

В начале восстания Зимний охранялся довольно надежно. «Разведка сообщает,— писал член Военно-Революционного комитета В. А. Антонов-Овсеенко,— что в Зимнем сосредоточено: 3-я Петергофская школа прапорщиков — 400 штыков, вторая Ораниенбаумская школа — 500 штыков, ударный женский батальон — 200 штыков.., до 200 донских каза-

ков, отдельные юнкерские и офицерские группы, отряд комитета увечных воинов и георгиевских кавалеров, отряд студентов и т. п. и батарея Михайловского артиллерийского училища — всего до 1 800 штыков, изрядно пулеметов, 4 броневика, 6 орудий...»

Между тем улицы и площади, прилегавшие к Зимнему, все теснее заполнялись революционными отрядами. Тысячи и тысячи бойцов готовились к штурму. Гигантский перевес в силах, на котором настаивал в плане-приказе Владимир Ильич, был создан. Особенно заметно это стало днем, когда к городу подошли военные корабли и с них высадились пять тысяч матросов. Один из кораблей — броненосец «Заря свободы» — стал у входа в Морской канал и взял под прицел орудий Балтийскую железную дорогу (схему расположения кораблей ты увидишь на последней странице обложки).

Посмотри еще раз на план Петрограда. Вот как изменилось положение в городе перед штурмом Зимнего дворца.

От Зимнего ушли казаки: они видели, что сопротивляться бесполезно. Охранять дворец, по сути, уже было некому. И только надежда на приход подкреплений все еще удерживала за дровяными баррикадами юнкеров да женский батальон.

ПОБЕДА

Ночью, после того, как Временное правительство отклонило ультиматум и отказалось сдаться, ударило орудие «Авроры». Это был сигнал к штурму Зимнего...

С улиц, прилегавших к Дворцовой площади, с винтовками, гранатами, пулеметами бросились в атаку матросы, красногвардейцы, солдаты. Ружейный огонь юнкеров, укрывшихся за дровами, и пулеметные очереди броневиков не смогли остановить наступавших. Устрашенные грозным натиском, бежали с броневиков пулеметчики. Почти прекратилась стрельба из-за дровяных укрытий — женский ударный батальон целиком сдался в плен. Только юнкера отступили в здание и забаррикадировали входы. Но и это сопротивление было сломлено. Восставшие ворвались во дворец.

В начале третьего часа ночи с 25-го на 26 октября (с 7-го на 8 ноября по новому стилю) министры Временного правительства были арестованы. Красногвардейцам стоило большого труда довести их невредимыми до Петропавловской крепости: толпы людей, запрудившие улицы города, готовы были разорвать своих врагов в клочки.

Восстание победило. И как при взрыве детонатора взрывается весь снаряд, так с восстанием Петрограда восстала вся Россия. Началась новая жизнь — без помещиков и капиталистов.

Теперь, когда ты прочел, как шло и победило восстание, ты видишь, что все события проходили в точном соответствии с планом Ленина. Предвидя действия восставших и действия врага, Ленин писал: «Успех... зависит от двух-трех дней борьбы». Эти сроки тоже были выдержаны...

Удивительно, что восстание, потрясшее весь мир, было самым бескровным. Убитыми обе стороны потеряли всего шесть человек, пятьдесят человек было ранено. Такой победе может позавидовать любой военачальник.

Может быть, из-за таких малых потерь восстание показалось тебе делом довольно простым? Тогда ты порассуждай, предположи какие-либо изменения в обстановке,— тебе яснее станет сложность той борьбы. Представь, к примеру, что Кубанская кавалерийская дивизия, о которой говорилось выше, не была задержана в месте дислокации и прискакала на охрану Зимнего... Да еще несколько полков донских казаков прибыли бы туда, да еще артиллерия из Павловска... Какое сражение было бы тогда?

План Владимира Ильича Ленина был гениальным военным планом, а красногвардейцы, матросы, солдаты были мужественными и храбрыми, были воинами-коммунистами.

1917 год, ноябрь, 7, среда.

Загадки одной фотографии

И. КОЛЧИНА

Ленин не любил позировать перед объективом — и по своей необычайной скромности, да и просто по недостатку времени. Мария Ильинична, сестра его, пишет: «В первые годы Советской власти широкие слои трудящихся не знали часто Владимира Ильича в лицо — не до фотографирования было в тот период разрухи, голода и холода». Фотографу, который хотел снять Ленина во время Всероссийского субботника в Кремле, Владимир Ильич сказал, что он пришел сюда работать, а не фотографироваться.

Однако именно благодаря фотографам и кинооператорам мы знаем каждую черточку его лица, его движения, жесты, походку. Мы видим Ленина в Кремлевском кабинете и на Красной площади, в Горках и на заседании Совнаркома, выступающим с трибуны и оживленно беседующим с людьми.

Около четырехсот фотографий и негативов, восемьсот с лишним метров кинопленки с изображением Владимира Ильича хранится в Центральном партархиве Института марксизма-ленинизма. Иные негативы — большинство их на стеклянных пластинках — получены в плохом состоянии: с царапинами, трещинами, потертостями, на некоторых сползла эмульсия, кое-какие разбиты на куски. Сотрудники института сделали все для того, чтобы сберечь, восстановить драгоценные документы. На каждый завели специальную карточку, в которой подробно описаны место, время съемки, сюжет, техническое состояние фотографии.

Но бывало и так: поступила новая фотография, а когда она сделана, кем, где, кто находится на ней рядом с Лениным — неизвестно. И тогда одновременно с реставрацией начинается поиск...

В тот день страна праздновала первую годовщину Октября. На Сенатской башне Кремля должны были открывать мемориальную доску в память павших борцов. Знали, что будет выступать Ленин. Отправляясь на Красную площадь, агроном Александр Семенович Суетенко взял по своему обыкновению и свой маленький пленочный аппарат, с которым почти не расставался.

Когда Владимир Ильич поднялся на трибуну, Суетенко устроился в первом ряду слушающих. Вот когда его верный «Кодак» сослужил прямо-таки историческую службу! Александр Семенович (на фотографии он в папахе, напротив трибуны) сделал несколько снимков. Сорок лет хранил он их у себя, никак не решаясь с ними расстаться. Но в день девяностолетия Владимира Ильича все же передал драгоценные негативы на вечное хранение в Центральный партийный архив.

На торжестве у Сенатской башни Владимира Ильича фотографировало несколько человек. Фамилии трех из них установлены: кроме Суетенко, известный фотомастер П. А. Оцуп (он без шапки, с большой «зеркалкой»), старый большевик И. С. Кобзев (он наклонился над видоискателем). Видим мы и еще одного фотографа — около столба с большим аппаратом на треноге. Кто этот человек? Где его снимки? Снимал ли он Ленина прежде и потом?

Есть у этой большой панорамной фотографии еще загадка: ее автор. Ведь ни один из фотографов, запечатленных на ней, не мог сделать этот снимок. Значит, еще кто-то стоял в углу, вблизи трибуны.

Что скрывается за разгадкой? Новые фотографии? Неизвестные ленинские документы? Живые свидетели незабываемых лет?

Ответа пока еще нет. Но он будет. Может быть, даже ты сам поможешь найти этот ответ.

РАДИОСТАНЦИЯ «ЗДРАВСТВУЙ»

— ЧТО ЭТО ЗА НАРОД — ОКТЯБРЯТА?

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Фото В. АННИ.

— Что это за народ — октябрята? Что это за публика, что она любит, а что ей не нравится? Как она себя ведет? Какие она вопросы задает? Когда она слушается своих вожатых, а когда отказывается им подчиняться и устраивает бунты и всякие восстания? — спросил журналист из «Пионера». И сказал:

— Если мы с вами ответим на все эти вопросы, тем, кто собирается стать вожатыми октябрят, будет работаться легче.

Ребята (а это были члены московского городского совета вожатых октябрят) помолчали, подумали, а потом ВЛАДИК ПИСАРЕВ сказал:

— Октябрята — неимоверно любознательный народ. Они не любят, когда с ними только одним делом занимаются. Любят много знать и очень много задают вопросов.

— Ну, а задавал кто-нибудь такой вопрос, который тебя бы поставил в тупик? Ты стоял и не знал, что ответить? — спросил журналист.

— Да,— признался САША МАНЬКИН,— мне одна девочка задала вопрос: что делать, если ногу проткнешь ржавым гвоздем, вот таким вот? — Тут Саша показал, какой гвоздь.— Я пошел к учительнице. Она сказала: во-первых,

таким гвоздем ногу не проткнешь, а если проткнешь, то прежде всего нужно смазать йодом.

— Тогда я вам задам вопрос,— сказал журналист.— Бывает ли у лягушки насморк? Недавно меня спросил об этом мой семилетний друг.

ВЛАДИК ПИСАРЕВ подумал и сказал, что не бывает: вода, мол, холодная, и лягушка в ней хорошо закалилась. МИША ШАХТОРИН сказал, что лягушка вообще холоднокровное животное. ЛЕНА ШУТИКОВА заметила, что у хладнокровных людей тоже бывает насморк.

Тогда все замолчали, потому что, оказалось, никто ничего про лягушкин насморк не знает, и МИША ШАХТОРИН предложил спросить у учительницы зоологии, а ВЛАДИК ПИСАРЕВ — пойти в Зоологический музей.

Так и договорились: октябрята — народ любознательный, они любят задавать вопросы, вожатый должен им отвечать да получше. А если не знаешь, что сказать, пошевели мозгами, побегай и отыщи ответ.

— А еще,— сказал МИША СОЛОВЬЕВ,—октябрята, они веселые. Они шутки любят.

— И любят веселые игры,— добавил САША МАНЬКИН.

С этим все согласились, и тогда журналист спросил:

— Как же быть, если ты пришел к ним, у тебя очень серьезное дело, а у них развеселое настроение, и они хохочут, как сумасшедшие? Стоят, смотрят, и все у них вызывает дикий восторг и смех.

ВЛАДИК ПИСАРЕВ посоветовал в таком случае незаметно перевести разговор так, чтобы ребята настроились на серьезный лад.

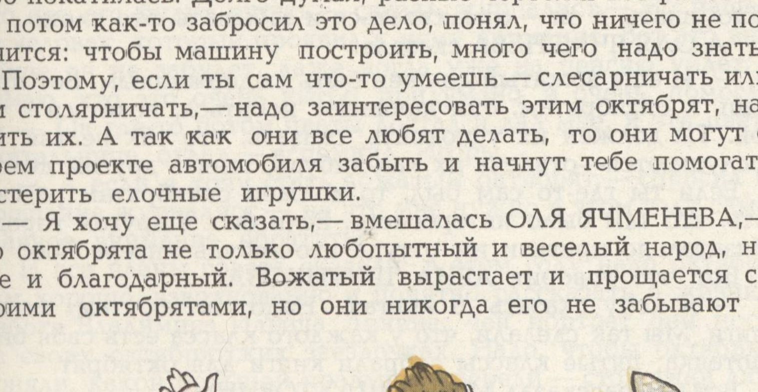
— У октябрят,— сказал ВЛАДИК,— есть еще такая черта. Им кажется, что они все могут. Если спросишь у них: вы это умеете делать? — они всегда скажут: умеем, умеем! Спросишь: как же это делается? А они и не знают, с чего начать! Я сам когда-то таким был. Умел очень мало, но за все брался. Придумывал, как бы сделать машину, настоящую, чтоб покатилась. Долго думал, разные чертежи все рисовал. Но потом как-то забросил это дело, понял, что ничего не получится: чтобы машину построить, много чего надо знать!

Поэтому, если ты сам что-то умеешь — слесарничать или там столярничать,— надо заинтересовать этим октябрят, научить их. А так как они все любят делать, то они могут о своем проекте автомобиля забыть и начнут тебе помогать мастерить елочные игрушки.

— Я хочу еще сказать,— вмешалась ОЛЯ ЯЧМЕНЕВА,— что октябрята не только любопытный и веселый народ, но еще и благодарный. Вожатый вырастает и прощается со своими октябрятами, но они никогда его не забывают и

ЛЕНА ШУТИКОВА: Прекрасное дело — день «Почемучек». Собрали все вопросы октябрят, а знающие люди на них отвечают.

очень радуются при встрече. А когда становятся пионерами, часто приходят к бывшему своему вожатому.

— Они спорт любят, спортивные игры,— начал МИША СОЛОВЬЕВ.— Раньше у нас в школе спортивные игры были только с пятого класса, а сейчас уже со второго. Бывают соревнования для октябрят, у них есть даже свои чемпионы! Три самых любимых игры октябрят? Для мальчиков — футбол, хоккей, лыжи. Для девочек — коньки, волейбол, настольный теннис.

Вот у нас во дворе малышей очень много, мы с ними всегда играем. Наши ребята организовали свой отряд, разновозрастный, от первого класса до десятого. Отряд живет уже второй год. Малыши нас любят, с нетерпением ждут, когда мы придем. Когда мы им что-нибудь рассказываем, они сидят тихо, а потом мы с ними играем. В футбол, в теннис, в «вышибалу».

— Если мы с вами ответили на вопрос, что за люди октябрята,— сказал журналист из «Пионера»,— то следующий вопрос: какими качествами должен обладать человек, который хочет стать их вожатым? Что ему нужно для того, чтобы дело шло хорошо, чтобы ребята его уважали, чтобы жизнь шла весело, интересно и разнообразно, потому что мы уже знаем, что октябрята не любят однообразия?

Это был трудный вопрос, и отвечали на него по очереди.

Вот что думает ВЛАДИК ПИСАРЕВ:

— Вожатый должен много знать — тогда ему будет что рассказать ребятам. И должен знать много игр: если одна игра не понравится октябрятам, он затеет другую.

Еще вожатый должен уметь постоять за своих октябрят. Например, ребята хотят провести какую-нибудь игру, им нужны разные материалы. Вожатый должен все это достать. Иначе какая это будет игра, если у них ничего нет! Например, хотят играть в войну. Вожатый должен сам с октябрятами сделать ружья из палок. Из палок все можно сделать!

А если он чего-нибудь пообещает октябрятам, он должен выполнить. Если он скажет «потом», октябрята будут ему напоминать, а он — отмахиваться и забывать, это плохо.

ВЛАДИК ПИСАРЕВ: Вместе с октябрятами можно потихоньку собрать такую игротеку, где будет сто игр — на все вкусы.

А ОЛЯ ЯЧМЕНЕВА сказала:

— И еще вожатый должен быть выдержанным. Вот придешь к октябрятам, они начинают носиться, возиться с тобой. Ты должен их успокоить, сказать, что так нельзя. Не послушаются—отвлечь их как-нибудь, занять другим делом.

Если ты где-то сам был, то должен октябрятам рассказать, что там было интересного. Если был в другом городе, обязательно привези им оттуда что-нибудь интересное.

Вот что говорит ЛЕНА ШУТИКОВА:

— Я хочу сказать о книгах. Надо октябрятам читать книги. Мы так сделали, что у каждого класса есть своя библиотечка: пятые классы собрали книги для октябрят.

Вот что рассказал МИША ШАХТОРИН:

— В позапрошлом году у нас был пионервожатый Василий Васильевич, он тогда только вернулся — служил на Северном флоте. Мы его позвали к нашим октябрятам. Он им рассказывал о своих плаваниях, о службе на корабле, о дисциплине моряков. Я это говорю к тому, каким должен быть вожатый,— человеком интересным и рассказчиком хорошим.

Вот что советует САША МАНЬКИН:

Вожатому, даже если он и не моряк, здорово поможет игра «Пятнадцать алых «Звездочек» — пятнадцать алых парусов». Это октябрятская игра-путешествие. Малыши, отправляясь в плавание к берегам Чукотки, загружают трюмы своими подарками — самоделками для Дворца пионеров в Анадыре, учатся разным полезным вещам и делают на пути множество добрых дел. Если вожатые-новички не знают

правил этой интересной игры, пусть почитают журнал «Вожатый» № 5 за этот год.

Октябрятам путешествовать очень нравится, они очень увлекаются этой игрой.

— Главное,— сказала ОЛЯ ЯЧМЕНЕВА,— вожатый должен быть примером для своих октябрят. Чтобы они им могли гордиться!

— Нет, главное,— сказал САША СОСНОВИК,— вожатый должен ко всем ребятам относиться одинаково.

И тут разгорелся спор.

— А как относиться одинаково? — спросил журналист. — Пришел ты в класс и видишь: вот это — прекрасный мальчишка, эти две девочки — славные, а этот парень — просто изумительный: попросишь его, он сделает так, что даже ты удивишься. А вот этот там стоит — м-м-м, хорошо бы, его не было! Он приставучий, он нытик, все исподтишка делает... А как не показать, что он тебе не нравится, а славные ребята вовсе у тебя не в «любимчиках»?

— Все равно, как, только нельзя показывать,— сказала ОЛЯ ЯЧМЕНЕВА.

— Надо тем, кто не умеет, помогать, надо всем сказать вовремя доброе слово. Тогда не будет ссор из-за того, что кого-то любят, а кого-то нет,— посоветовал СЕРЕЖА ДЗЫБА.

ИГОРЬ АРТЮХИН рассказал:

— На параде был у нас такой случай. Октябрятам было сказано прийти в пионерской форме, а один пришел в брюках длиннющих, да еще грязных. Ему сказали: ты не пойдешь, ты всех опозоришь своим видом. Он начал плакать. Что ему ни говоришь, ничего не понимает. Надо было ему как-то объяснить, что надо ходить чистым, что на параде надо быть в форме. Я этому неряхе тогда сказал: я поставлю тебя рядом с собой, но учти: ты встанешь так, чтобы твои грязные штаны не были видны, в грязных штанах нельзя приходить на парад. Мы его так запрятали, что даже учительница его потеряла!

— Человек пришел на парад в грязных брюках и знает, что все его будут ругать,— сказал журналист.— Но нашелся человек, который проявил к нему внимание. Вот это внимание он не забудет, даже когда уже на пенсию уйдет. Я думаю, что это очень хитро придумано и очень помогло!

— Он где-то потом цветы достал и дал мне. Я эти цветы учительнице отдал,— вспомнил Игорь.

— А если я хочу стать вожатым октябрят,— спросил на прощание журналист,— на что мне нужно в этом году самое главное внимание обратить?

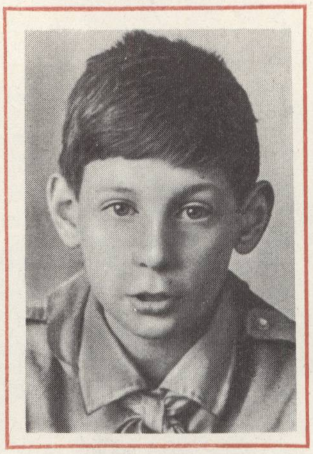
И все члены совета сказали: в этом году надо октябрятам хорошо, взволнованно и понятно рассказать о жизни и работе Владимира Ильича Ленина, чей портрет они носят на своих октябрятских звездочках. Надо, чтобы октябрята поняли, какой большой праздник впереди — столетний юбилей Владимира Ильича. Пусть и октябрята хорошенько к нему подготовятся.

И еще. В этом году октябрята будут учиться в школе по новым программам. И надо, чтобы они учились хорошо. Мы уже видели, как ребята занимаются. В классе им стало интереснее. И нельзя, чтобы в звездочках жизнь шла скучнее, чем на уроках. Тут вожатым надо крепко задуматься, как, чем будет жить октябрятская группа.

И очень надо, чтобы у каждой начальной школы, а в ней теперь не будет пионеров, ведь начальная школа — это теперь с первого класса по третий — появились старшие друзья из соседних пионерских дружин.

«Пионер» согласен с членами московского совета вожатых октябрят— все это действительно очень важно.

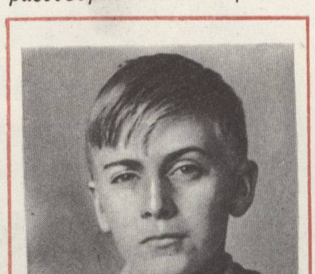

САША СОСНОВИК: В день рождения — подарок каждому.

СЕРЕЖА ШИШКИН: Клуб «Искорка» и для серьезных разговоров и для игр.

Экспедиция «РА»

Генрих АНОХИН,
кандидат исторических наук.

Одна из самых древних пирамид Египта — ступенчатая, такая же, как и появившиеся позже ступенчатые пирамиды в Мексике и Перу.

Фото Ю. АРГИРОПУЛО.

Перуанская ступенчатая пирамида. Если бы древнеегипетскую сфотографировать под тем же углом, она имела бы точно такой же вид.

Плавали ли египтяне на Юкатан?

Прежде чем начинать читать, взгляни на нашу карту, она на 35-й странице. Видишь, перед тобой Атлантический океан. Справа — Европа и Африка, слева — Северная и Южная Америка, Новый Свет, как называют этот материк со времен Колумба.

А до Колумба? Бывали ли в Новом Свете люди Старого?

Ученые знают об этом совсем немного. Известно, что в XIII веке на запад от берегов Африки — куда-то за океан — отправились целые флотилии. Об этом рассказывают средневековые арабские рукописи. Норманн Лейв Эрикссон в 1000 году нашей эры открыл за океаном землю, которую он назвал Винланд, свидетельствуют исландские рукописи XIII века. В наши дни археологи нашли остатки норманнского поселения и доказали, что в Америке за полтысячелетия до Колумба жили европейцы.

Однако некоторые ученые считают, что люди из Старого Света бывали в Новом еще в более глубокой древности — чуть ли не в те времена, когда в Египте царствовали фараоны.

Но как ученые доказывают это? Прежде всего они изучили сходство в ремеслах, культуре и искусстве Старого и Нового Света.

На землях Мексики и Перу существовали пирамиды — усыпальницы правителей и жрецов,— такие же ступенчатые, как самые древние египетские. Это хорошо видно на фотографиях. Так вот, на захороненных там саркофагах нашли изображения бородатых жрецов. Это удивило ученых: ведь индейцы Нового Света не носили бороду. Зато жрецы Старого Света

обязательно были бородатыми... На крышках и стенах саркофагов были нарисованы священный крылатый змей, человеческие фигуры с птичьими головами и божество с головой ягуара или пумы. Такие рисунки тоже были хорошо знакомы египтологам.

Много схожего и в том, как обитатели этих разных континентов обрабатывали землю, пряли ткани, делали мумии и совершали сложнейшие медицинские операции. И, что особенно важно, при письме пользовались не буквами, а иероглифами.

Ученые по-разному объясняли это сходство. Одни считали, что каждый народ развивался самостоятельно и самостоятельно выработал эти черты. Другие — что люди Старого Света в древние времена переселились в Америку и научили всему, что уже знали, коренное население Америки.

Норвежец Тур Хейердал вмешивается в спор

В сентябре 1966 года в Аргентине проходил конгресс ученых — исследователей истории и культуры коренных народов Америки. На конгрессе выступил знаменитый норвежский ученый Тур Хейердал — тот самый, что в 1947 году на плоту, связанном из стволов бальсового дерева, проплыл с пятью товарищами восемь тысяч километров из Южной Америки на острова Тихого океана. Сделал он это для того, чтобы выяснить, могли ли древние перуанцы на таких же бальсовых плотах переплыть через океан и поселиться на островах.

На конгрессе в 1966 году Хейердал тоже предложил ученым проверить, как могли добраться древние люди в Новый Свет. Проверить это для ученого означало попробовать самому проплыть по наиболее вероятному маршруту.

Но на чем плыть? Каким могло быть судно у древних мореходов?

Еще в 1956 году, когда Хейердал вел раскопки на острове Пасхи, он познакомился с мореходной лодкой из пучков камыша. Из такого же камыша вяжут лодки и индейцы Перу и плавают на них по озеру и даже в океане, у берегов Перу.

Индейцы племени церис в Северо-Западной Мексике тоже делают такие лодки.

«Ра» под полным парусом входит в Канарское течение. Даже с грузом на борту папирусный корабль не дал осадки в воде. На парусе яркий красный круг — символическое изображение древнеегипетского бога Солнца Ра.

Хейердал побывал и там, видел, как заготавливают камыш, как вяжутся и испытываются новые лодки.

Весной 1968 года ученый в Африке — на озерах Тана и Звай в Эфиопии и на озере

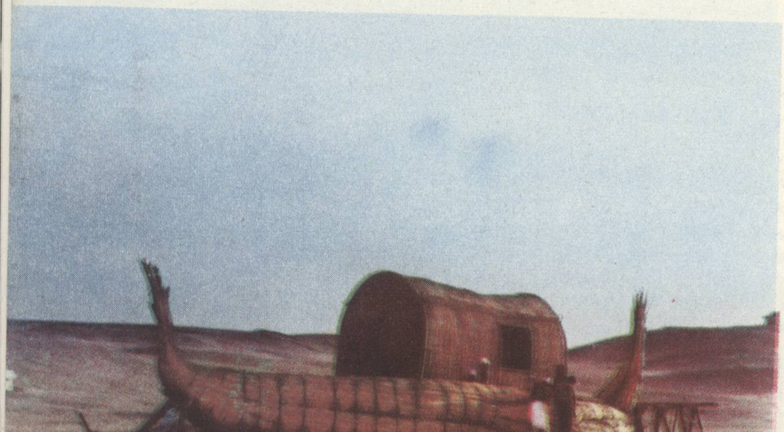

Негры племени батума заканчивают отделку носа ладьи. Внизу — Тур Хейердал. Хорошо видны стебли папируса, похожие на знакомые нам стебли камыша.

Чад. И здесь он видел ладьи, похожие на камышовые, но только связаны они были из стеблей папируса.

В далекой древности были такие лодки и в Египте, но сейчас папирусное судоходство здесь забыто: папирус давно уже в этих местах не встречается.

Ладья «Ра» построена. Уже после того как ее спустят на воду в порту Сафи, на ней появятся мачта и парус.

Обратились к истории. В древних царских погребениях на берегу Нила и у границы Аравийской пустыни ученые нашли изображения таких лодок. Гробница одного жреца в Саккаре недалеко от Каира была украшена целой серией рисунков. Это была удача! Здесь последовательно изображалось забытое людьми строительство — заготовка и сушка стеблей папируса, вязание пучков и корпуса судна, появление готовой ладьи с мачтой, парусом, вантами и веслами. Всю эту исследовательскую работу провел шведский историк Бьерн Ландстрем. Он и разработал примерные чертежи древнеегипетской лодки.

По маршруту, скрытому веками

Изучив чертежи Ландстрема, Хейердал уже не сомневался, что можно построить такую ладью и отправиться на ней в Новый Свет.

Маршрут ему подсказали океанские течения. В берега Северо-Западной Африки ударяется одно из самых мощных течений — Канарское. Возле мыса Сафи — взгляни на нашу карту — оно поворачивает в Атлантический океан. Здесь его средняя скорость — пятьдесят километров в сутки. А там, где оно переходит в Северо-Экваториальное, примерно в середине океана,— уже около ста километров. Если сюда попадает простое, «неуправляемое» бревно, то и его быстро вынесет к берегам Нового Света.

Хейердал предположил, что теплые воды этих течений могли подсказать маршрут и древним мореходам. Возможно, путешественники даже не выбирали этот путь — просто течением корабли уносило на запад, особенно в непогоду.

Зимой 1969 года Хейердал закупил в Эфиопии сто пятьдесят кубических метров стеблей папируса. Их перевезли в пустыню, к подножию пирамид, что южнее Каира. Здесь папирус высушили, и здесь три мастера, приглашенные из Республики Чад, за весну связали ладью.

Правда, она не получилась серповидной, как на чертежах Ландстрема. Негры построили плоскодонку, как строят у них на родине.

Маршрут «Ра» намечавшийся (помечен точками) и тот, который осуществился (пунктиром). Крестиком показано место, где полузатопленную ладью окружила стая акул — пришлось отказаться от ремонта.

Это был большой корабль — семнадцать метров в длину и более пяти в ширину. Его перевезли сначала на больших автомашинах в порт Александрию, затем через Средиземное море на шведском грузовом пароходе «Сагахолм» в порт Танжер. Там снова погрузили на большие автомашины и доставили на старт экспедиции — в южномарокканский порт Сафи. Установили мачту, парус и загрузили ладью припасами и пресной водой. Вода была в глиняных кувшинах, горлышки которых залили смолой,— так хранили воду на кораблях древние египтяне. Из съестных припасов взяли только то, что могло быть у мореходов в древности: вяленую баранину и солонину, сухие лепешки, сушеные фрукты, вино. В клетках были живые куры, не забыли зерно для них.

●

Хейердал сам подбирал команду.

Семь человек составляли этот небывалый интернациональный экипаж. Заместителем Хейердала был американец Норман Бейкер—штурман и радист. Мексиканский антрополог Сантьяго Хеновес кормил команду и одновременно наблюдал за здоровьем людей в трудных условиях небывалого плавания. В этом ему помогал советский врач Юрий Сенкевич. Африканец Абдулла Джибрин был главным по всем ремонтным делам. Итальянский альпинист Карло Маури — хороший кинооператор — снимал надводную часть будущего документального цветного фильма «Экспедиция «Ра». Подводной частью занимался египетский инженер и спортсмен Джордж Сориал.

25 мая «Ра» стартовала и сразу показала хорошие мореходные качества. Через неделю были уже позади острые скалы Канарских островов. И перед островами и

Глиняные сосуды, в которых на борту «Ра» хранилась пресная вода. Именно так хранили воду в Древнем Египте.

после них ладья выдержала по одному шторму.

А через пять недель плавания «Ра» вошла в зону бурь. Есть такая зона вблизи экватора, где северные и южные ветры — пассаты образуют как бы сквозняковый коридор. Волны, как щепку, бросали ладью. Вскоре от бесконечных рывков корпус судна и особенно корма были расшатаны. Настал момент — это было в полночь — когда корма стала опускаться в воду. Общими усилиями успели спасти съестные припасы, сосуды с пресной водой, движок.

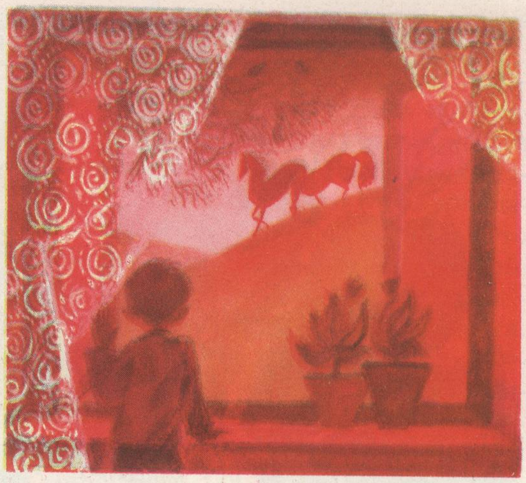
Новый, четвертый шторм обрушился на ладью на восьмой неделе плавания. Этот был еще пуще прежнего. Сломало рею на мачте, потом саму мачту, порвало парус, разрушило каюту. Гигантские шести- и семиметровые волны вертели и швыряли папирусный кораблик, а непрерывный ливень не давал возможности сделать ремонт. Когда утром 17 июля к «Ра» подошел вызванный на помощь рыболовный траулер «Шенандоу», экипаж ладьи едва держался на ногах. Люди не спали двое суток.

Экипаж «Ра» пытался отремонтировать свое судно, но повреждений было слишком много. Корма просто затонула. Ручное и парусное управление были уничтожены. Правый борт разбит грузами и опустился вровень с волнами океана.

Экипаж перебрался на «Шенандоу», приладив своему судну на прощание мачту из двух весел и маленький парус. Пусть ладья сама плывет, может быть, без людей достигнет берегов Нового Света!

Прощание с ладьей произошло после того, как экипаж проплыл на ней пять тысяч километров. Это около пяти шестых всего маршрута из Старого Света в Новый. Цель, которую ставил перед собой Хейердал,— выяснить, обладает ли папирусное судно мореходными качествами,— была выполнена. От штормов и непогоды может затонуть и самый совершенный современный пароход. Ладья же выдержала четыре шторма и с запасами продовольствия все еще держалась на воде.

Теперь вернемся к главному вопросу, ради которого «Ра» отправилась в путь. Плавали ли египтяне на Юкатан? Экспедиция показала, что они могли плавать на папирусных судах. А чтобы убедиться в том, что это было именно так, Хейердал готовится провести основательные археологические работы в Мексике. Путешествие «Ра» было только частью, началом обширного исследования.

Ю. ВРОНСКИЙ

Вечерние стихи

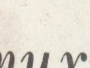
Заглянут сумерки в окно —
Мы лампочку зажжем.
И так чудно, что так темно
Вдруг станет за окном!

Средь синевы блеснет звезда.
А нам опять в кровать —
Ведь нас сегодня, как всегда,
Опять заставят спать.

И снова сны наполнят дом,
Как облака, легки.
И мы читаем перед сном
Вечерние стихи.

Летучие мыши

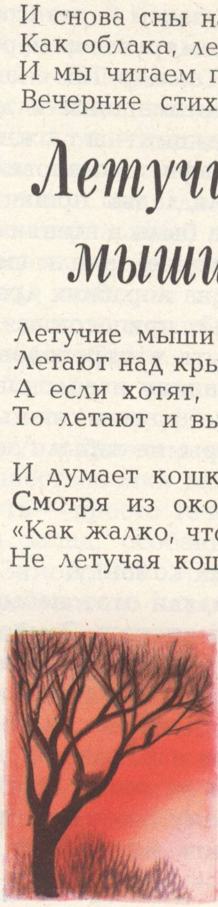

Летучие мыши
Летают над крышей,
А если хотят,
То летают и выше.

И думает кошка,
Смотря из окошка:
«Как жалко, что я
Не летучая кошка!»

Закат

Каждый вечер
кто-то
Выключает день.
Рощи и болота
Покрывает тень.

Но полоской света
Тронут небосклон.
Это значит — где-то
Новый день
включен.

Наш дом — пароход

Наш дом — пароход,
А ночь — океан.
Плывет пароход
Сквозь черный туман.

Плывет он всегда
Из порта «Закат»,
Ему никогда
Не вернуться назад.

Плывет он вперед,
Преград ему нет.
Куда он плывет?
К порту «Рассвет».

Что во что впадает

Тропка бежит
От избы лесника,
Как ручеечек
От родника.
Трудно приходится
Маленькой тропке —
Нужно петлять
И прыгать по сопке.
Но тропка спускается к логу
И скоро впадает в дорогу.
Дорога бежит
Средь березок и елок,
Дорога зовется
Проселок.
Мелькают деревни,
Леса и поля.
Бежит наш проселок,
На взгорье пыля,
Чавкая грязью в болоте —
Здесь без сапог
Не пройдете!
Но вот и проселок
Впадает в шоссе,
Где мчатся потоком машины
По черной асфальтовой полосе
За горы, холмы и равнины.
Железо и камень,
Траву и листву
Все чаще сменяют,
И вскоре
Лента шоссе
Впадает в Москву,
Как реки впадают
В море.

Рисунки П. БАГИНА.

Г. БЛИНОВ

ШЕВЕЛЕВ-младший

Недавно я побывал в небольшом городке Каргополе, на юге Архангельской области, и познакомился там с семьей Шевелевых.

Все Шевелевы — мастера-игрушечники. Издавна делают они игрушки из глины. Лепят разные фигурки, сушат их, обжигают в печке и раскрашивают в яркие цвета.

И деды и прадеды Шевелевых лепили игрушки да горшки. И самый младший Шевелев, Вася (вы видите его на фотографии, ему сейчас одиннадцать лет), приходя к бабушке Клавдии Петровне, просит у нее немного глины и тоже садится за работу.

Лепит и поглядывает, как в бабушкиных руках глина становится будто живой. Клавдия Петровна то вылепит бородатого лапотника с кочедыком в правой руке (кочедык — это крючок, которым плетут лапти) и с лаптем на коленях, то барышню с полотенцем через руку, то оленя с веселым гармонистом верхом... на рогах. Вася старательно перенимает все приемы работы с глиной.

— Кто это у тебя получился? — спрашиваю.

— Пенсионер, — говорит Вася.

— А лапотника, как у бабушки, можешь сделать?

— Сейчас попробую, — отвечает Вася. Он берет новый кусок глины и начинает лепить.

Скоро лапотник готов. А потом — охотник с собакой в лодке, петух, олень с разлапистыми рогами, белка, барышня в кокошнике. А вот «полкан» — полуконь. И в самом деле — голова и руки человека, туловище и ноги лошадиные. Этакий сказочный конечеловек.

Слепив несколько фигурок, Вася ставит их сушиться на три дня. И берется за раскрашивание тех глиняных зверят и человечков, которых слепил раньше. Они уже просохли, а потом были обожжены в печке.

Вася с бабушкой лепят и раскрашивают игрушки, а я слежу внимательно за их работой и слушаю рассказ Клавдии Петровны.

— Сама-то я у отца училась, — говорит она. — Мы тогда жили в деревне Токарево, недалеко от Каргополя. Отец делал все больше горшки, а между делом и игрушки.

Налепит отец горшков, наделаем мы игрушек — везет их батюшка по окрестным селам. Игрушку менял на яйцо, горшок — на жито. На ячмень. За горшок цена была столько, сколько в него входило зерна.

Бывалочи, отец насыплет на пол золы, чтобы глина не прилипала к полу, а поверх глину вываливает. А мы все начинаем босыми ногами топтать ее и воду подливать понемногу, чтобы глина хорошенько размялась. Горшки да кринки батюшка делал на гончарном круге. Такой деревянный круг к скамейке приделан. Так приделан, что вертится. А игрушки лепили без круга, от руки.

Со стороны-то кажется, нехитрое это дело — лепить горшки да игрушки. Однажды, помню, приехал к нам в гости человек из другой деревни. В той деревне горшечников не было, с глиной не занимались. Посмотрел он, как отец мой работает, да и говорит:

— А я тоже смогу так, ничего тут особенного нет — кринку сделать.

— Да ты и готовую кринку с круга снять не сможешь, — смеется отец.

— Сыму! — говорит.

— Попробуй...

Стал гость брать с круга кринку, да и смял ее всю, хоть старался очень ее не повредить. Видно, на все надо мастерство иметь — игрушку слепить и раскрасить, кринку сделать. Да на любое дело!

Рефик ЗЕКА

РЫБАКИ

Пусть свежий ветер в трубы дует,
Пусть звезд бледнеют огоньки,
Рубя веслом волну седую,
Выходят в море рыбаки.

Пускай еще не скрылись звезды,
Еще не начат солнцем путь,
Уже морской целебный воздух
Рыбацкая вдыхает грудь.

Еще мигают тусклым светом
Глаза прибрежных маяков,
Но громким утренним приветом
Встречают чайки рыбаков.

Все четче скалы проступают,
Плывут над ними облака,
И птичий край весь оживает,
Разбужен песней рыбака.

На горизонте с каждым часом
Все больше лодок рыбаков...
Пусть их мечты осуществятся,
Пусть будет счастлив их улов!

Колышется и плещет море,
Дрожит волны веселый блеск,
Все чаще, чаще на просторе
Крылатых весел дружный всплеск.

Перевел с азербайджанского
Юрий ФИДЛЕР.

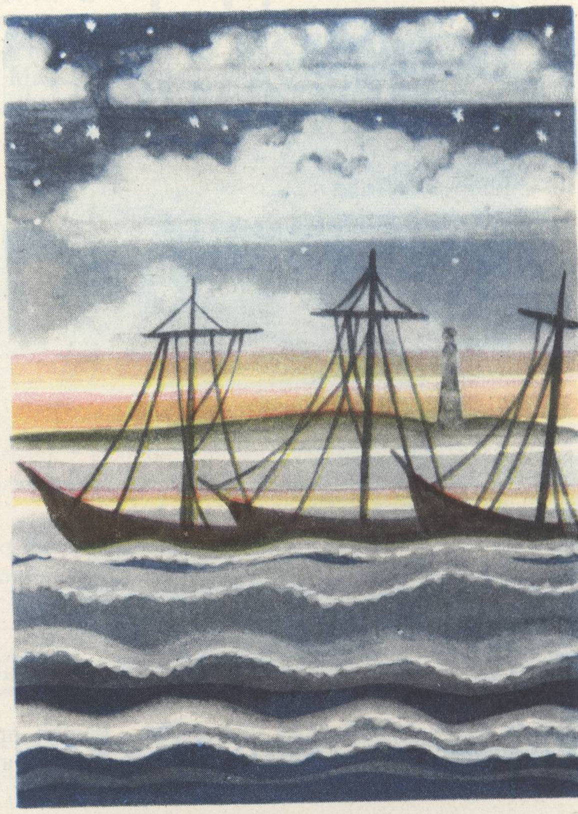

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

И. УВАРОВА

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

ПЯТЫЙ РАССКАЗ О ТЕАТРЕ

По дорогам России

Скоморох идет!

Что это за тряпичная кукла валяется среди твоих старых игрушек? У нее волосы торчком, у нее рубаха в крапинку и колпак. У нее улыбка во весь рот, во весь нос, во все уши.

Узнали Петрушку? Еще бы не узнали: на руку надевают его, и он кивает и машет короткими ручками:

— Здравствуйте, юные зрители!

В кукольном театре Петрушка выскакивает из-за ширмы. Там теперь его дом.

А когда-то он жил прямо на улице, при странном сооружении, похожем на перевернутый стог сена. Были у стога снизу две ноги, а сверху торчала матерчатая кукла. Сооружение довольно быстро двигалось, меся лаптями грязь по дорогам: это был скоморох — бродячий актер. Над головою его был обруч, прикрепленный прутьями к плечам, обруч обшит тряпкой, тряпка падала до колен и у поясницы схвачена была веревкой.

Куклы на краю обруча размахивали палкой, и водили под уздцы деревянную лошадку, и очень смешно дрались. А пищали еще смешнее — это скоморох к нёбу приставлял машинку из бересты, чтобы писк получился.

— Ай, скоморохи, люди веселые!

Шел скоморох по деревне. Бросали бабы подойники, бросали мужики грабли, все сбегались, и даже старики подходили словно нехотя — не стариковское, мол, дело смотреть потеху. Но все же смотрели.

Имели при себе скоморохи не только кукол, но еще у них были волынки и гусли. Водили

за собою ученого медведя, дрессированную обезьяну или козу.

Ходили скоморохи по Руси издавна, знали их многие деревни, и города тоже знали. Видели их при дворе князя Святослава Ярославовича, где они так потешали всех, что гости под стол валились от хохота.

Без них ни одно большое дело не обходилось, и они объявлялись всюду: на праздниках, на свадьбах, на похоронах. Или просто так.

Людей набивался полный дом, и в окошко еще с улицы заглядывали, как скоморох по горнице суетится, на полусогнутых ногах приплясывает и лопочет смешные слова про смешные истории, а потом пойдет колесом и кувыркнется через голову.

Веселое дело — глядеть на скомороха! Только быть скоморохом невесело.

В царствование Ивана Грозного был, рассказывали, случай. Скоморохи табором подошли к Кремлю, ждали, когда их пустят на большой праздник по случаю обручения царя. Из мутных окошек кремлевского терема видно, как по ночам табор жжет костры на реке, и слышно было, как в ночной тишине плачут скоморошьи дети.

Утром сваты пошли к царской невесте передать волю царя, чтобы шла замуж. В тот час обезьяна, что привели с собою скоморохи, сорвалась с цепочки, забралась на кремлевскую колокольню и стала качаться на колокольной веревке, отчего пошел великий звон не ко времени, и невеста от этого звона упала в обморок.

Поднялась суматоха. Царь, рассвирепев, приказал колоколу вырвать язык, обезьяну — плетьми, скоморохов — палками и гнать из Москвы.

Когда кончилась расправа, скоморохи ушли. Обезьяну, которая идти не могла, перебинтовали тряпками и несли на руках. А на телеге ехал немой колокол, его тоже велено было выгнать.

— Ай, скоморохи, люди веселые!

Веселье лежало в телеге, на соломе, тряслось по ухабам, лечилось от палок. Веселье вставало, охая, на ноги, шло потешать людей.

И когда многие скоморохи стали уже селиться в городах, их всегда всюду звали, если у кого какое событие:

— Приходи, скомороше!

Поправлял скоморох рубаху, подпоясывался потуже, шапку на голову — шел работать. Без его работы какая людям жизнь?

В деревне

Ну и вьюга разыгралась под рождество! В печах кто-то выл и плакал, ветром сорвало соломенную крышу с крайней избы, и хозяин, выбежав ночью во двор, после божился, что видел на трубе своей черта, который дым забивал лапами обратно в трубу и был доволен этим безобразием. К полудню буря улеглась, и деревня про нее забыла: много у всех хлопот было перед праздником.

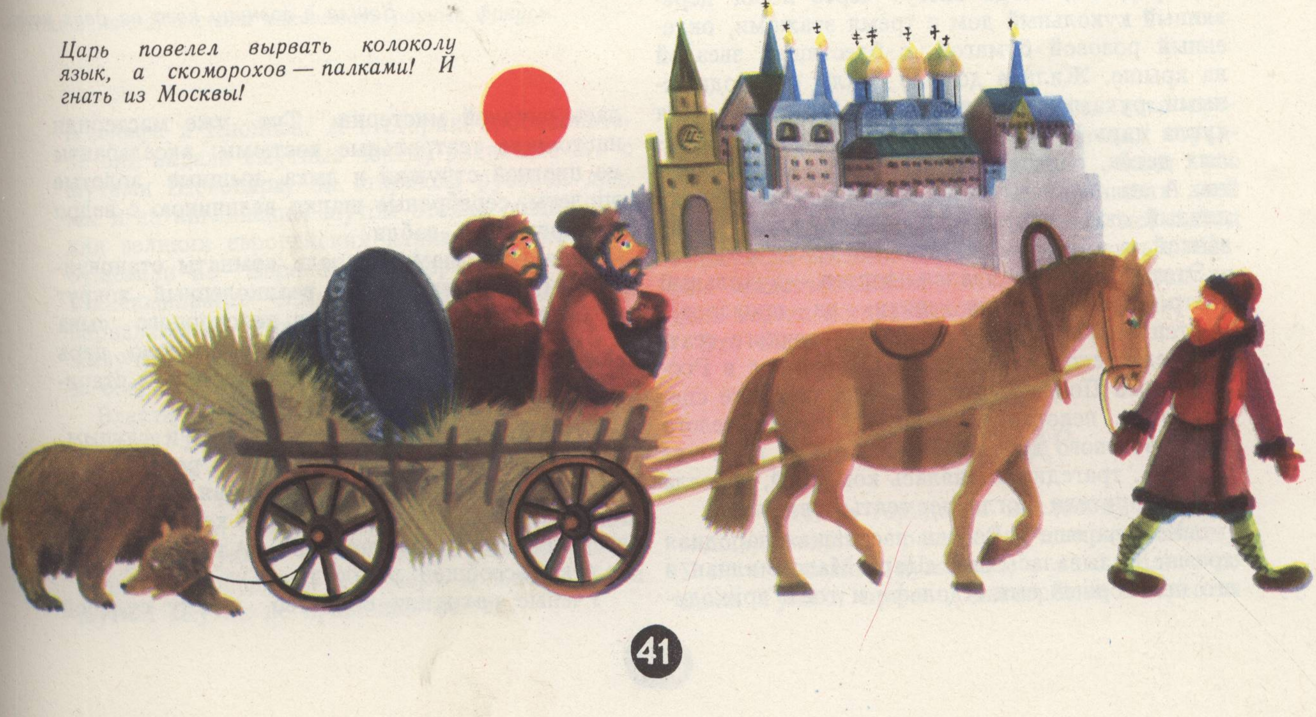
Женщины таскали горячие пироги из печи. Вечером сидели семьей за столом. В углу горела лучина. Огромные тени ходили по стенам, старухи тихо пели красивые, таинственные песни.

Вдруг в окно заглянул черт с рогами, ухмыльнулся и исчез. Тут в сенях затопало, зашумело, зазвенело, и в комнату ввалились чудища с косматыми мордами, с бумажными розами, воткнутыми в голову.

— Ряженые!

Малые ребята с перепугу полезли под стол да на полдороге увидели, что вслед за жутки-

Царь повелел вырвать колоколу язык, а скоморохов — палками! И гнать из Москвы!

ми гостями вошла коза на двух ногах, обутых в лапти, со шкурой длинной и черной. Ну и коза! Тащил ее на веревке дед, а она упиралась и вертела тощей, как у гуся, шеей. Дед с козой разговаривал, показывала коза разные фокусы, но вдруг загрустила, повалилась на бок и затихла: померла. Тут все хором грянули песню:

— Где коза ходит, там жито родит!

И коза вскочила и стала плясать, и все плясали вокруг, пока коза шкуру не сбросила — под шкурой оказался мальчишка. Все веселились, хотя никто не знал, почему такое ликование, если коза воскресла. Но мы с вами знаем: это память о Дионисе и его черном козле. Память, которая вышла из Греции и добрела до России, до глухой деревни, и там поселилась.

А в деревне постоянно думали о земле, о посеве и жатве. Как и тысячи лет назад, поражало чудо-зерно, которое умирает зимой и проснется к лету, и над ним заводили древнюю ворожбу, из которой снова рождался театр.

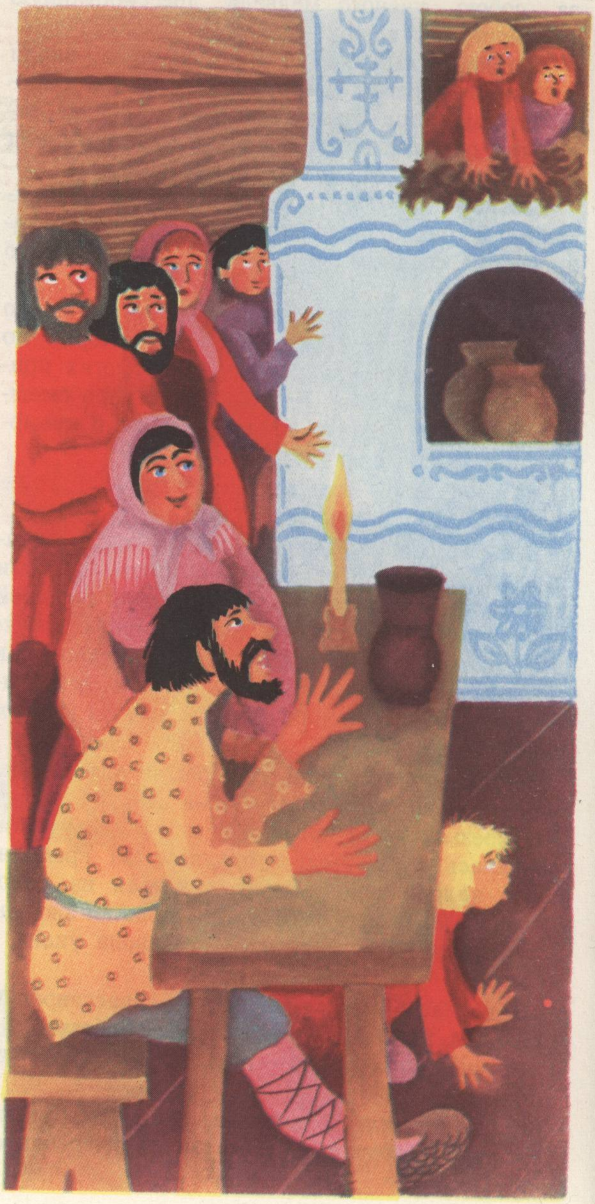
Песенка «Где коза ходит», которую до сих пор знают деревенские ребята,— это древнейшее заклинание земле, темному и непонятному подземному миру, куда уходили зерна. А коза — помните? — с незапамятных времен была посредником между царством подземным и людьми. Все это забылось.

Но вокруг искусственной козы возникал театр. И дед с козой были актерами. И все ряженые, что ввалились в дом, тоже рядились цыганами, барынями, чертями, смертью и просто как почуднее, и много было всяких театральных игр, которые знали по деревням и умели представлять в лицах. Были весенние представления — русалии, были праздники-театры в осеннюю пору, но в рождество и под Новый год представления были самые интересные, они разгоняли тоску унылых зимних дней.

И в рождественское утро просыпались ребята и лезли с печи проворно, ибо ждали большой радости, когда внесут через порог деревянный кукольный дом с тремя этажами, оклеенный розовой бумагой, с блестящей звездой на крыше. Жили в домике куклы с неподвижными руками, раскинутыми в стороны: злая кукла царь Ирод, который приказал убить малых деток, солдаты Ирода в шлемах из фольги. А на нижнем этаже ютился веселый тряпичный люд — цыган с цыганкой, казак с казачкой и другие, они шутили, пели, плясали.

Этот домик назывался вертеп — кукольный театр. Кукол водили снизу, на проволоке. Вертеп был маленькой моделью великого театра средневековых мистерий. Он пришел в Россию через Польшу, и куклы играли те же сцены, что некогда исполняли жители целого средневекового города. И здесь, как и в те времена, трагедия сменялась комедией, и после печали зрители могли посмеяться вдоволь.

...И была еще в России настоящая народная драма. Называлась она «Царь Максимилиан и его непокорный сын Адольф» и тоже приходилась внучкой мистерии. Тут уже мастерили настоящие театральные костюмы: аксельбанты из цветной стружки и лыка, пышные золотые эполеты, серебряные шапки величиною с ведро и деревянные сабли.

Вошла в горницу коза на двух ногах,

Шли по домам. Посреди комнаты становился сам царь, грозный и великолепный, вокруг него свита. Он вызывал непокорного сына Адольфа, их разговор кончался скверно, царь приказывал казнить сына. И приказывал старику-гробокопателю зарыть убитого.

Старик же прикидывался глухим и глупым, передразнивал суровую царскую речь самым потешным образом, и трагедия незаметно превращалась в комедию. А так как в комедии все обходится благополучно, Адольф воскресал ко всеобщей радости.

Ученые находили сходство между судьбой

обутых в лапти, и стала показывать разные фокусы.

Адольфа и Диониса. А в старике-гробокопателе они видели смутные черты, роднящие его с шутами Шекспира. За стариком русской драмы и за английским шутом стояла общая стихия великих европейских карнавалов, которые бушевали по Европе, как море. И в «Царе Максимилиане» слышны последние всплески карнавального смеха. Драма оказалась такой живучей, потому что гибко пристраивалась к современности.

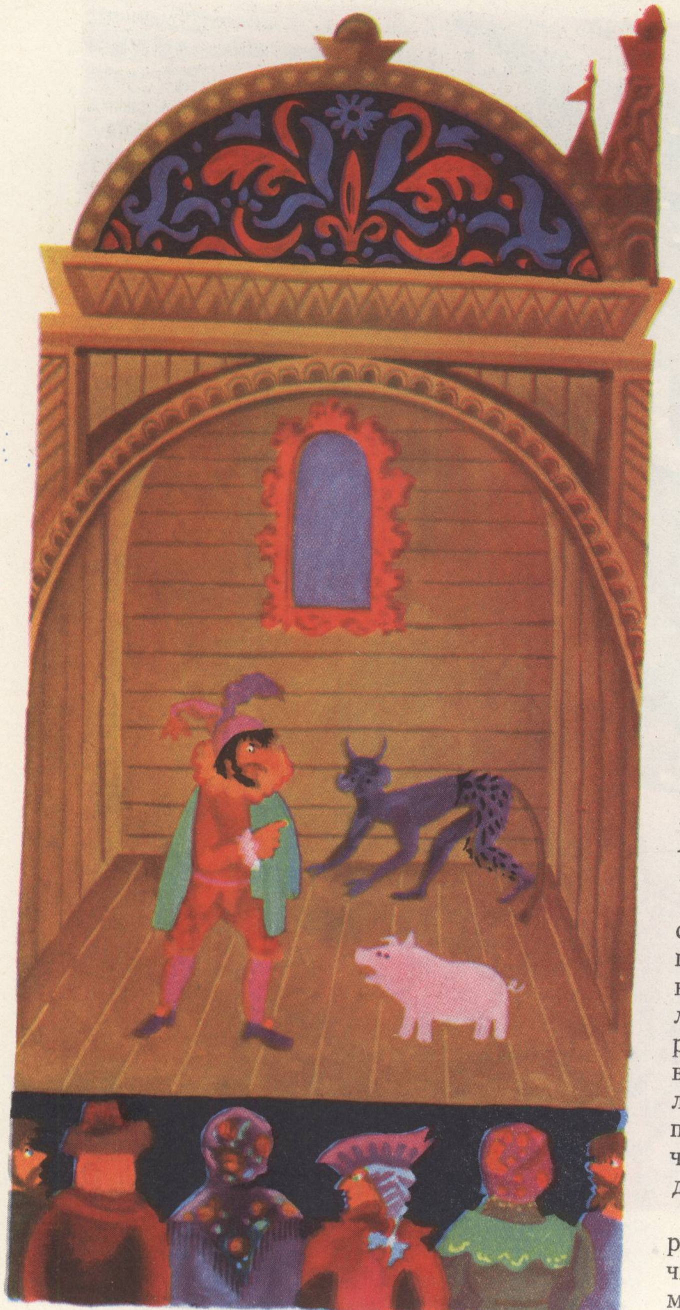
Власти к народным драмам относились с опаской. Гонение шло на ряженых, много раз запрещали водить козу, русалии проклинала церковь за то, что тут есть нечто от дьявола. Спустя века, когда в дьявола уже не верили, все равно чуяли, что от театра исходит нечто излишне свободное, не в меру вольное. А эти шутки! Шутки не нравились всегда.

Веселью объявили войну. Сквозь века пробирался по России из Европы вечный странник — театр-бродяга. Пробираться было все труднее. Театр помер и угас. До наших дней почти ничего не дожило. Десять лет назад этнографы последний раз повстречались с «Царем Максимилианом», четыре года назад видели вертеп в украинском селе Городжив.

Это были последние встречи.

В городе

А в русском городе на масленицу гулял на площади народ, разодетый по-праздничному. У кого нарядные рукавицы, у кого шаль с розами. Гуляли прачки, мастеровые и крестья-

Ну и забавные представления можно было посмотреть в балагане!

не, приехавшие из деревень. Приезжали гимназисты, врачи, адвокаты и поэты. Все гуляли. Гуляла праздничная толпа, грызла орехи, уплетала горячие пышки с лотка и золотые пряники.

Тут-то мы и встретим... кого бы вы думали? Арлекина! Это тот самый Арлекин, итальянец, уроженец Бергамо, в костюме из пестрых лоскутьев. Как занесло в зимнюю русскую стужу эту южную птицу? Ну да, ведь комедия дель арте добралась и до России.

Сказать по чести, он изрядно обнаглел с тех пор, как мы с ним расстались, из слуги он превратился в главного героя. Его убивал Пьеро (в народе его зовут попросту Мельником), а он воскресал. Впрочем, воскрешала его добрая фея, которая появлялась в костре бенгальского огня. И тут начиналось! Арлекин мстил. Он выскакивал отовсюду: из мешка, из ящика, из кипящего котла. Он прыгал в зеркало, летал по воздуху, он загнал всех врагов своих в ад. В аду стояли черти ростом до потолка, а добрая фея женила нашего героя на Коломбине, и его враги превращались в свиней и ослов прямо на глазах у публики.

Все это происходило в балагане — большом сооружении, построенном специально к празднику. В балагане пахло свежей стружкой и красками, горели керосиновые лампы, толпился народ и в воздухе стоял хохот и крики.

А вокруг балагана на площади стояли фанерные будки, балаганчики, домики, и в каждом было что-нибудь диковинное: показывали двухголового испанца, женщину с рыбьим хвостом и другие хитрые фокусы.

Еще стоял на площади очень высокий ящик-ширма. При ширме сидел на возвышении дедраешник в шапке с лентами. Он созывал народ, тараторя длинные стихи про всех подряд: про купчиху, про воришку, который вон сейчас лезет в карман зеваке; про свою жену Маланью Роговну: она лихо печет пироги из подметок. А из-за ширмы выскакивал всклокоченный Петрушка.

Пьесы с Петрушкой всегда были очень просты. Петрушка торговался с цыганом из-за лошади, дрался с полицейским, был убит, вскакивал опять. Был он от природы весел, болтлив, труслив и сущий бездельник. Что и говорить, он никогда не отличался примерным поведением и приличным нравом. Но его очень любили зрители во все времена. Любили его проделки, его улыбку во все уши и его замечательное свойство — всегда оказываться победителем.

Петрушка был весьма простецкий малый, но родословную имел знатную. В предках его числились куклы, известные в Азии с незапамятных времен. А также итальянская кукла Пульчинелла, которая в кукольном театре копировала Пульчинеллу из комедии дель арте.

Петрушка оказывался сродни всем своим веселым братьям по празднику, и само собой получалось, что и Арлекин, и старик-гробокопатель, и дед-раешник, и дед с козой, и шут, и ряженый — все они выходцы из одной семьи — из древнего вольного, веселого карнавала.

Конечно, Петрушка многим не нравился, а особенно полицейским, которых сердило, что Петрушка бьет палкой по тряпичной голове полицейского-куклу. Не нравились и балаганы: много разных людей собирается, все хохочут. Чего, спрашивается, хохочут?

И балаганы закрыли. Не стало в праздник нарядной толпы на площади, не гремела музыка, не пищал больше Петрушка. На всякий случай убрали и карусели, даже столбы срыли. И землю притоптали.

«А из земли выходит Джон—Ячменное зерно...»

Вы и сами знаете, что театры бывают разные. Вот театр ТЮЗ, тут идет пьеса из пионерской жизни «Жил-был тимуровец Лаптев». Вот театр оперы и балета, там в воскресенье утром можно посмотреть балет «Золушка», а в театре драмы идут пьесы Чехова и многих других драматургов.

Но театр, о котором мы поведали в пяти рассказах, совсем другой. Возникал он в разные эпохи. Возникал стихийно, как явление природы. Никто его не придумывал, никто не сидел вечером за столом, сочиняя для него пьесы.

И мы говорили, что он чем-то похож на фантастический корабль, который плывет сквозь туманы, сквозь тысячелетия. Разные страны — его гавани. На борту его бородатый халдей, одетый богом Эа. Юноша с козлиной шкурой на смуглых плечах по имени Дионис. Жонглер, бросающий в воздух яблоки и кинжалы. Ремесленник, одетый в белую рубаху и привязавший крылья к плечам,— исполнитель мистерии. Шут в рогатом колпаке с бубенчиками. Арлекин в черной маске. Ряженый из глухой русской деревни. Скоморох с Петрушкой в руках. И еще много толпится разного театрального люда, всех не перечислишь.

Мы побывали с ним в Вавилоне, Иудее, Греции, во Франции и Англии. Мы видели его в Италии и распрощались с ним в России.

Рано или поздно люди прощаются с ним, как со своим детством, ибо он рождение и детство каждой театральной культуры, которая потом вырастет и перейдет с площадей и дорог жить в самом красивом здании в городе, в театре.

Да и немало ему выпадает всегда всяких неприятностей и гонений, так что в конце концов приходится уходить со сцены.

И он уходит. Идут годы. Все забыто, и люди отправляются в театр смотреть пьесы, написанные хорошими драматургами. И вдруг...

Вдруг раздвигается занавес, и на сцену выходит Бригелла! В своем костюме, отделанном цветными полосками, выходит как ни в чем не бывало, будто у себя в Венеции! И московские зрители что есть силы аплодируют «Принцессе Турандот», сказке Карло Гоцци, в которой любой итальянец шестнадцатого века, окажись он в зале, тотчас узнал бы приемы озорной комедии дель арте. Сказку эту поставил советский режиссер Вахтангов всего только лет сорок назад.

Может быть, вам встретится кто-нибудь, кто видел знаменитую «Принцессу Турандот». Они вам о ней расскажут непременно, хотя много чего видели за сорок лет и многое забыли. Но «Принцессу Турандот» наверняка помнят, потому что в их жизнь в тот вечер заглянул наш старый знакомый, театр-бродяга, а встреча с ним — одна из самых больших радостей.

А сегодня при Московском университете в эстрадном студенческом театре идет спектакль «Сказание про царя Макса Емельяна». Его поставил режиссер Марк Розовский. И тут, кроме царя Макса в бумажной золотой короне, с бородой из мочалки, такого же, какого можно было под Новый год увидеть в деревне сто лет назад, тут еще, кроме него, кувыркается по сцене Арлекин, ходит грустный Пьеро и пляшет Смерть с косой. А на сцене стоит маленький балаган, сколоченный из досок на скорую руку. Занавес, сшитый из пестрых лоскутов, колышется — на сцене всегда дует.

Но, может быть, это не простой сквозняк, а ветер дальних странствий, он надувает лоскутный занавес, как парус...

...И вот кажется, корабль-театр выплывает из-за кулис на студенческую сцену. И великое веселье древних карнавалов поднимается со дна нашей души и бьется о его корму.

Кролик и Улитка

— Улитка, Улитка! Пойдемте со мной
На бал во дворец Королевы лесной.
— Да я бы пошла, но, прощенья прошу,
Вы, Кролик, забыли, что я не пляшу.
— Охота скучать у себя в конуре,
Когда так приятно блистать при дворе?
— Как брошу я, Кролик, свою конуру?
Являться нельзя голышом ко двору.
— Ах, вот что!
Садитесь скорей на меня.
И вас довезу я не хуже коня.
— Зачем торопиться? Попив да поев,
И здесь я счастливее всех королев.
— Глупцам и среди лопухов благодать.
Прощайте, Улитка! Боюсь опоздать.
— Прощай-то прощай, но сюда,
под лопух,
Ко мне долетел удивительный слух...
— Вы верите сплетням досужей толпы?
Мне жаль вас, Улитка. Вы слишком глупы.
— И правда, чего не болтают в лесу!
Слыхал? Королевой-то кличут лису!

Стихи Мориса **КАРЕМА.**

Мир уменьшился

— Не надо мне крыльев, чтоб в небо лететь.
Без них я всю землю могу оглядеть.
Ни в парусе нет мне нужды, ни в моторе.
Без них обойду я и сушу и море.
Земля не такая. Не те времена.
Доступной и маленькой стала она.
А раньше была попросторней, пошире.
Дороги короткие в нынешнем мире.

Так думал не я, но один муравей,
Бредя в муравейник с поклажей своей.

Ослик

Ослик шел по тропинке,
И в спинку
Вцепился репей.
И спросил этот ослик у мамы своей:
— Мама, мама, скажи, неужели и мне
Нужно будет таскать
За поклажей поклажу
И, гремя бубенцами, катать
По пляжу
Тех, кто носит один лишь загар на спине?
— Что ты, милый! — ответила мама-ослица. —
Ты сначала поедешь учиться,
А потом ты отыщешь такие луга,
Где еще ни одна не ступала нога,
И утонешь в росе от хвоста до подков
Средь ромашек, и клевера, и васильков,
И позволено будет лишь солнцу да полной луне
Прикасаться лучами к твоей драгоценной спине.

Все мамы похожи:
Даже мамы в ослиной коже,
У которых длинные уши,
Но такие добрые души.

Перевел с французского В. БЕРЕСТОВ

Может быть

Может быть, морю
Еще одна капля нужна,
Может быть, полю
Нужна еще горстка зерна.
Может быть, ветру
Еще одну ласточку надо,
И одного муравья
Не хватает соседнему саду.
Всем чего-нибудь мало.
Чего тебе мало, малыш,
Когда на руках у мамы
Ты, как лодка на озере, спишь?

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Кукушка

Конечно, чайка — это чайка,
Не альбатрос и не баклан.
Но кто из них кричит, узнай-ка,
Особенно когда туман.

Вот птица, лучшая на свете:
«Ку-ку! Ку-ку!» — то там, то тут.
И сразу взрослые и дети
Узнают, кто и как зовут.

Мария
ПРИЛЕЖАЕВА

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

ПОВЕСТЬ
Продолжение
Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

Тайные встречи

С Николаевского вокзала из Москвы уходил в Петербург скорый поезд. До отправления оставалось четыре минуты. Пассажиры заняли места. Небольшие группки провожающих толпились у подножек вагонов. Возле последнего вагона стояли два шпика.

— Нет и нет,— со вздохом сказал один, у которого русые усики закручивались крутыми колечками.

— В последний момент, должно, прибежит,— ответил другой.

Они зорко глядели из-под низко нахлобученных шапок. На платформе появились еще пассажиры. Один, довольно коренастый, в круглых синих очках, с чемоданом и дорожной желтой коробкой — такие коробки изготовлялись и модны были в Финляндии. Второй — щеголь в клетчатом пальто.

— Чудесно сегодня утром пробежались на лыжах! — проходя мимо шпиков, оживленно говорил щеголь в клетчатом пальто.— Весь день силушка по жилушкам так и играет.

Пассажир в синих очках что-то ответил. Шпики не расслышали, что. Шпики нервничали: тот, кого они ловили, не показывался. А этот, в синих очках, кто такой? Должно быть, не тот, кого они поджидали, а все-таки подозрительно... не упустить бы. Шпики кинулись вслед за пассажиром в синих очках.

Но поезд тронулся. Пассажир в синих очках, с чемоданом и желтой коробкой

вскочил на подножку. Щеголь остался. Оказалось, был провожающим.

— Так и нет,— огорченно сказал один шпик.— Начальству донесли, что нынче в Петербург собирался. Ан нет. Вот его карточка, вроде никого на вокзале похожего не было.

Он вынул из кармана фотографию. Лицо, чуть скуластое, с громадным лбом и резко сломанными бровями, насмешливо щурясь, глядело с фотографии.

— Ленин-Ульянов. Из Женевы в Россию на рабочие восстания прибыл. Главнейший у них. Всенепременно поймать его велено. Завтра опять придем сторожить,— сказал шпик, пряча карточку.

А скорый поезд мчался сквозь звездную ночь, раскидывая по макушкам деревьев хлопья едкого дыма. Лес, заваленный снегом, безмолвный и глухой, тянулся вдоль рельсов. Поезд мчался. Горели глаза паровоза. Громыхали на стыках колеса...

Рано утром в Петербурге человек в синих очках взял извозчика и довольно скоро был дома — на углу Бассейной и Надеждинской улиц, почти в центре столицы. Был ли это его дом? Небольшая комнатенка. Железная кровать под тощим одеялом прислонилась к стене, крохотный стол у окошка да стул. Необжито, пусто.

Человек снял очки, сунул в чемодан. Вынул из желтой коробки бумагу, без промедления сел за стол и, не поднимая головы, стал писать.

Через час за дверью послышались тихие шаги. Повернулся снаружи в скважине ключ. Дверь отворилась. Вошла Надежда Константиновна, с муфтой, в шапочке, отороченной мехом.

Владимир Ильич вскочил:

— Надюша, родная!

— Охотились в Москве за тобой? — спросила Надежда Константиновна в тревоге.

— Еще как! — усмехнулся Владимир Ильич.

Пряча беспокойство, Надежда Константиновна стала разбирать чемодан. Синие очки! Зачем?

— Маскарад!— ответил Владимир Ильич.— При помощи этих синих очков оставили господ сыщиков с носом, Надюша!

Они сели рядом на узкой железной кровати.

Они нелегально вернулись из Женевы на родину. Жили в Петербурге врозь по чужим паспортам. Виделись тайно. Свидания были кратки и спешны.

Сейчас Владимир Ильич спешил рассказать о московских событиях. Небывалых, грандиозных событиях. Он ездил в Москву обсудить их с товарищами.

Началось в октябре. Забастовал Московский железнодорожный узел. Забастовали московские фабрики. Остановились трамваи и конки. Погасло электричество. Выключили водопровод. Вся рабочая Москва бастовала. Революция перекинулась на другие города. Охватила деревни.

Чтобы притушить революцию, царь обещал в манифесте рабочим свободу. Но это было обманом. Рабочие знали: нельзя верить царю. Рабочие помнили январский расстрел у Зимнего дворца в Петербурге.

И вот 7 декабря 1905 года днем, в двенадцать часов, вновь объявлена была в Москве забастовка. Правительство послало войска усмирять забастовщиков. И тогда вступили в действие рабочие боевые дружины. На улицах, площадях и бульварах, у заводов и фабрик поднялись баррикады.

Главные силы восставших рабочих обосновались на Пресне. Там были фабрики, рабочий район. Там образовался Совет рабочих депутатов. Там установилась рабочая власть.

А царское правительство спешно сгоняло к Москве пехотные, кавалерийские, артиллерийские полки и батареи, казацкие части. Царские пушки палили по Пресне. Как спичечные коробки, вспыхивали деревянные рабочие дома и бараки. Пылали пожары на Пресне.

Десять дней длились бои. Рабочие и большевики сражались геройски. Но царские пушки жестоко подавили восстание.

Нужно ли было браться за оружие рабочим?

— Нет! — говорили меньшевики.

— Не надо,— утверждал Плеханов.

Он изменил прежним взглядам. В России бушевали революционные битвы, а Плеханов все дальше уходил от большевиков в другой лагерь.

— Нужно было восстание,— твердо сказал Ленин.— Надо было рабочим браться за оружие. Рабочий класс получил боевое крещение.

Сейчас, запершись в маленькой комнатенке, Владимир Ильич шепотом рассказывал обо всем этом Надежде Константиновне. Ведь Надежда Константиновна была секретарем Центрального Комитета партии, ведала явками, партийными связями, большевистскими встречами, была самым близким помощником Ленина.

И вспомнился им, горько вспомнился дорогой их товарищ Николай Бауман. Вместе с Лениным Бауман подготавливал выпуск «Искры». Переправлял «Искру» из-за границы в Россию. Жандармы ловили его, сажали в тюрьму. Он бежал. И снова и снова неустрашимо и вдохновенно работал для партии. И снова его сажали в тюрьму.

В октябре 1905 года Баумана выпустили из заключения. А через несколько дней, во время демонстрации, наемный убийца обломком чугунной трубы ударил Баумана. Насмерть.

Тысячи московских рабочих провожали гроб большевика, революционера.

— Такими людьми сильна наша партия,— сказал Владимир Ильич.— Всех не убьете.

Встал, подошел к окну. Надежда Константиновна стала с ним рядом.

— Погляди, Володя.

Против окна, на той стороне улицы, стоял человек в меховой шапке и пестром кашне, вполне приличный на вид, но странно неподвижный. Другой частыми шажками ходил по тротуару взад-вперед. Некоторое время Владимир Ильич с Надеждой Константиновной наблюдали за ними.

— Придется менять адрес,— сказал Владимир Ильич.

Взял со стола только что написанную статью, отдал Надежде Константиновне. Она молча спрятала под кофточку.

— Унести бы ноги,— проговорила Надежда Константиновна.

Болела у нее душа за Владимира Ильича! Каждый день, каждый час, каждую минуту подстерегала опасность. Схватят, запрут под тюремный замок. Сошлют на вечную каторгу.

Но она не сказала о своих волнениях ни слова, а сказала, что товарищи ждут Владимира Ильича. Что за этим она и пришла к нему на Бассейную. И что надо отсюда поскорей исчезать, а то вон каких молодчиков власти выставили...

Они вышли из дому под руку и пошли не налево, как было им надо, а в обратную сторону. Владимир Ильич с любезным видом завел разговор о концерте. Хорошо бы сегодня послушать концерт. Надежда Константиновна кивала, соглашаясь. А сама косилась: что шпики?

— Кажется, улизнули мы,— шепнул Владимир Ильич. И громко крикнул:— Извозчик!

Проезжавший мимо извозчик остановился. В нескольких шагах от шпиков Владимир Ильич подсадил в санки свою спутницу, сел сам.

— Садовая! — велел наобум. А Надежде Константиновне по-немецки:— Желал бы я хорошего морозца этим олухам, да с вьюгой, пускай бы померзли.

«Авось, улизнули!» — думала Надежда Константиновна.

Не доезжая Садовой, они отпустили извозчика, нырнули в проходной двор, знакомый Владимиру Ильичу по старым питерским годам. И поехали на Васильевский остров. Если за ними следят, надо запутать следы, сбить с толку. Они ехали куда глаза глядят. Январский день необычно для Петербурга был ясный и солнечный. Все было бело. Искрился снег. Мороз щипал щеки.

— Соскучился я по этой снежной белизне! — с чувством вырвалось у Владимира Ильича.

— Зимушка наша, зимушка русская! — отозвалась Надежда Константиновна.

Они были счастливы хоть нечаянно побыть немного вдвоем.

А под вечер в точно назначенный час, уверившись, что шпик не крадется, Владимир Ильич шагал по указанному Надеждой Константиновной адресу. Там собрались питерские большевики и передовые рабочие, дожидались выступления товарища Ленина.

Снова чужбина

Два года вспыхивали и горели по всей России костры рабочих и крестьянских восстаний. Два года царские правители душили революцию в России, пока не задушили. И началась расправа. Аресты, ссылки, казни, казни...

Владимир Ильич жил недалеко от Петербурга, в Финляндии. Здесь редактировал и выпускал большевистскую нелегальную газету «Пролетарий». Отсюда держал постоянную связь с Петербургским большевистским центром. А Надежда Константиновна почти ежедневно ездила в Петербург с партийными поручениями Ленина.

Однажды вернулась из Петербурга сильно расстроенная. Уж очень злобствовали против Владимира Ильича царские власти! Одну книжку его запретили, постановили отдать Ленина за эту книжку под суд. Другую книжку конфисковали. Разослали по всем жандармским управлениям приказ: «Разыскать большевистского вождя Ленина!»

— Доберутся они до тебя, вся полиция на ноги поставлена,— с тревогой сказала Надежда Константиновна.

В те времена Финляндия была под властью русского царя, царские полицейские без препятствий шныряли по княжеству Финляндскому. Вот-вот выследят Ленина.

Большевистский центр постановил: Ленину эмигрировать за границу. Газету «Пролетарий» издавать за границей.

— До свидания, родной мой,— простилась Надежда Константиновна.— Встретимся в Швеции.

Надежда Константиновна в Стокгольм, столицу Швеции, приедет позднее. Сейчас Владимир Ильич поехал один.

Был декабрь 1907 года. Поезд шел из Гельсингфорса в портовый финский город Або. В купе ехали финны. Финны — народ молчаливый. Да Владимиру Ильичу

и не хотелось разговаривать. Снова покидает он родину. Много пережито за два революционных года на родине. Революцию подавили. Но рабочий класс закалился, научился опыту революционной борьбы...

Занятый мыслями, Владимир Ильич не сразу заметил сквозь стеклянную дверь купе в коридоре человека. А когда заметил, по виду и шныряющему взгляду моментально определил полицейского шпика. Владимир Ильич научился их узнавать. Шпик за ним наблюдал, и давно, это ясно. Наверное, на вокзале в Або Владимира Ильича ожидают жандармы. Конечно, шпик известил телеграммой жандармов: мол, встречайте добычу.

Плохи дела. Последнюю остановку перед Або проехали. Больше остановок не будет. Сойти не удастся. Поезд вез Владимира Ильича прямо в лапы жандармов. Положение создавалось безвыходное. Владимир Ильич взглянул на стеклянную дверь. Шпика не видно. Очевидно, уверен, что добыча надежно в руках. Ушел в свое купе отдохнуть. Скверны дела: через час Владимира Ильича посадят в тюрьму.

Он поднялся. Чемоданчик у него был небольшой. С чемоданчиком в руке Владимир Ильич не спеша направился в тамбур. Только бы не выскочил шпик! Владимир Ильич отворил дверь из тамбура. Ледяной ветер хлестнул в лицо. Как быстро несется поезд! Вагон качает, не устоишь на ногах. Владимир Ильич несколько минут выжидал. Не решался. Слушал торопливый перестук колес. Может, ему показалось, а может, и верно поезд замедлил на повороте — все равно другого выхода не было. Владимир Ильич прыгнул. Дух захватило. Невольно он зажмурил глаза и провалился во что-то пушистое.

Он упал в глубокий сугроб, удивительно удачно упал! Снег насыпался за воротник и в ботинки, залепил лицо, но кости были целы. Он был цел, жив! Поезд прогромыхал мимо сугроба. Помигал красный фонарь на площадке последнего вагона и исчез. Вдалеке замерли звуки. Тишина. Снег. Ночь. Звездное, звездное небо.

Владимир Ильич выбрался из сугроба. Отряхнулся от снега. И пешком зашагал вдоль рельсов по направлению к Або. Далеко ли идти? Двенадцать верст, по незнакомой дороге, в зимнюю ночь — далеко. Зато спасся от жандармов. То-то позлятся, когда поезд прибудет на вокзал без добычи! А шпик? Владимир Ильич представил, как ошарашенно мечется перепуганный шпик, разыскивая его по вагонам, и засмеялся. «Проворонил, голубчик, намылят тебе голову!»

Теперь оставалось дошагать по рельсам до Або, сесть на шведский пароход, и опасности позади.

На той стороне улицы стоял человек в меховой шапке и пестром кашне. Другой частыми шажками ходил по тротуару взад-вперед.

Но на пароход Владимир Ильич опоздал. И опасности были не позади, а рядом, и слева, и справа, и всюду. Порт набит русскими жандармами и сыщиками, туда и носу нельзя показать. Город полон жандармами. Так сказал один финский товарищ. Этому товарищу большевистский центр поручил устроить переезд Владимира Ильича из Або в Стокгольм. Что делать?

Уезжать из Або, вот что надо делать. И скорее, немедленно.

Финский товарищ переправил Владимира Ильича в рыбацкий поселок на скалистом берегу моря. Вокруг шхеры — сотни островов, полуостровов, бухт и заливов. Острова, большие и маленькие, далеко уходили в море, и все это было покрыто

снегом и льдом. Ведь стоял декабрь, стояла зима.

Двое рыбаков согласились проводить Владимира Ильича на один островок. Шведские пароходы приставали к этому острову.

Как?! Разве пассажирские пароходы ходили по льду?

Да, ходили. Ледоколы разрезали лед, образуя фарватер. Мимо того острова, к которому рыбаки повели Владимира Ильича, как раз и был проложен фарватер.

Была темная, немного вьюжная ночь. Вышли ночью, чтобы никто не заметил. Всякому показалось бы странным, куда и зачем отправляются путники по такому ненадежному льду. Кое-где змеились по нему коварные трещины. Иногда поднималась поверху вода. Рыбаки знали, что русский, которого они согласились вести к пароходу по шхерам, борется против царя. Финны ненавидели царя. Если русский против царя, они сделают для него все, что надо.

Путники молча шли, нащупывая длинными шестами дорогу. Тихо шли. Шаг, еще шаг. Колючий снег резал щеки. Было мглистое небо. Ветер усилился. Вздымал тучами снег. С моря долетали гудки. Там пароходы пробивались сквозь снежную вьюгу и мглу.

«Спасибо рыбакам, в такую непогожую ночь взялись меня проводить,— думал Владимир Ильич.— Спасибо, товарищи».

Он не знал, как рискованно, почти невозможно было идти в эту непогожую ночь! Шагал, проверял на ощупь дорогу шестом, старался не упускать из виду рыбаков впереди. Вдруг... лед пошатнулся. Раздался треск, будто выстрел. Льдина накренилась и плавно стала уходить из-под ног. Из трещины хлынула вода. Шест Владимира Ильича шарил, дна не было. Конец. Все.

«Нет, нет, нет!» Вся воля Владимира Ильича, сила, находчивость собрались. Он не помнил точно, как удалось ему выбраться. Кто-то протянул руку. Он схватил, прыгнул. Проводники хлопали его по спине, говорили по-фински. И по-немецки:

— Геноссе, геноссе... товарищ.

Они радовались. Как они радовались, что русский геноссе, товарищ, который борется против царя за народную долю, не утонул подо льдом.

Владимир Ильич добрался до острова. Шведский пароход доставил его в Стокгольм. Там Владимир Ильич дождался Надежду Константиновну.

И вот они снова в Женеве. Снова чужбина.

Неприглядна была Женева в тот декабрьский день, когда Владимир Ильич со своим верным другом, родной и любимой Надюшей очутились там после революционной России.

Зима, а снега нет. Только ветер, резкий и жесткий. Несет вдоль тротуаров холодную пыль. Женевцы попрятались по домам. Одиноко, неприютно в Женеве.

Свидание в Стокгольме

Владимир Ильич вышел из библиотеки. В каких только библиотеках не приходилось ему работать! В Мюнхенской, Женевской, Цюрихской, Лондонской, Парижской, Копенгагенской! Теперь вот в этой, Стокгольмской. Шел 1910 год, и опять Владимир Ильич в столице Швеции Стокгольме! Но сейчас по особому, совершенно особому поводу.

Быстрый и радостный, он шагал осенними стокгольмскими улицами.

Куда же он шел? Ему предстояло выступить с докладом в шведском Народном доме. Он шел на доклад. Десятки раз приходилось Владимиру Ильичу делать доклады в самых различных городах перед рабочими и членами партии. Отчего он сегодня так весел? Он кидал вокруг дружелюбные взгляды, всматриваясь на ходу в чужую шведскую жизнь. Негромкий, чистый, прибранный город, с кривыми узкими улицами. Королевские дворцы, мосты через каналы, скверы, клумбы, стаи галок вокруг колоколен, медлительные экипажи на площадях — все это Владимиру Ильичу давно знакомо. А сегодня вызывало улыбку.

Он увидел продавщицу цветов. Корзина красных, желтых и розовых роз стояла у ног молоденькой девушки.

— Мосье, купите цветы.

— Пожалуйста, вот эти красные розы. Мерси. Благодарю вас.

Владимир Ильич шел на партийный доклад с цветами. Не странно ли?

Однако вот и Народный дом. Сегодня здесь, в одной из комнат, собрались русские большевики-эмигранты.

— Ленин! Ленин! — встретили Владимира Ильича дружные возгласы. Его обступили, жали руку. Все знали Ленина. По книгам и статьям. По большевистским газетам: сначала «Искра», потом «Вперед», «Новая жизнь», теперь «Пролетарий». Знали по съездам партии.

В глубине небольшой комнаты сидели две женщины. Одна старая, наверное, не

Может, ему показалось, а может, и верно поезд замедлил на повороте — все равно другого выхода не было. Владимир Ильич прыгнул.

меньше семидесяти лет. На ней было черное платье с глухим воротничком и кружевная наколка на белых, совершенно белых, как снег, волосах. Черты лица ее были тонки. Она вся помолодела и оживилась, увидев Владимира Ильича.

Рядом с ней молодая, темноглазая, чуть скуластая, строгая. Она тоже расцвела при появлении Ленина. Владимир Ильич к ним подошел, положил на колени старой женщины розы.

— Мама и сестра приехали из России меня навестить,— просто объяснил он окружающим.

— Спасибо, что приехали,— сказал матери один большевик.— Вы можете гордиться таким сыном.

А Ленин стал за небольшой, вместо кафедры, столик и начал доклад. Необычный доклад. Впервые его слушала мать. Он говорил товарищам, большевикам. И матери, маме. Мать была другом своих детей. А ведь все ее дети были революционерами. Она навещала их в тюрьмах. Носила передачи. Когда в 1895 году Владимира Ильича засадили в тюрьму, мама приехала в Петербург. «Мамочка, помню, как ты глядела на меня через тюремную решетку. Улыбалась, старалась казаться спокойной. Губы дрожали у тебя, а ты улыбалась».

Владимир Ильич говорил в своем докладе о положении в партии. О том, что надо бороться со всеми неверными течениями. Революция 1905 года разбита, но надо не падать духом. Надо смело идти вперед. Одна у нас дорога... Владимир Ильич говорил о дороге революционной борьбы.

После доклада опять его окружили. Насилу Владимир Ильич выбрался из Народного дома.

Был вечер. Из окон домов лился мягкий свет, оранжевый и голубой от абажуров. Тянуло морской прохладой из порта. Где-то звучала музыка.

Мама и Маняша ждали Владимира Ильича на улице.

— Мама, как я рад, что ты здесь! — воскликнул Владимир Ильич.— И ты, Маняша,— ласково сказал он сестре.

Ему хотелось услышать, что думает мама о сегодняшнем вечере. Вспомнилось Владимиру Ильичу детство и мама из его счастливого детства. Она всегда была ровна, справедлива. За всю жизнь Владимир Ильич не знал ни единого случая, когда в чем-нибудь не согласился бы с матерью.

— Ты знаешь, Володя,— сказала она, — я читала многие твои книги и статьи и очень ценю твой ум и твои задачи. А сегодня я убедилась, как горячо тебя любят люди.

Десять дней прожили в Стокгольме мать и Маняша. Владимир Ильич приехал из Парижа увидеться с матерью. Как быстро промелькнули десять дней!

Русский пароход уходил из Стокгольма утром. Осень сумрачно надвинулась на город, завесила плотными тучами небо. Ветер срывал листья с деревьев. Беспорядочно гнал по заливу мелкие волны. Лодки громко плюхались днищами по воде. Было неспокойно, нерадостно.

Владимир Ильич обнял мать.

Они мало говорили. У Владимира Ильича сердце разрывалось от горя, когда мать, обняв его еще и еще, пошла по трапу на пароход. И все оборачивалась и махала платком. Пароход довольно долго стоял, а Владимир Ильич не мог туда подняться.

Владимир Ильич подошел, положил на колени старой женщине розы.

На пароходе — русская территория, русские законы. Только Владимир Ильич туда ступит, в тот же миг его арестуют. Мама махала платком.

Низкий гудок протяжно разнесся над заливом. Пронзительно прокричала чайка. Пароход отошел.

Прощай, мама! Он больше ее не увидел...

В деревне Лонжюмо

Тысячи русских революционеров-эмигрантов жили во Франции. Владимир Ильич тоже жил и работал в Париже. А весной 1911 года они с Надеждой Константиновной выехали на все лето в деревню Лонжюмо.

Лонжюмо недалеко от Парижа, километрах в пятнадцати. Длинная улица протянулась больше чем на километр вдоль деревни. Ночами по улице тарахтели колеса возов, крестьяне везли на парижский рынок продукты.

Дома в Лонжюмо были каменные, невзрачные, насквозь прокопченные. Копоть валила из трубы небольшого кожевенного заводика. Даже листья и трава были от копоти тусклые и скучные в этой деревне. Правда, вокруг зеленели поля. Но Владимир Ильич с Надеждой Константиновной приехали сюда не для отдыха. Напротив, для важной работы.

Был ранний час. На дворе запел во все горло петух. Владимир Ильич проснулся. Комната была темной и сырой даже в это яркое летнее утро. Казалось, и солнце еще не взошло, так было сумрачно в комнате. Между тем Надежда Константиновна уже несла завтрак, состряпанный на керосинке.

— Изволили проспать, милостивый государь? За поведение — кол.

Такую отметку выставил себе Владимир Ильич, живо поднимаясь с постели. И скорей, скорей помогать по хозяйству. Чашки, тарелки на стол. Сахарница...

— Ой! — вскрикнула Надежда Константиновна.

Сахарница вырвалась у него из руки. Владимир Ильич изловчился, подхватил.

— Чем не жонглер?

— На троечку,— ответила Надежда Константиновна.

Что-то колы да тройки у них на языке! Уж не сделались ли учителями Владимир Ильич с Надеждой Константиновной?

Нестерпимая жарища стояла в то лето во Франции! С утра нещадно пекло и жгло солнце. Лохматая дворняга лежала в тени под забором на улице. Высунула язык и часто-часто дышала, как паровоз.

— Жарко, псина? — дружески потрепал дворнягу Владимир Ильич.

— Доброе утро! — поздоровался он с рабочим-кожевником. У этого рабочего «Ильичи» снимали две темные комнаты в сумрачном доме.

Было воскресенье. Рабочий сидел в тени забора, положив на колени жилистые руки. У него было узкое, худое лицо. Пепельного цвета усы опускались вниз. Таким усталым он казался и изможденным.

Мимо по улице проезжал экипаж на рессорах, с лакированными крыльями. Под кружевным зонтиком ехала дама с детьми, миловидными и нарядными, что-то щебечущими. Рабочий торопливо вскочил, низко поклонился. Дама кивнула.

— Супруга хозяина,— почтительно сказал кожевник.

— Вот у кого отдых в полное удовольствие,— с насмешкой заметил Владимир Ильич.

Рабочий помолчал, погладил опущенные усы и смиренно ответил:

— Бог создал богатых и бедных. Значит, так надо.

Через улицу наискосок зазвонили колокола. Отворились для воскресной службы двери храма. Рабочий перекрестился и направился в храм, бормоча:

— Господи помилуй! Спаси и помилуй нас, господи!

— Да-а,— в раздумье протянул Владимир Ильич.

— Мосье!—спросил соседский мальчишка.— Вы, наверное, на Сену, купаться?

— Нет, дружок, не купаться.

— А, знаю, знаю,—закивал мальчишка,— вы в свою школу. Вы и в праздники учите.

Школа Ленина на другом краю длинной улицы в Лонжюмо была необычной школой. И по виду она не походила на школу. Раньше когда-то тут был постоялый двор. В глубине двора стоял просторный сарай. На пути в Париж останавливались в нем дилижансы. Кучера отдыхали, курили. Кормили лошадей. Но это было давно...

Весной 1911 года Владимир Ильич снял сарай под школу. Ученики выгребли мусор. Сколотили из досок стол на восемнадцать человек. Раздобыли у соседей старенькие табуретки и стулья — и школа открыта.

Какие же ученики в ней учились? Учениками были русские рабочие. Тайно от царских жандармов они приехали сюда из разных городов России. А учителями были Владимир Ильич, Надежда Константиновна и другие товарищи.

Ученики сидели за столом, когда Владимир Ильич пришел на урок. Честь по чести встали при входе учителя. Но вот что смешно: все босые. Жара в Лонжюмо была нестерпимая, вот они и ходили босые. Это были молодые ребята, любопытные и способные. Они страшно любили уроки Владимира Ильича! Всегда он умел заинтересовать с первого слова.

— Бог создал богатых и бедных. Значит, так надо,— начал неожиданно Владимир Ильич сегодня урок.

Лукавая улыбка играла у него на губах, смеялись глаза. Все в удивлении молчали.

Прямо-таки мертвая тишина воцарилась в ответ.

— Так мне сказал один французский рабочий-кожевник,— после паузы объяснил Владимир Ильич.

Ученики зашумели.

— А! Вот оно что! Э! Какой-то слизняк проповедует.

— Отсталый ваш француз, Владимир Ильич! Ведите его в нашу школу, живо проветрим мозги.

А один ученик поднялся и сказал:

— Я тоже рабочий-кожевник, только, думаю, божьи законы нам не подходят. Надавать надо богатеям по шее да и строить новое общество.

— Правильно! — закричали вокруг.

Шумный получился урок. Но Владимиру Ильичу это и нравилось.

— Значит, не обязательно, чтобы были богатые и бедные,— подхватил Владимир Ильич.

И незаметно и просто перешел к уроку по политической экономии. Так называется очень важная наука о хозяйственном развитии общества.

Владимир Ильич учил рабочих марксизму. Рабочий должен быть образованным, умным и сведущим. И превосходно должен разбираться в политике.

Разве будет бороться за революцию такой человек, как тот французский кожевник, который бормочет: «Господи, помилуй!» — и знать ничего больше не знает? И у нас в России немало таких отсталых рабочих. Отсталость не подмога революционной борьбе.

— Учиться надо рабочим! — говорил Владимир Ильич.

Поэтому и организовал он в Лонжюмо партийную школу. Ученики проучились в ней четыре месяца и поехали домой, понесли русскому рабочему классу свою революционную веру и знания.

А французская деревня Лонжюмо, обыкновенная деревня, не очень казистая, сейчас известна всем людям оттого, что там была первая партийная школа Ленина.

Война войне

— Батюшки мои, не верится, что из такой беды страшенной вырвались!

Надежда Константиновна глядела на Владимира Ильича. Он здесь, с ней, не в тюрьме! Живой, в глазах искры, морщинка смеха у губ! Беда миновала, а в глубине души было ей все еще страшно.

— Дурное сновидение. Вон из головы! — ответил Владимир Ильич.— Полюбуйся, Надюша, на осенний Берн.

И распахнул окно. Оранжевый свет осенних листьев полился в окно. Они были в столице Швейцарии Берне. На свободе. А совсем недавно Владимир Ильич сидел за тюремной решеткой. Случилось это в Поронине. Поронин, польский городок, или, скорее, поселок, находился в то время под властью австрийцев. 1 августа 1914 года Германия объявила России войну. И ее союзница Австро-Венгрия объявила России войну. А Франция и Англия объявили войну Австро-Венгрии и Германии.

Началась новая мировая война.

Тысячи женщин, русских, немецких, французских, английских, с плачем обнимали сыновей и мужей. В последний, может быть, раз. По железным дорогам России везли орудия и мужиков из Рязанской, Тульской, Ярославской и других губерний. На позиции, в бой. Зачем, для чего эта война? Никому не известно. Известно правителям. Но сынков правителей не везли в теплушках, не гнали на убой. Гнали крестьян и рабочих.

В первые же дни войны австрийские жандармы в Поронине арестовали Ленина. Русский. Все что-то пишет. Что-то посылает в Россию. Значит, шпион. Доказательства? Какие там доказательства! Жандармы постановили, значит, шпион.

По военным временам за шпионство полагалась смертная казнь. Сколько муки, отчаяния пережила Надежда Константиновна! Был Владимир Ильич две недели от смерти на волосок. Нашлись товарищи. Хлопотали, боролись за Ленина. Удалось вырвать из тюрьмы. Надежда Константиновна трогала его плечи и грудь. Целый? Живой? Пронесло напасть.

— И забудем,— сказал Владимир Ильич.

Всего лишь вчера они приехали из Поронина в Берн, столицу нейтральной Швейцарии. Швейцария не воевала. Здесь шла обычная жизнь. Не плакали матери, не ломали в ужасе рук.

— Быстрее, Надюша, дружочек! — торопил утром Владимир Ильич.

Они наспех позавтракали, убрали посуду и вышли из дому. В кирхах еще служили обедни, когда они вышли. Колокольный звон мелодично разносился над Берном. Берн — просторный, неторопливый город с древними зданиями, мостами через реку Аару, старинными памятниками. На гербе Берна изображен медведь. И на многих домах нарисован добродушный коричневый зверь, вставший на задние лапы. Мало того, в Берне есть ров, так там и вовсе живые медведи. Вечно там толпится народ.

В Берне Владимир Ильич и Надежда Константиновна поселились, как всегда, на самой окраинной коротенькой и узенькой улочке под названием Дистельвег. Что значит по-русски — «Дорога в чертополохе». Ясно, не роскошная улица.

Дома в Лонжюмо были каменные, невзрачные.

Минут десять Владимир Ильич и Надежда Константиновна прошагали по улице Дистельвег, и город окончился. И начался лес, золотистый и пестрый, потому что стоял сентябрь. Лес начинался сразу за городом. Поднимался в гору с холма на холм, все выше и круче. Привольно шагать извилистой горной тропой среди могучих буков и лиственниц. Выше, выше!

Стоп. Владимир Ильич стал.

— Здесь, Надюша? — спросил, он, узнавая приметы, по которым в этом месте нужно было свернуть с тропки. Перепрыгнуть канавку. Еще два десятка шагов. Развести рукой кусты — и перед глазами поляна. Несколько человек расположились на поляне, подстелив пиджаки и плащи.

— Здравствуйте, товарищи! — сказал Владимир Ильич.

Позади треснул сучок. Закачались еловые ветви. Высунулась голова. Из чащи вышел еще один человек с хорошенькой корзиночкой, в каких бернцы носят завтраки.

Может, эти люди собрались на пикник? День чудесен. Ясное небо нежарко. Лес так покоен и тих.

Но на поляне был не пикник. Вчера, приехав в Берн, прямо с поезда Владимир Ильич дал весть знакомому русскому большевику-эмигранту. Тот сообщил другому. В один вечер передалось по цепочке:

— Товарищи, завтра утром в бернском лесу.

Большевики пришли все, как один. Все хотели услышать, что скажет Ленин.

— Над русским народом и другими народами разразилась война,— сказал Владимир Ильич.— Кому выгодна война? Капиталистам. Капиталисты наживают на войне миллиарды. Рвутся захватить все новые рынки, чтобы больше и больше получать прибылей. А солдат и рабочих обманывают, мол, защищайте отечество. На самом деле это не защита отечества, а защита капиталистической выгоды. Надо объяснять солдатам, рабочим, крестьянам: к вам в руки попало оружие. Солдаты и пролетарии всех стран, обратите оружие против своих царей и капиталистов. Делайте революцию. Долой несправедливую войну. Война войне!

Вот о чем говорил Ленин в бернском лесу. И писал об этом множество статей и заметок. И посылал их в Россию. А большевики тайно распространяли на фронте среди солдат и рабочих. Война войне.

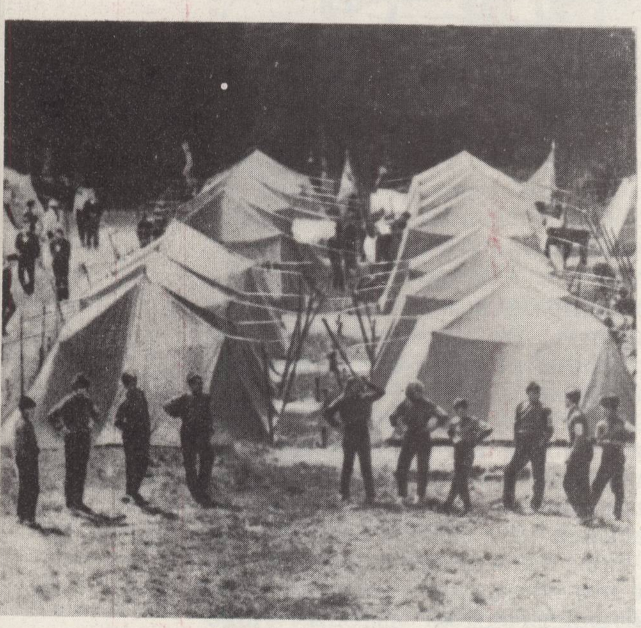
Солдаты читали, задумывались: «А не пальнуть ли из этих винтовок по своим фабрикантам да помещикам? Сбросить царя. Да и начать жить по-новому».

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Идет «ЗАРНИЦА», славная игра!

Фото Ю. ШАЛАМОВА и В. ГУСЕВА.

Танцуют дикий танец колоски.
И шепчется тревожная листва.
У берегов причудливой реки
идет «Зарница», славная игра.

И где-то пулеметчик под кустом
от напряженья ковыряет нос,
а в чаще, задремавшей смутным сном,
зашевелил ушами рыжий лось.

Кричит Лариса с дерева: «Идут!»,
и «боевых» погоны зеленеют.
А «смелые» в атаке тут как тут.
Вожатая: «Вперед!» — и мы за нею.

Бросаюсь из-под ели на «врага»,
за мною следом Саша Бородавка.
За провод зацепилась вдруг нога —
там «мина» спрятана под травкой.

А из отряда старших два бойца
погоны с плеч моих срывают.
И хоть я защищаюсь до конца
и крепко их руками заслоняю,—
и я среди «убитых» оказалась.

«Убитых» тоже много у «врага».
Стоим мы с очень грустными глазами,
а в сердце неостывший ураган.
Окончен бой, у нас осталось знамя.
Подняв его, мы крикнули: «Ура!»
Мы в первый раз в «бою»,
но кое-что узнали.
Наступит и для нас победная пора.

Наташа РОЙ, 10 лет.
г. Рубежное, Луганской области.

А в самом деле — сколько лет вашей школе?

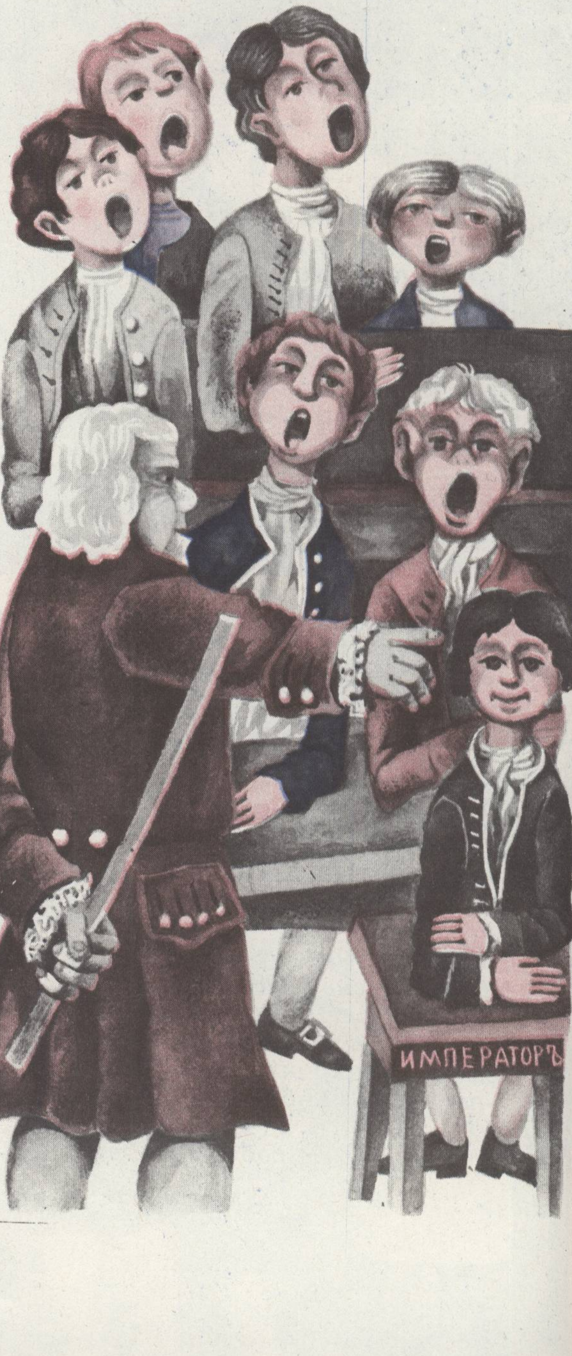
Когда она построена, это легко узнать. Спросите учителя или директора, они скажут. Есть школы совсем новенькие, может быть, только что открытые, стены еще краской пахнут. Каждый год строят много новых школ. А есть старые, даже такие, которым по пятьдесят, а то и по сто лет. Однажды я был в Смоленске в очень старой школе: она отмечала свое 150-летие.

В музее этой школы висят портреты замечательных ее учеников, и кажется удивительным: как будто все жители Смоленска прежде учились именно в этой школе и ни в какой другой. Потом оказалось, что так и было. Просто до революции в этой школе помещалась гимназия, единственная на весь Смоленск. В каждом городе, который прежде был центром губернии,

С. СОЛОВЕЙЧИК

Рисунки
Ю. ВЛАДИМИРОВА
и Ф. ТЕРЛЕЦКОГО.

Сколько лет школе?

почти наверняка сохранились такие старые школы, бывшие гимназии.

Когда была построена школа, узнать легко.

А когда она была устроена так, как сейчас?

Когда все это появилось: классы, классные доски, отметки, дневники, школьные правила, расписание уроков, педагогические советы, библиотеки и кабинеты, учебники, уроки на дом? И кто все это придумал?

Возможно, кто-то считает, что так было всегда, или, скажем, тысячи лет. А другим, наоборот, кажется, что все появилось совсем недавно, а раньше ничего не было — ни школ, ни библиотек, ни кабинетов.

На самом деле школа стала похожей на школу ни давно, ни недавно, а двести лет назад. Точнее, почти двести лет — в 1786 году. В этом году произошло одно событие, которое...

Но не будем торопиться. Сначала заглянем в школу начала и середины восемнадцатого столетия.

Легко сказать, заглянем!

Какой сейчас месяц, октябрь? Представьте себе, что в этом месяце, в октябре, посреди учебного года ваши родители решили переехать в другое место. Из Москвы в Новосибирск, или из Рязани в Челябинск, или из села Александровки в Тамбов. Вся семья переезжает, и, значит, вам надо менять школу. Но куда бы вы ни приехали, в Новосибирск, в Тамбов или в село Александровку, в какую бы школу вы ни попали, вы сможете поступить в тот же класс, в котором учились, и будете продолжать учение по тем же книгам, новых покупать не придется, и вы даже не очень отстанете за время переезда: на новом месте изучают те же самые разделы учебников, что и на старом, и так же ставят отметки учителя — ну, может быть, более строго или менее строго. Словом, можно продолжать учиться в любой школе страны.

А в те, старые времена, двести, двести пятьдесят, триста лет назад, было не так.

Все школы были разные. Читать-писать, конечно, учили всюду, а вот другие предметы, если они были, в каждой школе вводили по своему усмотрению. И порядки в каждой школе устанавливали свои.

Например, на юге страны можно было попасть в школу, внешне похожую на нынешнюю. Только вместо парт — столы и скамейки, вместо одной большой доски на всех — маленькие доски на несколько человек. На столах — чернильницы и гусиные перья, линейки, и в руках учителя — большая линейка (ее называли «ферула»). Это линейка не для черчения: ею учитель бил нерадивых учеников по рукам. Все ученики сидели в классе не просто, кто где сел, а по успехам. Кто хуже учился, тот сидел позади всех или у дверей, на неудобном месте. А лучший ученик в классе сидел за особым столом, впереди, и назывался «император». Он помогал учителю: спрашивал уроки, ставил отметки. «Император» садился на свое место с особыми церемониями, все ученики обязаны были оказывать ему уважение. Когда «императора» назначали, ученики хором славили его, пели: «Здравствуй, новый император!»

Но таких школ были единицы. Большинство детей из небогатых семейств училось в «школах мастеров грамоты». «Мастер грамоты» — это не учитель, это или отставной солдат, или старый чиновник, потерявший свое место, или грамотный крестьянин, или дьячок, прислуживавший в церкви во время богослужения,— словом, любой человек, каким-то чудом выучившийся читать (а писать — не всегда). Он набирал около десятка ребят и учил их своему нехитрому искусству или у себя дома, или, если дело было в деревне, в разных избах по очереди: сегодня в одной, завтра в другой, послезавтра в третьей. За это учение родители платили ему небольшие деньги, с того он и жил, этот «мастер грамоты».

Сохранились воспоминания, как была устроена одна из школ. Она помещалась в низенькой лачужке с четырьмя окнами. Кроме кухни,

в доме была всего одна комната, разделенная пополам. В первой половине учились, во второй жил учитель с семейством. Уроки (тогда говорили «классы») начинались в седьмом часу утра и продолжались до начала одиннадцатого часа. Потом ученики уходили обедать, возвращались в школу в час и опять занимались до шести часов (летом) или до четырех (зимой). Каникул не было, уроков на дом не задавали, потому что ни у кого не было книг, по которым можно было бы делать уроки. Книги стоили очень дорого.

Ученики являлись в класс в чем попало: летом босые, зимой в тулупах. Учитель носил байковый сюртук. Перед уроком все молились. Считалось, что есть святые, которые особенно благоволят к ученикам, потому что в детстве эти святые сами учились с трудом — были «косны на понимание». Если дело шло плохо, мальчик прерывал долбежку и молился этим святым, просил их заступиться.

Учитель приходил в класс с собакой по кличке Барсук. Пес лежал спокойно в углу и ждал своего часа, пока кого-нибудь вызовут отвечать. Тогда Барсук вставал и, не торопясь, подходил к столу отвечавшего. Учитель был строгий, отвечали ему стоя навытяжку — упаси бог шелохнуться! Вот этим и пользовался Барсук: он «прехладнокровно», как пишет автор воспоминаний, вытаскивал из открытого ящика под столом кусок пирога, припасенного учеником на завтрак, и лениво уходил на свое место в угол.

После обеда учитель очинивал всем гусиные перья, ученики принимались за чистописание, а учитель спал. Спал он тут же, на скамейке. Если он уходил в свою комнату, все равно в классе было тихо, потому что все знали: в перегородке просверлены дырки для наблюдения.

Были школы получше: их обычно устраивали богатые помещики. Например, в многочисленных имениях князя Куракина созданы были не просто школы, а даже интернаты, как мы сказали бы сейчас. Князю нужны были грамотные люди: приказчики, писари, старосты, вот он и учил детей, «чтоб к службе впредь годиться могли». При школе, кроме учителя, жила женщина — кухарка и прачка. Она кормила и обстирывала ребятишек. На кухне — квашня, чашки, ковши, ложки, жбан для кваса, ведра, сита — все, что нужно. Школьникам полагалась одежда: овчинная шуба на три года, серый суконный кафтан на два года, сермяжные штаны, холстинные рубашки и портки, красный кушак, шляпа или шапка, шерстяные или нитяные чулки, рукавицы или «вариги», суконные онучи, лапти, «коты» или сапоги и платки: два на шею и два носовых.

Князь лично следил за успехами своих будущих слуг. Каждый год учитель посылал ему образцы письма школьников.

Но, видно, жилось ребятам не слишком хорошо. Об этом можно судить по жалобе, которая сохранилась в княжеском архиве. Ее прислали ученики Ошурковской школы 26 июля 1781 г. (село Ошурково — в сорока пяти верстах от Зубцова, нынешней Калининской области). Вот эта жалоба на старосту Попова:

«Бьют челом Тверской вашего сиятельства вотчины школьники Иван Гаврилов, Никифор Никитин, Еким Иванов, Денис Митрофанов, Егор Родионов и милости у вашего сиятельства просим, сироты, на Кузьму Попова. Находимся мы, ваше сиятельство, в школе и тако претерпеваем мы, нижайшие, тягости немалые».

Дальше рассказывается суть дела: солдатка, приставленная к школьникам, ничего не делает, только печь топит; она все время жалуется на школьников старосте Попову, «возмущает», настраивает его против ребят и с каждой квашни таскает Попову по хлебу. «И от того возмущения солдатки он, Попов, нас всегда бьет напрасно... Также и во пьянстве всегда нас разгоняет, в прошлом году пьян сий школьнику Егору Иванову, Денису Митрофанову, Кириле Митрофанову проломил голову... По лету мы,

нижайшие, на Попова работаем, яко подлые его крестьяне, в саду дороги чистим и гряды копаем, капусту поливаем, из погреба грязь таскаем, гусей и уток пасем, а как в лесу грибы и орехи поспеют, то он нас повседневно посылает, а из того нам участку (то есть доли) не бывает, но сверх оного зимой ребят его качаем и на руках носим, отчего мы, сироты, науку грамоты забываем и той несносной тяготы нести не можем».

Неизвестно, как откликнулся князь на жалобу, но в расходных книгах села Ошуркова есть такая запись: дескать, куплено два замка — «Один к чулану, а другой к цепи для сажания школьников, дано за оба 9 коп.».

Может быть, князь и наказал старосту Попова, а может, дело кончилось тем, что жалобщиков посадили на цепь...

А как, интересно, учились грамоте дети самого князя? В какую школу они ходили?

ное заведение для будущих офицеров) выписали из Франции восемь лакеев. Едва они приехали в Россию, как тут же и разбежались: их всех наняли домашними учителями французского языка. Неважно было: учитель, лакей ли, седельщик или портной — лишь бы француз, сгодится. Один расторопный финн объявил себя французом, нанялся в богатый дом и стал обучать детей помещика вместо французского родному своему финскому языку. Пока папаша заподозрил подвох, прошли годы, дети выучились не тому языку, какому нужно было.

В самых богатых домах учителя жили побарски. Вот договор, подписанный графом Головиным в 1726 году:

«Я, нижеподписавшийся, заключил это условие с французом Генрихом Жаком Пираром, которого нанял в гувернеры к моим детям на два года; в продолжение этого времени вышеозначенный Пирар будет обучать моих двух сы-

А ни в какую. Богатые люди, дворяне, помещики, как правило, нанимали для своих детей домашних учителей. У кого было поменьше средств, тот нанимал семинариста из духовной семинарии или «мастера грамоты», а у кого денег побольше, тот приглашал учителя-иностранца. Иностранцы, французы и немцы, были особенно желанны для роли домашних учителей: они должны были учить дворянских детей свободно разговаривать на французском или немецком языках. Ведь в высшем свете больше говорили по-французски, чем по-русски, так было принято. Рассказывают, что при дворе императрицы Екатерины II только два человека знали русское правописание: князь Потемкин и граф Безбородко. Остальные предпочитали писать по-французски, в русской грамоте они были не сильны.

Учителей из-за границы требовалось много. А где их взять? В кадетский корпус (это учеб-

новей не только французскому языку, но и хорошим манерам; он будет исполнять свои обязанности со всевозможным усердием и будет вести себя как честный человек. Я, с своей стороны, обещаюсь заплатить ему, Пирару, шестьдесят рублей и сшить новую пару платья. Сказанный Пирар будет жить в особой комнате с моими детьми, а обедать и ужинать будет за моим столом. Но когда нам не случится быть дома, ему будут посылать кушанья в его комнату. Ежедневно он будет получать две кружки пива и еженедельно бутылку водки. В его распоряжение будет предоставлена одна верховая лошадь; когда мы поедем в Москву и в деревню, он обязан ехать вместе с нами. Оба мы обещаем хранить это условие ненарушимо. Граф Александр Головин».

Но Генрих Жак Пирар еще продешевил; другой иностранец, Шарль Бартоломи де Серрати, за обучение двух детей князя Голицына брал

по 320 рублей в год. Это были очень большие деньги, за 40 рублей в начале восемнадцатого века можно было купить целую крестьянскую семью. Сверх этой платы князь обязался «давать ему пятнадцать ведер вина простого (очевидно, в год?), постелю со всем прибором, мыть в доме так, как самому князю; свечи и топливо, сколько он желает... Летом коляску парою, зимой сани парою и с хомутами наборными, да еще малого (то есть прислугу), да кучера в ливрее; лошади и люди всегда будут в его диспозиции (то есть в распоряжении учителя), и дабы никто не смел их тронуть без позволения...».

Возможно, Шарль Бартоломи де Серрати был прекрасный учитель: он взялся выучить детей князя Голицына четырем языкам, истории и географии. Не будем тревожить его тень запоздалыми сомнениями. Но одно совершенно ясно: содержать таких дорогих учителей было под силу лишь очень немногим. Для крестьянских семей даже «мастера грамоты» были слишком дороги, учение было роскошью. И в то же время стране очень нужны были образованные люди.

Уже шли занятия в Московском университете, уже совершил свои открытия замечательный ученый М. В. Ломоносов. Первые русские профессора вели научную работу в Петербургской Академии наук. Появлялись новые заводы — им нужны были специалисты. Столетиями развивалась русская культура, и вот уже она была на пороге XIX века, когда на весь мир прославились русские писатели, художники, музыканты, ученые.

Но, чтобы этот расцвет наступил, нужно было как можно больше грамотных людей, как можно больше школ.

Где же выход из этого положения?

Как сделать, чтобы школы стали доступны если не всем (об этом в восемнадцатом веке и речи не было), то хотя бы как можно большему числу детей?

Такой выход был найден.

Но об этом — в следующем номере журнала

Старинная задача

О трех домах и трех колодцах

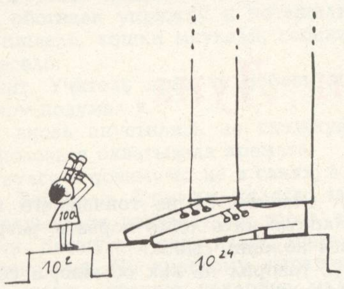
На одном участке земли были построены три дома и вырыты три колодца. Колодцы в этой стране часто пересыхают, и поэтому важно, чтобы от каждого дома можно было пройти к каждому из трех колодцев. Спустя некоторое время обитатели домов А, В и С серьезно поссорились друг с другом и решили проложить дорожки к трем колодцам Х, У, Z так, чтобы по пути за водой и обратно не встречаться друг с другом.

Можно ли проложить дорожки так, чтобы они нигде не пересекались (конечно, кроме точек А, В, С, Х, У, Z, где они сходятся)?

Наш художник попробовал сделать это на своем рисунке. Как видите, ему не удалось. Попробуйте теперь вы. А может быть, это вообще невозможно?

500 ZAGADEK
3 из пятисот

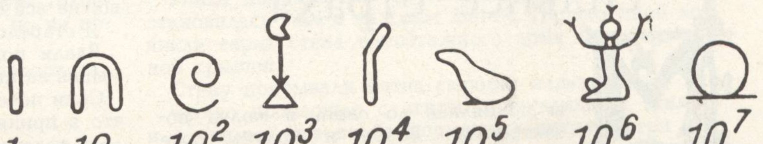
Этот рисунок не из «Крокодила» и не из «Веселых картинок». Он из польской книжки «500 математических загадок». Автор — Станислав Коваль. Книжка его напоминает шкатулку, битком набитую всякими чудесами, шутками, забавами, играми. Три задачи из этой шкатулки Неизвестные предлагают вам.

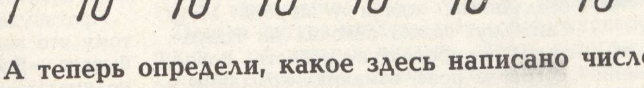

Как в Древнем Египте

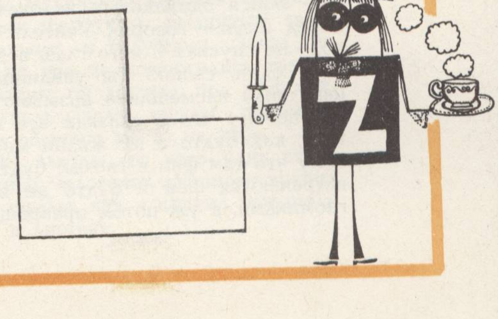
Вот как в Древнем Египте обозначали некоторые цифры

А теперь определи, какое здесь написано число?

Торт и математика

В двух задачках речь идет о разных хитроумных способах разрезания торта. Вот они:

Торт квадратный. От него отрезали четверть, как показано на рисунке. Теперь нужно остаток разрезать на три одинаковых куска. Каким образом?

А этот торт фигурный, с точки зрения математики — правильный шестиугольник. Как поделить его на 8 геометрически равных частей?

Человек-Горошина и Простак

А. ШАРОВ

СКАЗКА

Продолжение

Глава третья

Магистр, Ножницы и Луна

Любовь сильнее страха

Мы поднялись до света и молча позавтракали. Ворон и Голубь, уже оседланные, ждали у порога. Метр Ганзелиус ловко вскочил на Голубя, а я медлил, испытывая проклятую робость. Ворон, схватив меня клювом за пояс, взмахнул крыльями и круто взмыл в еще по-ночному темное небо, где медленно гасли звезды.

Мы опустились на лесной полянке, среди высоких сосен. Дорожка, похожая на лунный луч, на расстеленный голубоватый лен и на скопление тумана, возвышалась над землей на уровне груди.

Ворон с Голубем исчезли.

Забравшись на мое плечо, а оттуда на мочку правого уха, Учитель что-то торопливо шептал:

— Бойся одинаковых человечков, но не отступай перед ними,— говорил Учитель.— Следи за Турропуто,— не спускай с него глаз, ведь ты будешь там совсем один, сынок! Ты увидишь то, что высокомерные люди насмешливо называют детскими сказочками, потому что в сказках все им кажется непонятным, как будто в их жизни много понятного. И потому что там феи и гномы: будто среди людей редко встречаются феи и будто не все люди рождаются гномиками, а уж потом превращаются в людей!.. Ты увидишь сказку. Она ткется из тончайшего шелка тысячи лет. Шелковую нить легко порвать, разрезать ножницами. Бойся ножниц, сынок!

Метр Ганзелиус говорил не как обычно, а сбивчиво; не все было понятно в его словах.

Я старался запомнить и непонятное.

Вдали показались сани: впереди были запряжены мыши, за ними — кошки, за кошками — собаки.

Сани исчезали среди сосен и вновь появлялись. То, что я принял за расстеленный лен или туман, оказалось накатанной снежной дорогой.

Протянулась дорога в воздухе, а не на земле, потому что ведь на земле было лето, а летом снега не бывает. «Все объясняется просто, если хорошенько подумать»,— часто повторял Учитель.

Сани мчались, как стрела.

— Мыши боятся кошек, а кошки — собак, вот они и бегут так быстро,— сказал Учитель.

— Значит, страх сильнее всего на земле? — спросил я.

— Нет, сынок. Скоро ты сам узнаешь, что, к счастью, это не так. Не всегда так...

Упряжка была уже близко.

— Это сани Турропуто,— сказал Учитель, ловко спрыгивая на землю.— Вскочи в них! Увидишь развилку, скомандуй на мышином языке: «Направо!» Турропуто ждет на левой дороге, мы обманем колдуна.

Конечно, мне было страшно, но я воскликнул, как Учитель, «О-ля-ля!» и очутился в санях.

Ворон летел чуть впереди повозки, и от этого я не чувствовал одиночества, которого боюсь больше всего на свете.

Я вспомнил, что еду туда, где увижу Принцессу.

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

Едва я успел подумать об этом, сани взлетели в воздух, обогнали упряжку и потащили ее за собой. Мыши пищали, кошки мяукали, собаки лаяли, а мне было весело.

«Значит, Учитель прав, и любовь все же сильнее страха»,— подумал я.

Сани вновь опустились на снежную дорогу. Под скрип полозьев охватывала дремота.

Проснулся я почему-то не в санях, а в пустом купе поезда. Вечерело. Стучали колеса, замедляя бег. В окне открывался неизвестный город с островерхими башнями. Бесшумно откатилась дверь, и в купе вошел проводник. По кроткому выражению глаз и по манере стоять, изящно наклонив маленькую головку, я, конечно, сразу узнал нашего Голубя, но не подал виду, что маскарад разгадан.

— Вам сходить! — приятным голосом проворковал проводник-Голубь.

В таинственном городе

В городе, где я очутился, уже зажигались вечерние огни. Серебряные и золотые флюгера вертелись, наполняя воздух металлическим скрипом. Сквозь пронзительный скрип я услышал ровный перезвон колокольчиков:

Донн-донн-донн —
Это песня о том, что,
Если любишь, сбудется!
А горькое горе забудется.
Донн-донн-донн!

Я-то знал, что у меня ничего не «сбудется». Да и никогда я не слыхал от умных людей и не читал в книжках, чтобы девушка полюбила человека моложе ее в семьдесят шесть раз!

И о чем бы мы говорили с Принцессой, если в школе у меня по истории были самое большее «тройки», а она сама видела всю новейшую и новую историю и даже средние века?!

— Донн-донн-донн,— звенели колокольчики.

Черный флюгер из кованого чугуна, не обращая внимания на причуды ветра, пляшущего, кружащегося, то и дело меняющего направление, был обращен все в одну и ту же сторону.

Ветер бил по нему, накрывая его тучами, но он прорезал тучи. Вспомнив уроки Учителя, я понял, что это и есть настоящий флюгер, и пошел туда, куда он показывал.

Улица поднималась круто в гору. Безлюдная, она становилась уже с каждым шагом. Передо мной возникла серая стена одноэтажного дома под черепичной крышей.

Стену покрывали пятна сырости или тени.

Что-то произошло с этими причудливыми тенями, и я увидел уже не бесформенные пятна, а три фигуры, занимавшие всю стену от земли до крыши.

Первая фигура представляла собой сухопарую женщину с огромными очками, сквозь которые в упор глядели колючие глазки стального цвета; из-под серого платья — негнущегося, тоже, должно быть, металлического — выглядывали ножки в остроносых стальных туфельках.

«Может быть, это вовсе не женщина, не злая старая дева, а Ножницы, какими им быть, если не железными?!» — подумал я.

Рядом с Ножницами прикорнула девочка с круглым, сонно улыбающимся лицом. Она светилась все сильнее и сильнее. Было ясно, что это Луна.

Чуть в стороне стоял маленький человек, седой, в черной куртке, с белым фартуком, расшитым звездами — красными, желтыми и голубыми. Звезд на фартуке было много, но все не поместились там, и из толстой книги, которую он держал под мышкой, время от времени выскальзывали звезды, поднимались вверх и занимали обычное место на небе.

«Если есть падающие звезды, то чего удивляться звездам поднимающимся? Человечек в черном хранит между страниц книги звезды, как я хранил раньше в толстых книгах цветы и листья».

Большая Медведица. Созвездие спокойно поднялось в небо, но одна из звезд запуталась в седых волосах Магистра, и ковш Большой Медведицы оказался с прохудившимся дном.

Я обратил внимание Магистра на это обстоятельство. Он вполголоса пробормотал, что «терпеть не может нахальных мальчишек, непрошеных советчиков, которые суют нос не в свое дело», но провел по голове расческой, и звезда всплыла в небо.

Магистр хлопнул дверью и побежал в глубь переулка.

Я узнаю колдуна Турропуто

Магистр бежал так быстро, что было трудно поспевать за ним. Он перебирал маленькими ножками, а потом, сильно оттолкнувшись от земли, прыгал ловко и далеко, как кузнечик.

Рядом с ним летела Луна; она зябко куталась в облако, которое тащила за собой.

Была в нем еще одна странность: не отводя глаз, он смотрел на сухопарую железную женщину. Казалось, он видит не то, что нарисовано, то есть не злую старую деву и уж, конечно, не ножницы, а необыкновенную красавицу — королеву, может быть?! Мне стало его жалко.

Я сразу почувствовал, что это человек ученый, даже ученейший! Магистр, может быть, и что он — вдруг это пришло мне в голову — давний друг метра Ганзелиуса. Ведь все ученейшие и благороднейшие люди должны дружить друг с другом?!

«Магистр, Ножницы и Луна»,— подумал я и, вероятно, проговорил вслух. Во всяком случае, в этот самый момент фигуры на стене слились в бесформенные пятна или тени, раскрылась дверь, которую я прежде не заметил, и на пороге появился Магистр не нарисованный, а самый настоящий.

— Магистр, Ножницы и Луна! — проговорил он резким, сердитым голосом, который, однако, ни чуточки не пугал.— Что ж из того? Значит ли это, что дозволено занятых людей беспокоить по ночам?! Да еще совершенно посторонним и не имеющим чести быть знакомыми с вашей милостью и не домогающимся этой чести! Ах, вам нужно немедленно осмотреть город?! Ах, вы не можете ждать ни минуты потому, что того и гляди произойдут события, которые... А какое мне дело до событий, которые... того и гляди произойдут?

Магистр говорил скороговоркой, ворчливо отвечая на вопросы, которых я и не задавал. Он взмахнул толстой книгой, и из нее выскользнула

На ходу Магистр бормотал под нос:

— Старина Ганзелиус не успокоился. Конечно, если назовешь сына Сильвер — серебряный — и думаешь, что у него и доля будет серебряная, а он станет каменным, с этим нелегко примириться, ох, нелегко! Но Турропуто!.. Пора понять, Ганзелиус, что с Турропуто вам не справиться. Давно пора, старина!

Я очень обрадовался, услышав имя Учителя, и, не утерпев, сказал Магистру, что имею счастье быть учеником метра Ганзелиуса.

— Зачем мне знать, чьим учеником вы «имеете счастье» состоять?! — не оборачиваясь, крикнул Магистр.— И кто такой кузнец Ганзелиус, о котором я отроду не слыхал? Какое, черт побери, мне дело до его каменных, серебряных, пусть хоть медных или оловянных сыновей?!

Люди говорят, будто я скорее простоват, чем умен. Все же у меня хватило смекалки сообразить, что раз Магистр назвал Учителя «кузнецом», хотя я ведь и не упоминал этого слова, то, несомненно, он знал Ганзелиуса давно — в годы юности, когда тот еще был великаном и занимался кузнечным делом.

А Магистр между тем бежал все быстрее. Иногда он выкрикивал несколько слов своим резким голосом.

— Запоминай, паренек! Это—Прокатное Бюро, где за доступную цену можно нанять надежных скаковых мух! В этой аптеке, самой старой в мире, продаются таблетки превосходного мизерина, легко и безболезненно уменьшающего рост в пятьсот пятьдесят раз!

Из узкого переулка мы выбежали на огромную площадь, и сразу же я увидел колдуна Турропуто. Его легко было узнать по носу, горящему, как раскаленный уголь, сине-красным огнем. Колдун кружил по площади и мурлыкал под нос:

Турропуто...
Путо... турро...
Турропуто все подвластно,
Для него все в мире ясно:
Добрый — глуп! А злому — счастье!

Размахивая сине-красным плащом, колдун поднимал сотни северных ветров, от которых жалобно стонали флюгера.

Все-таки проклятый колдун поспел вовремя, несмотря на то, что мы угнали ездовую упряжку.

Заметив нас, Турропуто притворился чужестранцем, от нечего делать прогуливающимся по городу.

Северный ветер, все северные ветры разом утихли. И скрип флюгеров прекратился.

К сожалению, Магистр, погруженный в свои мысли, не заметил Турропуто, а я не решился обратить его внимание на колдуна.

Там, где переулок выходил на площадь, к небу поднималась самая высокая в городе башня, обвитая плющом от подножия до вершины; напротив виднелся старый трехэтажный дом; на краю крыши стояла ярко освещенная луной каменная фигура Юноши с кудрями, по старинной моде падающими на плечи.

Юноша был высокого роста, богатырски сложен, казался человеком добрым, смелым и надежным. Он, несомненно, был бы красавцем, если бы не страдальческая и насмешливая гримаса, искажавшая его лицо. Мрачный, молящий взгляд Юноши был неотрывно устремлен на единственное окошко башни, мерцающее в лунном свете на головокружительной высоте.

— Несчастный Сильвер,— тихо самому себе говорил Магистр, глядя на Каменного Юношу и покачивая головой.— Ты все еще надеешься увидеть Принцессу. Ты еще веришь, что она тебя полюбит?

Я понимал Сильвера. И, конечно, любил его; как не любить сына Учителя, которому я всем обязан. И все-таки — до чего же нехорошо устроена душа человеческая, во всяком случае, моя душа — ведь я обрадовался тому, что Принцесса не так уж любит Юношу.

Магистр прыгал, как кузнечик, по огромной замощенной камнями площади. Я едва поспевал за ним.

Позади крался Турропуто.

Мы миновали бульвар, где росли каштаны, и очутились перед ратушей, очень старым зданием, черепица на котором почернела от времени. Так вот, значит, откуда доносилось неумолчное «Донн-донн-донн»: часы на башне ратуши с синим циферблатом и знаками зодиака вместо цифр вызванивали секунды.

Магистр взглянул на меня и украдкой снял с груди огромный серебряный ключ с резной головкой, изображающей поющего петуха.

Турропуто, который все еще разыгрывал чужестранца, громко ахая как бы от восторга перед древней красотой города, конечно, увидел все, что ему было нужно.

Магистр взбежал по лестнице, вившейся вокруг башни ратуши на вершину ее, смело прыгнул на звезду, висевшую как раз перед циферблатом часов. Устроившись на звезде, как на стремянке, он достал ключ и стал заводить часы.

— Двадцать поворотов слева направо, как идут часы, как течет время от ночи к утру,— бормотал он.— Но если повернуть ключ десять раз справа налево, как уходит жизнь в смерть, день в ночь... о, тогда...

Он не договорил.

Донн-донн-донн —
Это песня о том, что,
Если любишь, сбудется!
А черное горе забудется...—

вызванивали часы простую, но такую милую песенку.

«Не у меня сбудется, так у другого, у Сильвера, Каменного Юноши, который восемьсот лет ждет свою суженую,— подумал я.— Пусть так! Вот уж у меня не хватило бы терпения ждать не то что восемьсот лет, а восемьсот дней».

Магистр бежал прежней дорогой — обратно от ратуши к башне. Тут он небрежно бросил мне:

— Будь здоров, мальчик!

В то же мгновение черные тучи заволокли Луну. Воцарилась тьма. Впрочем, в этой тьме я разглядел, как красные, светящиеся штиблеты Магистра скользнули от земли к вершине башни.

Там, на вершине, зажегся свет в темном окошке.

Когда Луна снова выглянула, Турропуто, не скрываясь больше, принялся отплясывать вокруг меня дикий танец, размахивая плащом, от чего снова поднялись северные ветры и городские флюгера — все, кроме одного,— завыли, заскрипели, запели на тысячи ладов.

— Опять с носом! С носом!! С носом!!! — приплясывая, выкрикивал Турропуто.— Дурак Ганзелиус под старость совсем спятил, если взял помощником придурковатого мальчишку. Сыночек Сильвер останется каменным, потому что так решил я, величайший и самый злой из всех самых величайших и злых колдунов...

Турропуто ухватился за плющ, обвивающий башню, и стал быстро карабкаться по отвесной стене. Я зажмурил глаза и, хотя голова отчаянно кружилась и сердце замирало, тоже полез вверх по стене. Плющ оборвался, и я грохнулся, как куль, пребольно ударившись о каменную мостовую.

— Сосчитай, сколько ты переломал ребер, рук и ног, дуралей! — крикнул Турропуто.

Конечно, нелегко быть учеником сказочника. Но я никогда, никогда не оставлю тебя, дорогой учитель.

Я обошел вокруг башни, надеясь найти вход, но дверей не было.

«Что делать? — тревожно спросил я сам себя.— Ведь если Турропуто в башне, то и мне непременно надо быть там: Учитель велел ни на секунду не спускать глаз с колдуна».

Вдруг вспомнилось, как мы с Магистром шли по переулку. Вспомнилась аптека, в которой продается мизерин, уменьшающий рост в пятьсот пятьдесят раз, и Конюшня скаковых мух. Я еще подумал, слушая Магистра: «Ну кому и зачем понадобится скаковая муха?»

— Мы встретимся с тобой, подлый Турропуто! Берегись! — прошептал я, хотя понимал, что беречься нужно мне, а не колдуну.

Донн-донн-донн,—вызванивали часы,—
Если мечтаешь, сбудется,
Если не струсишь, сбудется,
А черное горе забудется!

Я принимаю мизерин

Мне здорово повезло, я не запутался в узких переулках Старого города, а, поглядывая на флюгер, прямиком вышел к аптеке. Старичок провизор, добрейший человек, сразу протянул таблетку мизерина:

— Обычно мы отпускаем, кхе-кхе, это средство только согласно рецепту, но по лицу видно, что ты, мальчик, кхе-кхе, простая душа и не додумаешься до того, чтобы употребить его во зло,— сказал провизор.

Вот когда пригодился матушкин медный грошик. Тут же на прилавке он превратился в золотую монету, и провизор вместе с мизерином дал мне еще пять серебряных монет сдачи.

Я был на пороге, когда провизор окликнул меня; к счастью, я расслышал его слабый голос:

— А не запасешься ли ты, молодой человек, кхе-кхе, антимизерином? Ведь может и наскучить все время быть в пятьсот пятьдесят раз меньше обычных людей.

...В Бюро скаковых мух я уплатил положенную плату за сутки вперед и получил металлическую коробочку, похожую на домик. На дверях была наклеена табличка: «Ахумдус Ахум. Без дела не беспокоить». Я улыбнулся строгому предупреждению и сломя голову помчался к гостинице.

Слабое, но очень внятное и въедливое жужжание заставило остановиться. Учитель преподал мне наречия майских жуков и шмелей, так что я с первых минут хорошо понимал Ахумдус Ахум, тоже относящуюся к отряду «жужжащих».

— Эй, паренек, тебе не десять лет, чтобы подпрыгивать на ходу, как блоха, и качаться, как верблюд. Запомни, что породистому существу тряска вредна.

Я прямо-таки остолбенел. Пусть я человек негордый, да и чем мне гордиться, но когда обыкновенная муха обзывает тебя блохой и верблюдом, это мало кому придется по вкусу.

Надо было, очень надо было сразу поставить Ахумдус Ахум на место, но я не нашелся, потому что думаю медленно.

В номере гостиницы я выложил на стол домик с Ахумдус, синюю таблетку мизерина и красную антимизерина.

«Вот сейчас я стану как фасолина»,— подумал я, поеживаясь, словно от холода.

«Была не была»,— сказал я себе и уже поднес синюю таблетку ко рту, когда снова раздалось монотонное жужжание Ахумдус; она ловко открыла дверцу своего домика и стояла на пороге.

— Погоди, паренек! Прежде всего, по условиям найма, ты должен накормить меня.

Я достал из кармана щепотку завалявшихся хлеб-

ных крошек и швырнул их Ахумдус, но она презрительно покачала головой:

— Нет, паренек! Убери это, я не выношу грязи... Вот так... А теперь добудь-ка каплю сахарного сиропа, разведенного, конечно, в кипяченой воде; легкая пища пойдет на пользу нежному и родовитому существу.

Характер у меня покладистый, но и во мне все кипело. Пришлось бежать вниз, в ресторан, раздобывать кипяченую воду и толочь сахар.

Ужинала Ахумдус нестерпимо медленно; после каждого глотка слышалось ее монотонное жужжание:

— Сочинители воспевают птиц и чернят нас, если не считать вдохновенного образа Мухи-Цокотухи. Но, по правде — и ты скоро в этом убедишься,— нет ничего более хищного и опасного, чем птица. В мире все относительно, паренек.

От нечего делать я присел на край стола, держа в правой руке мизерин, а в левой стакан с водой, чтобы запить таблетку.

— Ну что ж,— прожужжала Ахумдус, моя лапки.— Я готова и жду. Но прежде чем принять мизерин, постарайся усвоить следующее...

— Оставьте при себе мушиные премудрости,— перебил я. Теперь только я не выдержал и взорвался, чему способствовали тревожные мысли о предстоящих испытаниях.— Какой ни на есть, я человек, и обойдусь своим разумом.

— Как хочешь, как хочешь,— отозвалась Ахумдус, пожимая крылышками и поворачиваясь ко мне спиной.

Я проглотил таблетку, почувствовал нестерпимое головокружение и на несколько мгновений потерял сознание. Когда я очнулся, подо мной простиралась пропасть без дна. Скоро, однако, я понял, что сижу по-прежнему на краю стола, но уменьшился так, что расстояние до пола — меньше метра — выросло для меня до высоты стапятидесятиэтажного дома!

«Ничего, ничего. Это ненадолго. Милый старичок провизор позаботился о тебе, и ты в любой момент можешь стать таким, как был».

И тут меня потрясла ужасающая мысль.

Добежав до красной таблетки, я с величайшим трудом, обливаясь потом, перевернул ее на ребро. Она достигала моего плеча.

Слезы, безнадежные, не облегчающие горя, полились из глаз.

— Успокойся, паренек! — прожужжала в этот горестный миг Ахумдус.— Конечно, если бы ты выслушал совет, а не заставил меня замолчать, ты бы заранее растолок таблетку антимизерина. ...Но ничего. На твое счастье, малый, есть еще я. Если ты впредь будешь слушаться меня и избавишься от губительной строптивости... Уж я-то придумаю что-нибудь.

Я стал горячо уверять Ахумдус, что во всем полагаюсь на ее мудрость.

— Ладно, ладно! — ворчливо перебила Ахумдус.— Садись-ка верхом и полетим. Ты, малый, не в детском саду, пора за работу.

Я сел в седло, обеими руками ухватившись за луку. Мы вылетели в город.

Когда мы находились над площадью, Ахумдус решила посетить ратушу: «Ознакомишься с произведением искусства, достойным внимания и не такого простака!»

В полутьме ратуши я увидел протянувшуюся вдоль стены, во всю ее длину, картину. На ней был изображен Жаб Девятый Выгнутовогнутый, которого я сразу узнал, вспомнив рассказ Учителя, рядом с ним Альфонсио Любезный с секирой,— вероятно, сын того Альфонсио Любезного, который сам себя казнил, Альфонсио Предусмотрительный и еще длинный ряд фигур. За каждой стояла смерть с косой.

Мы летели вдоль картины; вдруг в звездном свете я увидел Принцессу. И к ней из глубины картины кралась костлявая смерть. Это поразило меня так, что я вскрикнул. То, что другие смертны, все эти

Жабы и Альфонсио, это очень хорошо. И я смертен; что ж, ничего не поделаешь. Но Принцесса! Пусть она живет вечно! Где-нибудь вдали, но всетаки живет.

Я задумался и почти не заметил, как мы вылетели из ратуши, пересекли площадь и через приоткрытое окошко проникли в башню.

Начиналось самое главное.

Принцесса встречается с Каменным Юношей

Магистр сидел у стола, придвинутого к сводчатому окну. Перед ним лежали старый кожаный кошелек и кучка монет. Ножницы прислонились к

стене. Сложив монеты в кошелек, Магистр поднял глаза, полные такой любви, которая могла бы расплавить и железное сердце.

— Сколько же ты насчитал? — лязгающим голосом спросили Ножницы.

— Три Золотых, девять Серебряных и сорок семь Медных,— виновато ответил Магистр.

— И это все, что ты накопил за долгую жизнь?!

— Но у меня есть еще вы, Ножницы! Разве вы не стоите всех богатств мира?! — сказал Магистр.

— Влюбленные мухи хотя бы не слепнут и всегда отличают мухомор от банки варенья,— справедливо заметила Ахумдус.

Она устроилась на потолке, и я висел вниз головой: с этим неудобством следует примириться, когда используешь муху, как скаковое животное.

— Вздор! — пролязгали Ножницы.— Пока ты не скопишь тысячи золотых, не смей и смотреть в мою сторону. О, мы несчастные. Другие, настоящие мастера делают настоящие вещи из настоящего металла — секиры, топоры, пики. И продают за настоящее золото. А ты... Все фигурки, которые ты ночь за ночью лепишь из лунного света, оживают и улетают.

— Они вернутся,— робко возразил Магистр.— Перед закатом, когда ночь надвигается, мною рожденное ко мне возвращается.

— Убирайся в свою каморку! — приказали Ножницы.

Как только Магистр вышел, Ножницы подошли к окну и, закатывая глаза, как это в моде у стихоплетов, пролязгали:

Юноши — воины, матросы, поэты!
Слушайте вещее слово совета:
Только железо можно любить,
С твердым железом судьбу разделить.
Только в железе холод есть
вечный,
Что остановит поток бесконечный,
Жизнью зовущийся.

«Пренеприятные стишки,— подумал я.— Бр-р!»

Тем временем Турропуто вылез из щели, где он скрывался, расправил плащ, как павлин распускает хвост, поднялся на носки и, едва Ножницы замолкли, залаял, словно шакал на луну:

— О прекраснейшие, мудрейшие и чудеснейшие! Уделите минуту внимания чужестранцу, который по пути к вам преодолел тысячи штормов и сражался с легионами чудовищ. Я объехал весь мир, и везде, в странах, густонаселенных и безлюдных, народы, и одаренные гением стихосложения и безгласные вследствие своей дикости, жители полуостровов, островов и архипелагов пели гимны в вашу честь, о Ножницы!

Какая бесстыдная чепуха! Но если бы вы только видели, что делалось с Ножницами, пока Турропуто завывал. На щеках румянцем выступила свежая ржавчина, колючие глазки заблестели.

— Ах! Что вы,— жеманно звякнули они.— Мы, конечно, знали, что некоторые ценят нас. Что нам в Магистре, нищем старикашке, но вот тот Юноша — каменный и, смею сказать, из хорошей семьи — не сводит с нас взгляда... И все же пусть мы не избалованы вниманием, но то, что вы говорите насчет островов, полуостровов и архипелагов — если это правда, ведь мы не выносим лести...

— Лишь тысячная доля правды, о несравненные! Миллионоустая молва разнесла по свету, что вы, красотой затмив Афродиту, а мудростью Зевса, еще и выше всех в подлунном мире поднялись в божественном искусстве вырезания из бумаги. Возьмите, несравненные, этот лист и ослепите чужестранца своим художеством.

— Бумага волшебная... Магистр не позволяет трогать ее,— уже сдаваясь, возразили Ножницы.

— Волшебству и место в волшебных пальчиках. Осмелюсь посоветовать сложить бумагу в два раза. Еще! Еще!! Еще!!! Теперь режьте.

Несколько десятков бумажных фигурок выскользнули из рук Ножниц и, упав на пол, ожили.

— Одинаковые человечки! — еле слышно прожужжала Ахумдус. Она вся дрожала. Впервые я видел Ахумдус испуганной. Вероятно, ей уже пришлось сталкиваться с одинаковыми человечками, и воспоминания страшили ее. И мне было не по себе, я помнил рассказ Учителя о королевстве Жаба Девятого и слова его «Бойся одинаковых человечков!»

Ножницы вошли во вкус; фигурки десятками и сотнями падали на пол. Ожив, они строились в колонны и принимались маршировать.

— Не могу,— сказала Ахумдус, перелетая в каморку Магистра. Магистр, одетый, спал на узкой железной койке. Возле него на табуретке лежал кошелек. По стенам ползали мокрицы, стекала вода; каморка походила на тюремную камеру.

Но тут не было одинаковых человечков и злых Ножниц, и тут легче дышалось...

— Отдохнем,— прожужжала Ахумдус, устраиваясь на потолке и закрывая глаза.

В дверь юркнул Турропуто. Вороватo оглянувшись, он склонился над Магистром, почти сразу выпрямился и исчез.

Я подумал, что Турропуто украл у Магистра жалкие его гроши, но кошелек по-прежнему лежал на табуретке, и я успокоился.

— Нет, нет,— тревожно жужжала Ахумдус.—Что-нибудь пакостное он сотворил.

Магистр дышал во сне ровно и спокойно.

Мы снова вылетели в первую комнату. Турропуто стоял на подоконнике. Взмахнув плащом, он сказал:

— Я удаляюсь, божественные, чтобы в тиши создать в вашу честь Гениальную Поэму, пока поцелуй ваш стынет на моих губах и холод вашей любви наполняет сердце. В Ледяном Мире будем счастливы только мы двое — вы, Ножницы, и я!

Турропуто стал быстро спускаться, оказалось, что под плющом в стене башни железная лестница.

— Летим,— в волнении жужжала Ахумдус.

В дверях показался Магистр. Он шел, полузакрыв глаза и протянув вперед руки, словно во сне. Лицо его было очень бледно. Свечи все разом погасли, словно от порыва ветра, но я не почувствовал ветра. В комнату проник столб невиданно яркого света луны!

Доносился перезвон городских часов.

Донн-донн-донн —
Это песня о том, что
Если не струсишь, сбудется!
Если полюбишь, сбудется!
А черное горе забудется.

Магистр водил руками по лунному лучу, будто что-то лепил из него. В луче возникла — не знаю как сказать иначе,— Принцесса. Никогда она не была так хороша, как в тот миг.

Ахумдус тихонько ахнула, а у меня глаза наполнились слезами.

— Здравствуй, отец! — сказала Принцесса.

— Здравствуй, девочка! — ласково ответил Магистр.— В эту ночь кончается заклятье, которым Турропуто околдовал тебя. Пусть твое сердце снова станет нежным и сострадательным. Ты чувствуешь, как оно оживает, бедное твое сердце?

Принцесса молчала. Только грустная улыбка засветилась в ее синих глазах.

— Ты должна встретиться с Сильвером,— продолжал Магистр.— В нынешнюю ночь все решится!

Принцесса скрылась за окном.

Каменный Юноша — то есть, наверно, в тот момент он уже не был совсем каменным — нетерпеливо шагнул к краю крыши.

«Он же ничего не видит и не слышит. Сейчас упадет и разобьется»,— подумал я и, вспомнив о своей веревочке, изо всей силы размахнулся и бросил ее через улицу.

Юноша привязал веревочку к водостоку и быстро спустился на площадь.

Веревочка сама отвязалась, свернулась клубком, перелетела обратно ко мне и, как ни в чем не бывало, забралась в узелок.

Стоя у окна башни, Магистр провожал взглядом Принцессу и Юношу, удалявшихся по освещенной лунной площади.

Послышалось злое лязганье Ножниц, о которых я было совсем забыл:

— Негодяй выглядывал ее, а не нас, этот юнец, только притворявшийся каменным. «Прекрасная Принцесса»... Мир помешался на красоте. Наша бы воля, мы бы вырезали влечение к прекрасному еще в младенчестве, как удаляют аденоиды. Тогда бы царствовали мы, Ножницы, а глупым Принцессам нечего было бы делать на свете... Но ничего, нас любит богатый и знатный чужестранец. А если... В крайнем случае сойдет старикашка Магистр...

Ножницы говорили тихо, почти шепотом. Но все-таки мы с Ахумдус ведь разобрали, все! Почему же бедный Магистр ничего не слышал?!

— Влюбленные мухи хотя бы не глохнут,— задумчиво прожужжала Ахумдус.

— Чудится мне, это будет страшная, а может быть, и счастливейшая ночь,— сказал Магистр.

Часы идут назад

Мы вылетели из башни.

— За Турропуто! — азартно жужжала Ахумдус.— Догоним колдуна и расправимся с ним, иначе он натворит такого...

— Как мы с ним расправимся? — робко спросил я.

— Уж я-то придумаю, Простак! Положись на Ахумдус!

В светлой ночи повеяло холодом. Черная тень легла на площадь. «Донн»,— последний раз прозвенели часы, и раздались совсем другие звуки, будто кто-то ножом скреб по стеклу.

Тжарч-тжарч-тжарч,— хрипели часы.
Обратно в чужие, глухие века...
Слепые, немые.
Где солнце не светит и ночь глубока;
Где правда распята и царствует ложь;
Где правит законы кровавые нож,
И сказку на плаху выводит палач;
...Слепые, немые века...
Тжарч... Тжарч... Тжарч...

Они повторяли и повторяли страшные строки.

— Что это значит? — испуганно спросила всегда такая спокойная Ахумдус.

— Не знаю... Может быть, часам кажется, будто возвращаются Средние Века?! — ответил я.

— Средние?! Хм! — прожужжала Ахумдус обычным своим спокойным тоном.— Не так уж плохо. «Среднее», конечно, хуже «хорошего», но лучше «плохого». Не нужно быть мухой, чтобы додуматься до этого.

— Нет... Нет! — сказал я, стараясь вспомнить все, что учил в школе об ужасных Средних Веках.— Тогда были такие палачи-инквизиторы. Они сжигали ученых за то, что те смотрят на звезды. Сжигали девушек за то, что они, красивые и веселые, больше любят танцевать, чем слушать проповеди. И сжигали добрых людей, которые писали книги, высмеивающие и проклинающие палачей.

В окошке показался Магистр.

— Несчастье! — воскликнул он.— Украли ключ! Часы пошли назад. Неужели опять Турропуто?!

Услышав слова Магистра, Ахумдус круто повернула, и мы вновь подлетели к башне.

— Кто тут был, пока я спал? Умоляю вас, Ножницы, скажите правду! — спросил Магистр, шагнув в глубину комнаты.

— Никого не было, Магиструшка! — лязгающим лживым голосом ответили Ножницы.— Мы не отходили от тебя ни на шаг, все отгоняли надоедливых и глупых мух.

— Подлые Ножницы! — обиженно прожужжала Ахумдус.— Ничего, я с вами посчитаюсь.

Помолчав, Магистр громко сказал:

— Я верю вам. Нельзя предать человека, который так вас любит...

Бедный Магистр, я вот тоже верю людям. Но кто я? Простак, как выражается Ахумдус. А ученейший человек должен бы знать, кому надо верить и кому верить нельзя. Иначе к чему его ученость?..

ОКОНЧАНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Я и лампа Аладдина

Я стал настоящим волшебником! «Пионер» подарил мне... волшебную лампу Аладдина. Вернее, я сам выбрал ее. Кроме лампы, там была еще шапка-невидимка и ковер-самолет. «Зачем мне эти вещи?—подумал я.— С лампой Аладдина гораздо интересней. Если я захочу, то и шапку-невидимку и ковер-самолет выпрошу у джина, и вообще он меня может и невидимым сделать и перенести за тридевять земель».

Когда я принес лампу во двор, моя сестренка всплеснула руками:

— Дай посмотреть, Коль, а она как работает?

— А вот так.—Я потер лампу рукой.— Сейчас должен появиться джин.

— Настоящий? — Глаза у сестренки загорелись.

Но джин медлил, и тогда я потер лампу сильнее. Что-то в ней треснуло, зашуршало, и из лампы выплыл заспанный человек огромного роста.

— Ох, и долго же я спал!—Человек зевнул.— Целых три столетия... Кто ты, о отрок, и как тебя зовут?

— Я твой повелитель,— растерянно произнес я,— а зовут меня Николаем...

— Приказывай, повелитель!

Сестра моя, увидев великана и услышав его громовой голос, убежала домой и, очевидно, все рассказала маме, потому что она выглянула в окно и закричала:

— Что ты там удумал, негодник? Что за глупости: волшебных ламп не бывает... И прекрати этот цирк с джином! Слышишь? Или я сейчас выйду во двор!..

Окно захлопнулось, и мама, вероятно, уже направилась к двери.

«Сейчас будет разнос,— подумал я.— Надо спасаться бегством». И крикнул джину:

— Эй, джин, я хочу очутиться где-нибудь подальше от этого места!..

Что-то подняло меня, закружило, пронесло в воздухе и поставило на ноги в незнакомой местности. Я огляделся: вокруг был лес. Высокие, мрачные деревья смыкались над головой, какие-то птицы с тревожными криками летали в вышине. Сказать правду, мне стало как-то не по себе, но, увидев у ног волшебную лампу, я понемногу пришел в себя и потер медный бок лампы. Появился джин и склонился в почтительном поклоне.

— Не надо кланяться,— строго сказал я.— Не при феодализме, слава богу, живем... Ты вот скажи мне: куда я попал?

— В страну сказок, мой дорогой,— улыбнулся джин и опять хотел поклониться, но я взглянул на него, и он быстро выпрямился.— Что прикажешь, господин?

— Я же сказал тебе, что мы живем не при феодализме. Ты проспал эти три века и ничего не знаешь...

Я прочел джину целую лекцию и, кажется, перевоспитал его, потому что он сразу же сказал мне:

— Послушай, я буду тебе братом и самым лучшим помощником. Что будем делать?

— Я хотел бы оказаться в какой-нибудь сказке...

— Пожалуйста,— сказал джин.

И я очутился в замке, посреди огромного зала. Было темновато, потому что окна заплел плющ и виноград. У стен стояли два стражника при оружии. Они, казалось, не замечали меня. Я подошел поближе и услышал чуть слышное похрапывание: стражники спали!

«Я, кажется, попал в замок Спящей Красавицы»,— пронеслось в голове.

Прямо передо мной стояло какое-то сооружение, наподобие большого кресла. За ним кто-то храпел во всю мочь. Я обошел кресло и увидел старикашку в золотой короне. На коленях у него спала маленькая собачка—болонка. Из зала вели две двери. Я открыл одну и... столкнулся с девчонкой.

— Ой! — Девчонка испуганно отскочила.— Кто вы? Как сюда попали?

— Да... Я... вот так... Коля,— лепетал я, почему-то испугавшись этой девочки.

— Вы заикаетесь? — спросила она и рассмеялась.

— Нет, я... просто думал... что это замок Спящей Красавицы, а вы вот не спите, и я не ожидал,— сказал я (при воспоминании об этом разговоре я до сих пор смеюсь, и мама обычно спрашивает, что со мной случилось).

— Значит, вы мой принц! — запрыгала девчонка. Только сейчас я заметил, что на голове у нее маленькая золотая коронка.— Вы должны меня научить умываться!

— Почему я должен учить вас умываться? — Я постепенно освоился и стал немножко храбрее.— Вы такая большая — и не умеете?

— Нет! — сказала принцесса гордо.— Не умею и не хочу, а моя служанка тоже спит... И вообще вы без разговоров должны учить меня.

Я молчал.

— Я вижу, вы совсем не знаете моей истории...— Принцесса села на табурет.— Садитесь и вы...

Я сел, и принцесса начала рассказывать:

— Я была вредной девчонкой, никого не слушалась и даже тайком таскала варенье из буфета. Про это узнал злой волшебник. Он заколдовал меня и весь королевский дворец: все уснули, и мой папа-король, и мама-королева, и слуги, и даже маленькая собачонка,— все, кроме меня. Волшебник сделал так, что расколдовать его колдовство может только принц, научивший меня умываться. И вот пришли вы. Я так рада! Вы, наверное, мой принц?

— Видишь ли,— я замялся,— я совсем не принц...

— А кто же?

— Я волшебник,— сказал я и показал волшебную лампу Аладдина.— В этой лампе сидит мой друг — джин.

— Ой, как интересно! — Глазки у принцессы заблестели.— Значит, вы меня сами можете расколдовать?! А я и не думала, что волшебники такие молодые, и не сержусь на вас за то, что вы нечаянно назвали меня на «ты».

— А вообще давай-ка на «ты»,— предложил я.— Если хочешь, я сделаю так, что твой принц сейчас придет и научит тебя умываться...

— Славно! — захлопала в ладоши принцесса.— Где мой принц? Я так его жду!

Я потер бок лампы — появился джин. Принцесса восторженно смотрела на меня и на моего волшебного друга.

— Приблизь, пожалуйста, конец этой сказки,— сказал я джину.

Он исчез, подмигнув мне. Вскоре где-то рядом послышалось мелодичное посвистывание, которое сменилось удивленным возгласом:

— А замок-то зарос! Интересно, что там внутри?

И в окне зала, где мы сидели с принцессой, появилось лицо юноши.

— Здравствуйте! — сказал он.— Извините, я думал, что здесь никто не живет: все вокруг заросло...

— Ах, принц! — вскричала принцесса.— Скорее идите сюда!

— Как вы узнали, что я принц? — удивился юноша.

— Мы все знаем,— весело сказала принцесса.— Скорее спрыгивайте сюда!

Принц спрыгнул с окна на пол и подошел поближе. Это был обыкновенный мальчик, лет пятнадцати, чисто умытый и одетый в чистый костюм. Разглядев принцессу, он всплеснул руками и сказал:

— А вы такая, извините, неряха! Я думал, что все принцессы чистюли... Так нельзя! Идите поскорее умойтесь.

— Я не могу,— сказала принцесса и опустила глаза.

— Это же очень просто! — Принц хлопнул себя по лбу.— Как я раньше не догадался: вас надо научить умываться! Ну, пойдемте!

Через минуту они вернулись.

— Я сразу понял, что вы та самая Неспящая принцесса... Но, постойте, кажется, я должен на вас жениться!

— Да,— сказала принцесса.— Тот, кто научит меня умываться, должен стать моим женихом.

— Ура! — закричал принц и поцеловал принцессу.

— Ура! — закричали за дверью.— Мы проснулись! Ура!

Весь замок пришел в движение. Принцесса и принц забыли обо мне и подбежали к отцу-королю, который, позевывая, вышел из тронного зала.

— Здравствуй, моя дочь,— сказал он.— Здравствуйте, принц! Надеюсь, вы уже договорились о свадьбе?

Что было дальше, знает каждый: была свадьба. Такая веселая, что уходить с нее не хотелось, но сказка кончилась, и я очутился с волшебной лампой Аладдина дома.

А дома был переполох: искали меня. Бабушка обежала всех соседей, сестренка заглянула под все кровати и диваны и даже сунула нос в комод (будто я мог там поместиться), а мама звонила в милицию. Увидев меня, бабушка закричала, хватаясь за сердце:

— Нечистая сила! Откуда он взялся? Голубчик ты мой, хороший ты мой, где ты гулял? А я-то все обегала... Ох, ноженьки мои...

Мама бросила трубку и, подперев руками бока, сказала:

— Явился, негодник?! Где тебя лешие таскали? Чтоб на твою голову ведьма с кочергою...— И она стала перебирать всех фольклорных героев.

— Мам, смотри: у него волшебная лампа Аладдина.— Сестренка дернула мать за платье.— Он мне сам говорил...

— Что?! Какая лампа? Где ты этот металлолом нашел? Что за сказки рассказываешь? А ну-ка, отдай мне эту ржавую дрянь.— Мама выхватила у меня из рук волшебную лампу Аладдина и унесла ее в чулан.

И теперь мы с джином путешествуем в сказки потихоньку от мамы, она не любит «выдумок» (так она зовет сказки). Но ведь есть же у меня настоящая волшебная лампа, и не стану же я врать, что видел Неспящую принцессу! Если мама мне не верит, то вы-то, наверное, поверили? А если это так, напишите мне. Я покажу маме письма, и она поймет, что волшебники иногда живут рядом.

Коля СЕМЧЕНКО, 15 лет

Мой адрес: Хабаровский край, пос. Переяславка, Вокзальная, 17.

Волшебный сон

Поздно. Откровенно говоря, мне давно уже пора лежать в постели, но я не могу оторваться от книги. Это «Волшебная лампа Аладдина» — череда событий тревожных, загадочных и захватывающих: что дальше, что будет дальше? Голова клонится вниз, глаза слипаются, но я мужественно переворачиваю страницу за страницей.

С тихим скрипом отворяется дверь. На пороге возникает старик с длинной и белой, как снег, бородой. Он одет в пестрый восточный халат, на голове возвышается чалма, высокая и белая, как и голова старца.

Старик подзывает меня к себе, и я несмело подхожу. Он медленно отводит в сторону полу халата, достает темную медную лампу и протягивает ее мне. Я слышу его шелестящий, как дуновение ветра в листве, шепот: «В эту последнюю ночь июля Аладдин согласился отдать эту лампу тебе. Она твоя до рассвета, до начала нового дня...»

С трепетом приняла я из рук старика драгоценный подарок. Старик тут же исчез. Я держала лампу в руках и удивлялась: только что читала книгу о волшебной лампе — и вот, пожалуйста, она уже у меня. Стоит потереть горлышко, и исполнится любое мое желание. Что бы мне такое пожелать?

Раньше у меня не было недостатка в желаниях. Мне хотелось такое же платье, как у моей подруги Веры, и блестящую сумку, какие носят старшеклассницы... А еще мне хотелось, чтобы на день рождения мне подарили кукольный кофейный сервиз... Мало ли что хочется девчонке моих лет! Но сейчас все мои прежние желания вдруг показались пустяковыми-пустяковыми...

Я открыла окно и стала всматриваться в наш большой двор. В темноте скорее угадывала, где расположены лунки для деревьев, которые мы собирались завтра высадить в грунт, и яму для песочницы, и горки земли для будущих клумб. Дом наш совсем новый, последние жильцы лишь на днях заняли свои квартиры... И мы, ребята, решили превратить огромный пустырь двора в уютный, зеленый сквер.

И тут мне пришло в голову преобразить наш двор сейчас же, в эту ночь.

«Значит, так,— подумала я, вертя в руках лампу,— позади дома у меня будут большие фруктовые деревья, под деревьями я поставлю разноцветные беседки, увитые плющом. Перед окнами — большие роскошные цветники. В сторонке — бассейн с фонтаном, дальше — детская площадка».

И тут я совсем размечталась.

«В саду,— говорила я себе,— мы будем играть в прятки и пятнашки, а в беседках будут сидеть мамы и бабушки, качать в колясках малышей и вести свои неспешные разговоры.

В бассейне будем купаться и плавать. Детский городок отдадим тем, кто помладше, а спортивную площадку займем мы. Соберем волейбольную команду из девочек, и капитаном, конечно, буду я. Мальчишки тут же соберутся в баскетбольную команду. А у них капитаном будет, наверно, Вовка Гурченко».

Я тихонько выглянула в окно, и сердце у меня громко забилось. Уже рассвело, и передо мной в каплях росы блестел, сверкал под солнцем наш преображенный двор. Я готова была прыгать от радости. Я ждала, что вот-вот кто-то раскроет окно или выйдет из подъезда и, пораженный, застынет на месте...

Вдруг рядом со мной неожиданно оказался старец. Он взял из моих рук лампу и с загадочной улыбкой спрятал ее под халат...

— Как же так? — растерялась я.

— Да, дитя мое, Аладдин давал тебе лампу лишь на одну ночь. Ты видишь, ночь истекла и уже зародился новый день...

— А это все тоже исчезнет?

Старик не ответил. Он медленно исчезал, растворялся в утреннем воздухе. И опять передо мной появился пустырь, лунки для деревьев, земля для цветов...

Кто-то тряс меня за плечо. Я открыла глаза и увидела зажженную лампу под абажуром и раскрытую книгу.

— Надо же,— сердилась мама,— всю ночь читала!

Я подбежала к окну и увидела во дворе всех наших ребят.

— Идем,— кричали они,— старшие уже деревья сажают, а мы будем работать на спортплощадке!

— Иду! Сейчас! — ответила я.— Я придумала, как ее распланировать! Сейчас расскажу!

Эльвира УТАМЫШЕВА, 12 лет

Узбекская ССР. гор. Коканд.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

Кто получит приз Пешкина?

Ветер странствий снова раздувает паруса «Белой ладьи». Дан старт командам, участникам соревнования любителей шахмат на «Приз чемпионов мира».

В будущем году весной состоятся финальные встречи сильнейших команд. Финальный турнир чемпионов в пионерских галстуках посвящается столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Пятьдесят три тысячи пионерских дружин участвовали в первых соревнованиях «Белая ладья», и Пешкин уверен, что в предстоящем турнире будет еще больше участников.

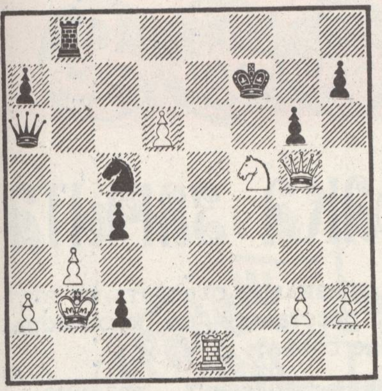
Претен-денток много!

А теперь о призе. Помните, Пешкин наградил волшебной шкатулкой киргизскую школьницу Софию Сабирову из города Ош? Интересно, кто получит волшебную шкатулку Пешкина на этот раз? Ведь все больше девочек участвует в шахматных соревнованиях.

На Всесоюзной спартакиаде отличилась тринадцатилетняя московская школьница Грета Лим, которую Пешкин недавно наградил «Грамотой ферзя и ладьи». Посмотрите, как хорошо провела атаку Грета в острой партии с Нато Багашвили (смотрите первую диаграмму).

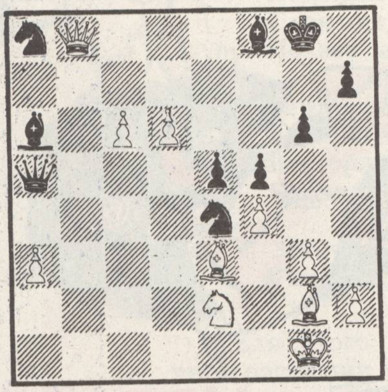
В подобном положении «промедление смерти подобно», и белый и черный короли находятся в опасной зоне, окружены со всех сторон неприятельскими фигурами и пешками.

Игравшая черными Грета Лим использовала все возможности

атаки. События развивались так: 32. ... c4—c3. + ! 33. Kpb2 : c2 не спасает и 33. Kp : c3, на что может последовать эффектное 33. ... Фd3+ 34. Kpb2, Л : b3+! 35. ab Ф : b3 + 36. Kpc1 Фb1 + 37. Kpd2 Ke4+! и черные выигрывают ферзя. Внимательно рассмотрите этот вариант, точно рассчитанный Гретой.

33. ...Фa6 : a2+ 34. Kpc2 : c3 Фa2: b3+ 35. Kpc3—d4 Лb8—b4+, и белый король получает мат, куда бы он ни отступил.

К этому положению пришла партия спартакиады между Региной Ягнятинской (Украина) и Любой Проценко (Киргизия).

Белые пожертвовали фигуру, и взамен у них оказались грозные проходные пешки. Но и черные не теряли времени зря: Люба Проценко создала ряд комбинаций, угрожающих белому королю.

В партии последовало: 32. Cg2 : e4 (этот естественный, но неудачный ход ведет к поражению. 32. ...Фa5—e1 +33. Kpg1—g2 Фe1 : e2+ 34. Kpg2—h3 f5 : e4 35. d6—d7 Фe2—h5+ 36. Kph3—g2 Фh5—f3+. Белые сдались.

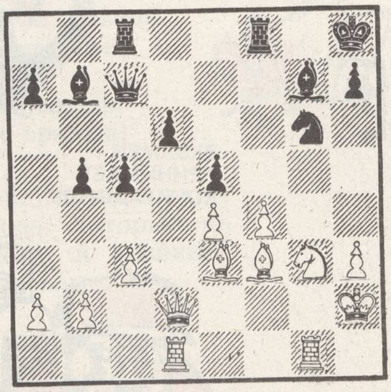
Регина Ягнятинская могла более энергично использовать силу своей далеко прорвавшейся пехоты. Найдите, каким путем белые добивались ничейного результата.

Молодец, Люда!

На первенстве Башкирии звание чемпиона оспаривали девять юных шахматистов и две шахматистки— сестры Люда и Рита Зайцевы.

Уверенно сражалась в этом турнире Люда. Она выигрывала партию за партией. И только на финише потерпела поражение. В итоге Люда заняла второе место. Молодец, Люда! Вот как она победила участника первенства Алимгулова (диаграмма третья).

Последовало: 22. f4—f5 Kg6—h4 (надо было играть 22. ... Kf4) 23. Cf3—h1 d6—d5 24. Kg3—h5 Лf8—g8 25. Ce3—g5! (конь черных «заблудился» на краю доски) 25. ..d5 : e4 26. Cg5 : h4 e4—e3 27. Фd2—e3 e5—e4+ 28. Ch4—g3 Cg7—e5 29. Cg3 : e5+ Фc7 : e5+ 30. Фe3—f4, черные сдались.

Да, претенденток на приз Пешкина много. Даже сам Пешкин не может сейчас сказать, кому достанется его волшебная шкатулка. Он желает всем шахматисткам, участницам соревнований «Белая ладья», больших спортивных удач!

Две грамоты Пешкина

Двадцать девять ребят привлек к участию в школьных турнирах Вова Фомин из города Вышний Волочек. За это Пешкин награждает его «Грамотой ферзя и ладьи».

Леша Антипов живет в колхозе «Ала-Тоо», Кантского района, в Киргизии. Он умело разбирается в сложных позициях и находит правильные решения. Пешкин и его награждает «Грамотой ферзя и ладьи».

Лидеры конкурса

Задача из журнала № 4 решается ходом 1. Фc8—e6. В задаче из журнала № 5 к цели ведет ход 1. Kpg5—h5.

С этими и другими конкурсными заданиями успешно справились Валерий Овсянников из деревни Зыково, Красноярского края, Гриша Атаянц из Карачаевска, Коля Авдеев из села Дровосечное, Орловской области, польский школьник Марианн Вроблевский из города Вроцлава, москвичи Катя Винник и Юра Энгельс, Миша Туник, ученик четвертого класса магаданской школы № 2, Марк Ривин из города Шевченко, Гурьевской области, и еще многие, многие ребята.

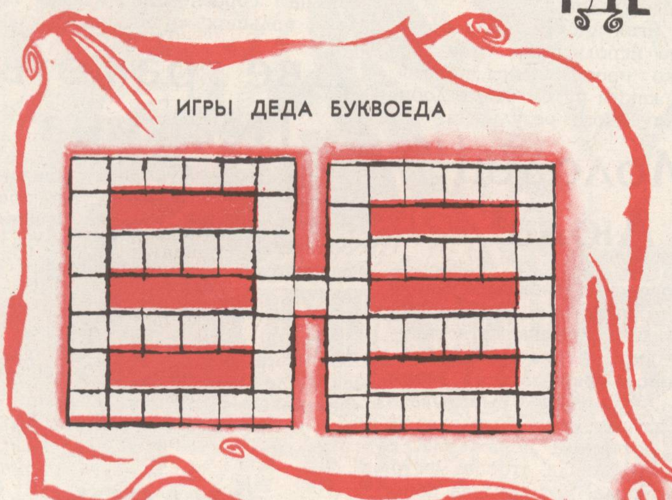

Рисунки
Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

ГДЕ СОБАКА ЗАРЫТА

Чтобы правильно ответить на этот вопрос, расставьте на кроссвордном поле слова:

солянка	**рассвет**	**ваяние**
начало	**радуга**	**собака**
анафема	**красота**	**азбука**
		лопата
Тамара	**станок**	**фея**

Попробуйте решить эту задачу без помощи карандаша и пера, произведите поиски «собаки» в уме. Трудно? Обратитесь к слову «фея», оно вам поможет добиться успеха!

Рисунки А. БОРИСОВА.

СЕМЕЙКА НА СКАМЕЙКЕ

На дворе стоит скамейка
Под каштаном золотым,
Очень дружною семейкой
На скамейке мы сидим.

С книжкою восьмая справа —
Это Клава.
В красной майке пятый слева —
Это Сева.
Между Клавою и Севой
Маша с Евой.
А седьмая слева — это
Мариэтта.
Сколько нас всего в семейке
На скамейке?

ЭКЗАМЕН
ПРИНИМАЕТ
КОНАН-ДОЙЛЬ

ЧЕТЫРЕ ОТВЕТА

Конан-Дойль. У профессора Анри Лоти украли автомобиль. Полиция задержала четырех гангстеров: Андре, Луи, Жоржа и Тома,— которые подозревались в совершении кражи.

— Что они заявили на допросе?

Конан-Дойль. Читаю вам выписку из протокола:

«*Андре.* Это был Луи.

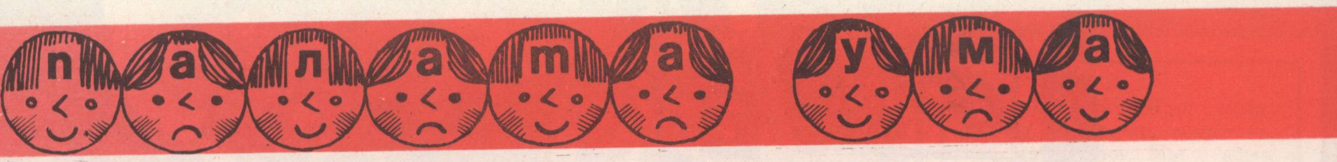
Луи. Это сделал Том.

Жорж. Это не я.

Том. Луи лжет, когда говорит, что это я».

— Какие были собраны еще улики?

Конан-Дойль. Я не буду их вам перечислять, скажу, однако, что, как показало расследование, только один из гангстеров в приведенных выше ответах сказал правду. Попробуйте, зная это, установить, кто же украл машину профессора Лоти.

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

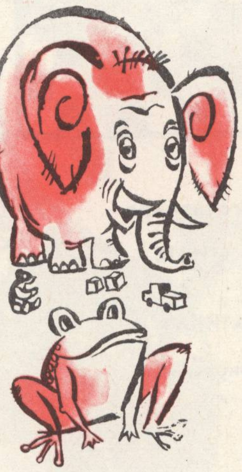

Три розовых гориллы
Сварили бутерброд,
А ежик чернокрылый
Раскрасил пароход.

К малиновой лягушке
Подплыл зеленый лев,
Слон лает на игрушки,
Ползет акула в хлев.

Вертлявый вороненок
Воркует с воробьем,
Восторженный опенок
Свалился в водоем.

Заточите карандаш,
Уничтожьте ералаш!

А для этого найдите в каждом четверостишии слова, которые не подходят по смыслу, и замените их подходящими словами.

Ответы на задачи из № 10

ЗАВЕЩАНИЕ

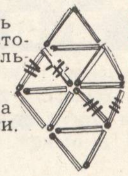
Отрывать клад надо было не на вершине тени, а рыть канаву вдоль тени от ее вершины, так как за это время дерево выросло и тень стала длиннее.

16 МОНЕТ

На этот раз барон Мюнхаузен не соврал. Достаточно прижать двумя пальцами верхние монеты из первого и третьего вертикальных рядов, подвести их под нижние ряды и подтолкнуть их кверху.

ОСТОРОЖНО! ИГРАЕМ СО СПИЧКАМИ...

Чтобы осталось четыре равносторонних треугольника, нужно убрать четыре зачеркнутые на рисунке спички.

ШАЛАШИ

Всякое чтение слова «шалаш» должно начинаться с буквы «ш». На рисунке всего четыре буквы «ш». Но нетрудно подсчитать, что на поляне было 48 шалашей.

ВСТРЕЧА У СТЕНЫ

Шерлок Холмс пришел к выводу, что Джон Браун хотел оклеветать своего соседа и все подстроил сам: продырявил шляпу и насыпал около стены дроби. Если бы в Брауна действительно стреляли, то найденные дробинки были бы не круглыми, а расплющились бы от удара о каменную стену.

ИЗ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ БУДУЩЕГО

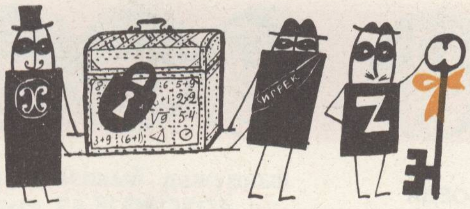
МАРСИАНСКИЕ КЛАССЫ

Девочки на Марсе, так же как и на Земле, любят играть в классы. По своему рисунку марсианские классы почти не отличаются от наших.

Однако на Марсе существует любопытное правило: в игру принимается только тот, кто может нарисовать классы, ни разу не отрывая мела от асфальта и ни разу не прочерчивая одну и ту же линию дважды в каком-либо направлении. Интересно, справитесь ли вы с этой задачей?

(Из журнала «Знание — сила», май 1999 года.)

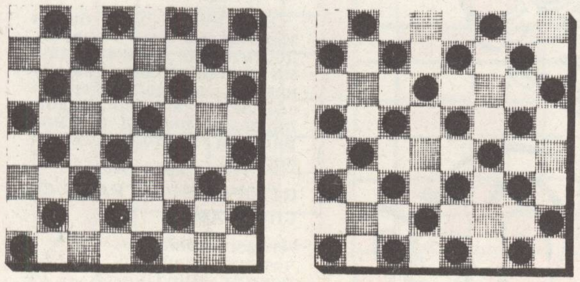

Неизвестные раскрывают свои тайны

Ответ на конкурсную задачу из № 10

РАССТАВЬТЕ ШАШКИ

24 шашки. На этих чертежах две возможные расстановки.

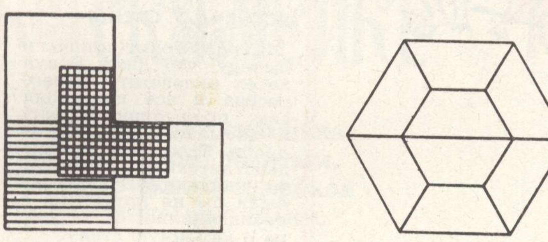
Ответы на задачи этого номера

КАК В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

1967.

ТОРТ И МАТЕМАТИКА

Решения на этих рисунках.

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор **С. Ю. Сахарова.**

Оформление **К. Высоцкой.**

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.
Технический редактор **В. Назарова.**

А 00199. Подписано к печати 3/X 1969 г. Формат бумаги 84 × 60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 130 000 экз. Изд. № 2090. Заказ № 2563.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Вы слышали? Идет зима, летит с ветрами, гонит тучи, несет снег. Мы с вами наденем пальто, влезем в валенки, и хорошо нам, мы холодов не боимся.

А ВОТ ПТИЦАМ ПЛОХО! Правда, холод и они переносят легко, но — голод... Кто сыт, тому и тепло, а зимой где птицам взять корму, если мы с вами об этом не подумаем?

ЧЕМ БУДЕМ КОРМИТЬ? Арбузными, дынными, тыквенными, подсолнечными семечками. Конопляным семенем. Ягодами бузины и рябины. И хлебные крошки неплохи, и обрезки сала и мяса — тоже годятся.

А кто осенью догадался навязать веников из крапивы, лебеды, конского щавеля, репейника, тот может устроить настоящий пир для птиц, воткнув веники прямо в снег, торчком.

НАЧНЕМ подкормку сейчас и будем заботиться о беззащитных птицах до марта—апреля. В большие морозы, в снегопады, в гололедицу сыпьте побольше, и, главное, регулярно! Птицы привыкают к месту, не заставляйте их ждать напрасно и учтите, что кормятся птицы с утра пораньше!

Вот мы и договорились: **БУДЕМ ВСЕ ПОМОГАТЬ.**

Всероссийское общество охраны природы.

ВСЕРОССИЙСКОЕ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ ОБЩЕСТВО

Цена 25 коп.

Индекс 70694.

